

Фридрих Горенштейн

ПОД ЗНАКОМ ТИБЕТСКОЙ СВАСТИКИ

записки белоказачьего офицера

CAOBO
WORD

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН

**ПОД ЗНАКОМ
ТИБЕТСКОЙ
СВАСТИКИ**

**Записки белоказачьего офицера
(киносценарий)**

**СЛОВО – WORD
NEW YORK
1997**

FRIDRIH GORENSHTEIN
UNDER THE SIGN OF TIBET SVASTIC

ФРИДРИХ ГОРЕНШТЕЙН
ПОД ЗНАКОМ ТИБЕТСКОЙ СВАСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЛОВО-WORD
PUBLISHER:
SLOVO -WORD
Publishing House
139 East 33rd Street #9M
New York, N.Y. 10016
Tel: (212) 686 – 0199
U.S.A.

Copyright ©1997 by Fridrih Gorenshtein
Cover design by Eugeny Goldin
Library of Congress Cataloging Number: 97-072367

Printed in U.S.A.

Стоит ли писать об этом? Не знаю. Часто я задаю себе этот вопрос. Поверил бы я тому, о чем хочу рассказать, если бы сам не пережил тех кошмарных кровавых дней? Если бы, встав рано утром где-нибудь в мирном городе, за чашкой кофе пробежал страницы черных, полных ужаса слов? Всегда я отвечаю отрицательно. Слишком реально, слишком нелепо все пережито, даже на фоне жестокости и крови гражданской войны, которых я к тому времени вкусил полной мерой. После поражения колчаковской армии и последовавших за этим зверств большевиков мне удалось перейти монгольскую границу и добраться в расположение казачьей дивизии, которой командовал барон Унгерн фон Штернберг.

О бароне ходили противоречивые слухи. Говорили о нем как о человеке необычайно храбром, лихом кавалеристе, своими рейдами наделавшим немало бед большевикам. В то же время говорили о нем как о человеке необычайно жестоком не только к врагам, но и к своим, которых за проступки, иногда даже незначительные, жестоко наказывал. Впрочем, известен был также барон и как человек философского мышления, мистик и знаток Востока.

Смесь тревоги и любопытства владели мной в ожидании первой моей встречи с бароном. К барону у меня было рекомендательное письмо из канцелярии генерала и атамана Забайкальского казачьего войска Семенова, и, кроме того, среди офицеров барона были мои личные друзья: подпоручик Гущин, а также личный адъютант барона полковник Лоуренц. Приехав поздно вечером, я остановился в палатке у Володи Гущина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Сцена

– Как вы тут живете? – спросил я у Володи Гущина, когда мы расположились в палатке за небольшим раскладным столиком, на котором рядом с монгольской закуской – резанным крупными кусками сушеным бараньим окороком – стояла настоящая петербургская бутылка “Смирновской” с двуглавыми орлами на этикетке.

– Как живем, – усмехнулся Гушин, – поживешь, поймешь и мне расскажешь, – ответил он неопределенно, откупоривая бутылку и разливая водку в оловянные солдатские кружки. – Прости, за неимением бокалов выпьем из солдатских...

– За встречу, – сказал я.

Мы чокнулись и выпили.

– Как живем, – повторил Гушин, выпив и закусывая бараниной. – Гарнизонная жизнь течет раз и навсегда заведенным порядком, как в старое государево время. Офицеры ходят в наряд дежурными по полкам, руководят стрельбами, готовят свои подразделения к парадам, в табельные дни следят за перековкой и чисткой лошадей, за хранением оружия, за чисткой казарм, конюшен и конюшней. В полках с нижними чинами занимаются урядники, мы, офицеры, ведем послеобеденные занятия в конном строю или пешем по конному. Другие обязательные предметы: гимнастика, рубка и фехтование, укладка походного тюка, полевой устав. Отдельно проходят беседы о войне, которые проводит либо сам барон, либо его первый помощник Резухин.

– Точно на дворе не 20-й, а 13-й год, – сказал я, торопливо закусывая, чтобы не опьянеть, ибо после трудной дороги кружка водки ударила мне в голову, – такие излишества деловой муштры в колчаковской армии давно отменены. Впрочем, не удивительно: здесь беседы о войне, а у Колчака в Сибири – война.

– Говорят о больших потерях, – сказал Гушин, – так ли это?

– Шестьдесят тысяч бойцов убитыми, ранеными. Тем, кто остался, Вадим Оскарович Капель отдал приказ повернуть на север. Шли пешком с женами, детьми, везли раненых сотни верст. Тифозных привязывали к саням, чтобы не прыгивали в бреду. По ночам шли с масляными фонарями, питались главным образом кониной с заварухой – похлебкой из муки со снегом.

– Закусывай, а то совсем опьянеешь, – сказал Гушин, который в продолжение моего горячего монолога, вызванного, очевидно, вод-

кой, сидел и пристально глядел на меня. — Ужасов и здесь хватает, несмотря на тыловой уставной порядок. Ты в этом очень скоро убедишься. Страшна беспощадная война, которую мы ведем с большевиками, но есть и нечто пострашнее. Безудержные зверства и жестокости против своих, — сказал он, понизив голос и оглядываясь на завешенный пологом вход палатки.

— Да, до нас доходили слухи о странностях барона, — сказал я, — говорили, что он жестоко наказывает даже за незначительные проступки, ходят слухи, что он психически нездоров. А катастрофа Белого движения, которому фанатично предан, сделала его особенно психически неуравновешенным.

— Не знаю, — сказал Гушин, — я не психиатр, у барона много дурных людей. Подобрал ли он их специально или они подобрались сами, воздействуя на его эти дурные свойства, не в этом суть.

— Ну а такие, как Лоуренс, — сказал я, — ведь Лоуренс в ближайшем окружении барона, его адъютант.

— Разве я тебе не сказал, что Лоуренс арестован?

— Арестован? За что?

— Какая-то история с золотом. Будто он прихватил часть золота, захваченного нами у большевиков в Троицкосавске. Теперь сидит на гауптвахте в ожидании приговора, а точнее говоря — смерти.

— Смерти? Неужели так безнадежно? Я ему письмо привез от матери. Что ж ответить старушке?

— Многие офицеры не верят в виновность Лоуренса, — сказал Гушин, — я тоже, честно говоря, сомневаюсь. Скорее всего, дурные люди, окружающие барона, хотели Лоуренса убрать, чтобы усилить на барона свое влияние. Все это слишком напоминает придворные интриги. Ведь здесь, в Монголии, барон не обычный командир дивизии, а нечто вроде самодержца-самозванца. Поживешь, поймешь, что выдержать все это человеку элементарно порядочному невозможно без чувства идеи. Без веры в наше Белое движение. Впрочем, хватит о бароне, давай поговорим о женщинах. Знаешь, Коля, я ведь опять влюблен.

— В кого же? — сказал я. — Уж не в какую-нибудь китаянку или монголку?

— Ах нет, — с улыбкой сказал Гушин, — в прекрасную молодую женщину — Анну Федоровну Белякову. Признаться, я думаю о ней с утра до вечера. Такая острая внезапная влюбленность, как на гимназических балах. Когда-то в ранней юности я был влюблен в одну гимназисточку. Что-то подобное, то же восхищение, какое-то томление в теле. Люблю, точно в первый раз.

– Мы, Володя, просто сильно истосковались по женской ласке, – сказал я, – по женской истинной любви. Знаешь, во многих сибирских газетах имеется специальный отдел “Почтовый ящик фронта”. В нем публикуются адреса полевой почты тех, кто желает обзавестись крестной матерью по переписке. Но каждый надеется, что напишет ему женщина, которой по возрасту он не будет годиться в сыновья. Адресов печатают много, видно, многие ищут. Видно, спрос на крестных матерей велик. Признаться, и я писал, но мне не повезло. А ты, Володя, где встретился со своей прекрасной незнакомкой?

– В офицерском казино, – сказал Гушин, – но не подумай, она не из тех, женщин вольного поведения. Анна вынуждена выступать как шансонетка, потому что у нее маленький брат и мать, которых она должна кормить.

– Я никого не осуждаю, – сказал я, – ни шансонеток, ни даже проституток. Война разорила семейные гнезда, превратила людей в беженцев, дороговизна, страх перед будущим... Как у Ницше сказано, что страх перед будущим обостряет половой инстинкт. Желание оставить после себя потомство. Страх в подсознании, но сознательно детей никто не хочет. Противозачаточные средства ценятся на вес золота.

– Я бы очень хотел иметь от Анны ребенка, – сказал Гушин, – хотел бы на ней жениться. Если бы ты знал, какая это женщина. Кстати, у Анны есть подруга, замечательная блондинка, словно созданная для тебя. Выпьем, Коля, за любовь!

Он разлил водку в кружки, но выпить мы не успели: вдруг слышался у палатки чей-то высокий, почти женский голос:

– Подпоручик Гушин, есаул Миронов у вас?

– Так точно, – ответил Гушин и быстро вскочил. Полог палатки резко распахнулся, и показалась ехидно улыбающаяся сгорбленная маленькая фигурка.

– Дружеская пирушка? – сказал он с ехидцей и, подняв на меня глаза, резко произнес:

– Есаул Миронов, я начальник штаба дивизии, полковник Леонид Иванович Сипайлов. Вас срочно к начальнику дивизии с докладом.

– Но сейчас ночь, – смущенно сказал я, – я не готов, я рассчитывал на завтра.

– Немедленно, сейчас, – резко сказал Сипайлов.

– Господин полковник, – попробовал вмешаться Гушин, – есаул только с дороги.

– Молчать, – оборвал его Сипайлов, – вас не спрашивают, Гушин. Дисциплину забыли, так барон напомнит, – и он опять захихикал.

– Но зачем так поздно? – спросил я.

– Не знаю, цветик мой, не знаю, – насмешливо забормотал Сипайлов, ехидно посмотрел и удалился.

– Макарка-душегуб, – сказал Гушин, – вся дивизия именует его Макарка-душегуб. Какое он произвел на тебя впечатление?

– Жуткое впечатление, – сказал я, – монстр физически слабый, руки трясутся, лицо передергивается судорогой, монстр отталкивающей наружности. Точно дьявол послал своего слугу.

– Именно дьявол, – сказал Гушин, – особенно остерегайся этого. Человек-зверь, садист и палач, его тяга к убийству часто патологична. Если гауптвахта или подвалы комендантств пусты, он тоскует и нервничает, как кокаинист, лишенный кокаина. Впрочем, в этом он подражает барону. Он старается во всем подражать барону, даже голосу барона. Сипайлов, кстати говоря, большой волокита. Любит преследовать женщин, жен ушедших в поход офицеров, вплоть до выставления караулов под их окнами. Но одновременно подыгрывает барону, изображая из себя поборника нравственности.

Мы выпили, и я торопливо начал собираться.

– Коля, я пойду с тобой, хоть меня и не вызывали, – сказал Гушин. – Ты новенький, плохо ориентируешься в здешней ситуации. Многие считают, что Макарка-душегуб особенно дурно влияет на барона, человека душевно неустойчивого. А то, что он сам пришел тебя звать, меня оченьстораживает.

– Во всяком случае, в 12 часов ночи вызов не предвещает ничего хорошего, – сказал я.

– Коля, – сказал Гушин, – может, тебе лучше бежать? Возьмешь у меня запасного коня, поскачешь к китайской границе.

– Нет, – сказал я, – в России зверствуют большевики. Наше Белое движение погибает: Колчака предали, Юденич в Стокгольме, Деникин, где Деникин – даже не знаю, кажется, в Англии. Только два балтийских барона олицетворяют борьбу с большевиками. Барон Врангель – в Крыму, и барон Унгерн – здесь, в Монголии. До Крыма далеко. Что бы ни случилось, мы должны оставаться верными присяге.

– Возьми два револьвера, – сказал Гушин и протянул мне свой револьвер, – у меня есть еще браунинг, но этот надежней. Спрячь под мундиром.

Мы оделись и вышли. Ночь была очень светлая, лунная, но ветренная. Где-то вдали были собаки.

2. Сцена

Монгольская юрта располагалась на краю поселка, дальше начинались огороды, а еще дальше – поля. Перед юртой собралась небольшая кучка людей, дожидавшихся приема. Все стояли неподвижно, с озабоченными лицами, за исключением одного офицера, который все время нервно ходил взад и вперед. Когда мы с Гущиным подошли, он остановил на мне свой беспокойный взгляд и шепотом спросил:

– Простите, господин есаул, вы колчаковец?

– Да, – ответил я, – есаул Миронов.

– Капитан Филиппов, – представился он и снова начал ходить взад–вперед, как маятник, затем снова подошел и прошептал:

– Есаул, остерегайтесь. Здесь слово “колчаковец” – уничижительное прозвище, ругательство. Отношение барона ко всем, кто не был с атаманом Семеновым и не связан с Забайкальскими застенками, отличается подозрительностью и оскорбительным недоверием.

Опять он заходил маятником взад-вперед и опять подошел:

– ...Не говоря уже о всяких прихвостнях, помощниках барона, садистах и уголовниках... Мы совершили большую ошибку, приехав сюда.

– Хорошо, что ты промолчал, – тихо сказал Гушин, когда капитан Филиппов отошел, – возможны всякие провокации, но верно, остерегайся. Ты заметил, что все вызванные к барону перед тем как войти осеяли себя крестным знамением?

Вскоре вызвали капитана Филиппова, он перекрестился и вошел. Прошло несколько минут, как вдруг отчетливо послышался хриплый от ярости голос, переходящий в визг.

– Вы лжете, я обвиняю вас во лжи, не верю ни одному слову из сказанного, я не потерплю!

– Это барон кричит, – шепотом произнес Гушин.

– Он, конечно же, большевистский агент и шпион, пробравшийся в Монголию с единственной целью разложить мои войска революционной пропагандой! – продолжал кричать барон.

– Капитану Веселовскому с ординарцами – связать агента! – послышался другой голос.

– Это Резухин кричит, – шепотом сказал Гушин. – Веселовский – адъютант Резухина.

В юрте послышалась возня, пыхтение, и Веселовский с ординарцами выволокли из юрты бледного капитана Филиппова со связанными руками.

– В огороды! – выкрикнул Веселовский.

Капитана Филиппова отвели в огород и мгновенно изрубили пашками в куски.

– Среди капусты изрубили, как капусту, – смеялся Веселовский.

Происходящее напоминало кошмарный сон.

– Жаль, что я не успел с собой взять ампулу с цианистым калием, чтобы отравиться, если барон прикажет меня казнить, как Филиппова, – шепотом, стараясь унять дрожь, сказал я. – Револьвер отберут.

– Есаул Миронов приглашается к барону, – послышался голос дежурного офицера.

Я обнялся с Гущиным и перекрестился.

– Сдайте оружие, – сказал мне Веселовский.

Я подошел к юрте. Веселовский стоял перед юртой, за поясом у него был заткнут револьвер без кобуры. В руках он держал обнаженную пашку, которой зарубил Филиппова, лужа крови еще не впиталась в землю перед юртой. Я отдал оба револьвера, опять перекрестился, откинул полы юрты и вошел. Не успел я переступить порог, как навстречу мне кинулась какая-то фигура в красном монгольском халате. Человек встряхнул мою руку нервным пожатием, так же быстро отскочил обратно и растянулся на кровати у противоположной стены. На стене висели три изображения: Фридрих II, Николай Чудотворец и Будда.

– Кто вы такой? – истерично крикнул барон, впиваясь в меня бело-голубыми глазами. – Тут повсюду шныряют большевистские шпионы и агитаторы.

Между тем Веселовский неслышно вошел в юрту и остановился у меня за спиной. Пашку он по-прежнему держал в руке, не вкладывая ее в ножны.

– Что стоишь, Веселовский? – неожиданно спросил его барон.

– Жду, ваше превосходительство, – улыбаясь ответил Веселовский, – что с этим посетителем приказано будет поступить, как с предыдущим.

Он засмеялся.

– Отойди, – сказал барон и опять обратился ко мне, – вы колчаковец?

– Да, я служил в армии Колчака.

– Еще одна сентиментальная девица из колчаковского пансиона, – произнес некто.

– Замолчи, Резухин, – сказал барон. – У вас, есаул, письмо из канцелярии атамана Семенова? Откуда вы знаете атамана?

– У меня чисто литературное знакомство, мы оба участвовали в литературном альманахе, изданном Харбинским обществом ориенталистов, где атаман состоит почетным членом.

– Да, ведь атаман пишет стихи, – сказал барон, – издал два сборника.

– Ваше превосходительство, – сказал Сипайлов, – можно ли доверять рекомендательным письмам, исходящим из канцелярии атамана?

– Замолчи ты, – крикнул вдруг барон и, размахнувшись, ударил Сипайлова по щеке.

– Чего стоишь, пошел вон, – сказал он.

– Дедушка сердится, – угодливо улыбаясь, произнес Сипайлов и вышел.

– Где вы учились, есаул? – спросил барон, остановившись и глядя на меня в упор.

– Я окончил кавалерийское училище в Петербурге, – сказал я, – а потом учился на филологическом факультете Петербургского университета, но не окончил: помешала война.

– Мне тоже помешала война, – сказал барон, – я учился в морском корпусе. Я – морской офицер, но русско-японская война заставила меня бросить мою профессию и поступить в Забайкальское казачье войско, – он отошел к постели, прилег. – Есаул Миронов, прошу извинить меня за неловкий прием. Я никому не могу верить: нет больше честных людей. Все имена фальшивые, звания присвоенные, документы поддельные, исключения редки. Вы произвели на меня хорошее впечатление, я чрезвычайно доверяю первому впечатлению. Очень прошу вас остаться при мне, я столько лет вынужден находиться вне культурного общества, всегда один со своими мыслями. Я бы охотно поделился ими и хотел бы вас сделать своим адъютантом и своим советником, записывающим кое-какие из моих накопившихся мыслей. Согласны ли вы? Сколько вам надо времени для ответа?

– Одну минуту, – ответил я.

– Думайте, – сказал барон, глядя на меня белыми глазами.

Барон был высокого роста, сухой, тонкий, держался очень прямо. Короткое туловище на длинных кавалерийских ногах, маленькая голова, волосы светлые с рыжеватым оттенком, не слишком гу-

стые. Правильный нос, плотно сжатые губы, довольно большие уши. Лицо похоже на византийскую икону. Подобные лица, дышащие свирепостью и дикой волей, были у викингов, рубившихся на кровавых тризнах.

– Вы согласны? – спросил барон после нескольких минут молчания.

– Согласен, – коротко ответил я.

– Замечательно, – сказал барон, – такие люди, как вы, мне очень нужны, вокруг одна сволочь.

Он помолчал и вдруг резко спросил:

– Лоуренса знаешь?

– Так точно, знаю, – ответил я, – я привез полковнику письмо от его матери.

– Дай письмо, – сказал барон.

– Простите, ваше превосходительство, но письмо личное.

Едва я это сказал, как ко мне подошел широкоплечий человек в монгольской остроконечной желтой шапке с висящими ушами, в монгольском халате, с ташуром в руках, со скуластым рябым лицом и, глянув на меня узкими глазами, хриплым голосом произнес:

– За противоречие барону у нас сажают на лед.

– Оставьте его, Бурдуковский, – сказал барон и обратился ко мне уже спокойнее и опять на “вы”, – дайте, я читать не буду.

Я вынул из бокового кармана конверт, барон взял, прочел адрес:

– Бедная старушка, Лоуренс был хороший офицер, мой личный адъютант, я ему доверял. Соблазнился золотом. В Троицкосавске нами было захвачено большевистское золото, которое они собирались переправить к китайским дипломатам. Без этого золота дипломатическая деятельность большевиков, основанная на подкупе китайских чиновников, будет сильно затруднена. Лоуренс хотел захватить золото, бежать в Китай. Есаул, я назначаю тебя новым адъютантом. Лоуренс сидит на гауптвахте, поедешь туда.

– Ваше превосходительство, – сказал Бурдуковский, – вы обещали назначить меня экзекутором.

– Он поедет, – сердито сказал барон, – есаул Миронов. Лоуренса сейчас надо кончить. Сам кончи, а то эта сволочь Бурдуковский еще будет над ним издеваться. Ну иди, письмо от матери пусть прочтет.

3. Сцена

Не помню, как я вышел из юрты. У входа меня ждал Гушин.

– Слава Богу, все закончилось благополучно, – сказал он.

– Благополучно ли, – пробормотал я. – Мне приказано ехать к Лоуренсу. Не знаю, что делать, хоть сам стреляйся.

– Глупо, – поняв все, сказал Гушин. – Лоуренса поручат другому, поручат палачу Жене Бурдуковскому. Уповай на Бога и постарайся облегчить Лоуренсу смерть.

Подъехала коляска в сопровождении нескольких конных казаков, я сел в коляску и поехал к гауптвахте. Ветер пригнал тучи, лунный свет померк, вокруг была бездонная тьма, были собаки.

Гауптвахта была подвалом, сырым и затхлым. В углу стояли какие-то бочки, в другом углу на деревянных нарах, скорчившись, спали, укрывшись полупубком, тяжело дыша, Лоуренс. Все это я увидел при колеблющемся свете свечи, которую держал вошедший со мной стражник. Когда мы вошли, Лоуренс заворочался, но не проснулся. С трудом можно было узнать в этом изнуренном, обросшем бородой человеке того холеного, с самоуверенным, даже надменным лицом полковника, каким я знал его прежде. Я тронул Лоуренса за плечо, он проснулся и, резко вскочив, сел на нарах, свесив босые ноги в подштанниках.

– Что вам угодно? – сердитым жалобным голосом сказал Лоуренс. – Я уже все сказал, все ложь, ложь и ложь, больше мне нечего сказать.

– Саша, это я, Николай Миронов, – сказал я.

– Коля, – крикнул Лоуренс и порывисто обнял меня, – как ты здесь?

– Приехал, – стараясь унять дрожь, ответил я, – я привез тебе письмо от твоей матери, – и протянул конверт.

Лоуренс жадно схватил конверт, начал читать, повторяя: “Матушка моя, матушка...” Он читал, перечитывал и снова читал. Я едва сдерживал слезы. Наконец, я сказал:

– Саша, тебя требует барон Унгерн, одевайся.

– Сейчас? Немедленно?

– Да, сейчас. Но он приказал связать тебе руки, так как он боится, что ты бросишься на него.

– Не узнаю барона, – одеваясь, сказал Лоуренс. – Неужели он, умный человек, не понимает, что история с золотом – обычная клевета Сипайлова и Бурдуковского, которые меня ненавидят и давно советовали уже барону снять меня с должности адъютанта. Они бо-

ятся, что мое влияние на барона помешает им в их садистских делах.

– Саша, – перебил я Лоуренса, – барон приказал доставить тебя как можно скорее.

– Что ж, вяжите, – тихим голосом сказал Лоуренс, глянув на казаков, вошедших в камеру.

– Хотя нет, – нервно вскричал он, – пусть они выйдут. Я хочу несколько слов сказать тебе наедине.

– Выйдите, – сказал я казакам, – выйдите, я позову.

Казаки вышли. Прошла минута, другая, Лоуренс, ничего не говоря, подперев голову руками, продолжал сидеть на нарах.

– Саша, говори скорее, – сказал я.

Он поднял голову, лицо его было каким-то строгим и грустно-насмешливым.

– Кто помоложе, может, и дождется, – сказал он, – а нам уже думать нечего, – вдруг он коротко истерично засмеялся.

– Саша, если ты хочешь что-либо сказать мне, то говори, – опять повторил я.

– Матери моей ничего не пиши, – сказал он, – пусть старенькая моя надеется. Жене вот, – он судорожно, торопливо стащил с пальца обручальное кольцо, – дай мне клочок бумаги и перо.

Я вырвал лист из карманного блокнота и протянул перо. Он так же торопливо, судорожно написал: “Погибаю ни за что” – и завернул кольцо в записку. – При случае отошли жене. Я взял кольцо.

– Теперь вяжите, – сказал он, поднявшись на нарах.

Я позвал казаков, мы его связали, посадили в коляску и повезли. Ночь была бешеная, крутил ветер, было темно, как в могиле, и зловеще заливались за городом собаки.

– Ужасно болит голова, – сказал Лоуренс после долгого молчания, – ужасно, скорей бы избавиться от головной боли. Вы меня везете кончать?

– Да, Саша, – с трудом пробормотал я, – прости, если можешь.

– Нет, хорошо, что ты, – прошептал Лоуренс. – Бурдуковский или Сипайлов меня бы мучили перед смертью.

Выехали за территорию военного лагеря, казак-кучер повернулся и спросил:

– Прикажете остановиться, господин есаул?

– Да, – ответил я.

Лоуренс сам, не поддерживаемый казаками, спрыгнул с коляски и спросил:

– Ты меня рубить будешь или стрелять?

В ответ на это я дрожащей рукой направил револьвер в голову Лоуренса и выстрелил. Лоуренс упал и простонал:

– Какой ты плохой стрелок...

– У меня дрожат руки, – сквозь слезы сказал я и выстрелил опять.

– Добивай, добивай же скорей, ради Бога, – сказал Лоуренс.

Меня трясла лихорадка, и снова выстрелил, и снова не добил.

– Не мучайся, убивай, – застонал Лоуренс.

Я палил в него и не мог попасть в его голову. Очумелый от ужаса кучер, соскочил с коляски, подбежал к извивающемуся на земле Лоуренсу, приставил к его голове револьвер и выстрелил. Я вскочил в коляску и сумасшедшим голосом заорал:

– Скорей, скорей в лагерь!

Лошади помчались от страшного места, остервенело выли собаки.

4. Сцена

Коляска остановилась у небольшого домика на краю поселка.

– Сходите, есаул, – сказал кучер, – здесь вас велено поселить. Где ваши вещи?

– У подпоручика Гущина, – сказал я, сдерживая дыхание, чтобы не закричать. – Я сам заберу завтра.

Мы вошли в довольно просторную комнату, обставленную с некоторой роскошью, по-петербургски. Был даже фикус, невесть откуда взявшийся в монгольской глуши. На комодѣ среди вещей и серебряных подсвечников стоял большой фотопортрет: военный с улыбающимся надменным лицом, молодая женщина из санкт-петербургских красавиц и девочка в матросском костюме, с удивленно поднятыми бровками.

– Лоуренс? – спросил я. – Откуда Лоуренс?

– Здесь жили, – ответил казак. – Царствие ему небесное, – и перекрестился на висевшую в углу икону.

Я тоже перекрестился. Едва казак ушел и я остался один, как тут же упал на диван, не раздеваясь, лишь сняв португезу с кобуры и шашкой. Я зажмурил глаза, стараясь уснуть, но возникший вдруг колокольный звон не давал успокоиться.

– Это ветер, – сказал я вслух, – это ветер. Здесь нет церкви.

Но звон продолжался, я встал и начал ходить из угла в угол.

– Отчего он перед смертью не упомянул о девочке? – спросил я сам себя. – О матери, о жене сказал, а о девочке промолчал, видно,

любил ее особенно и молча унес имя ее и образ с собой. Какой образ унесу я с собой, какого ангелочка? Господи, как кроваво и нечисто на душе, Господи, прости и помилуй...

Я упал на колени и до изнеможения, не переставая, шепотом молился перед иконой.

5. Сцена

Едва рассвело, как я пошел к реке и сел на берегу, в отупении глядя на мутную, плещущуюся воду. Несмотря на ранний час, на берегу в разных местах сидело несколько монголов, но не лицом к реке, а спиной. Тут, на берегу реки, меня и нашел Гушин. Ничего не говоря, лишь поздоровался и сел рядом со мной.

– Отчего они сидят спиной к реке? – спросил я. – Это так раздражает.

– Сидят по-монгольски, – ответил Гушин. – Я тоже вначале удивлялся. – И добавил после паузы:

– Тебе, Коля, надо обратиться в госпиталь к доктору Клингенбергу, он прекрасный врач и добрый, умный человек, он тебе поможет.

6. Сцена

Госпиталь располагался в большом пустом доме, бывшей китайской лавке. Осмотрев меня, доктор Клингенберг сказал:

– Господин Миронов, я дам вам английское успокаивающее средство из моих личных запасов, которые я берегу для себя. Не знаю, поможет ли вам это средство, оно предназначено больным людям, вы же абсолютно здоровы, и ваша реакция абсолютно нормальная на крайнюю распушенность и безобразие, царящие здесь. Единственная возможность жить – это постоянно помнить, во имя чего мы все терпим, – он подал мне чашку с растворенным порошком.

– Доктор, – сказал я, проглатывая порошок, – а надо ли терпеть, во имя чего терпеть? Помните, у Достоевского: слезиночка – ребенок, слезиночка – ангелочек, разве не она превыше всего, даже превыше Родины? Слезиночке из-за великого беззакония и убили отца. Доктор, безумие бродит в головах и порождает дикие поступки. Порядочному человеку жить стыдно. Где взять такое лекарство, которое бы заглушило совесть?

– Я вас понимаю, – сказал Клингенберг, – теперь я вижу у вас типичную для времени и для русского национального духа форму психического расстройства. Помешательство на желании искупить преступление, совершенное другими людьми.

– Нет, доктор, не другими. Я убил. Конечно, не впервой. Я провел несколько лет на русско-германском фронте, потом гражданская война, но обстоятельства вчерашнего кровопускания – последняя капля, точнее капелька, слезиночка.

– Я дам вам еще таблетки, – сказал доктор. Он порылся в ящике и протянул мне таблетки.

– Принимайте неделю три раза в день, думаю, вам станет легче. Все-таки вы физически здоровы, потому что болезнь ваша не душевная – духовная. Иное дело, захлестнувшая сейчас Россию эпидемия. Мы, врачи, констатируем новую, совершенно оригинальную, современную психическую болезнь. Жажда убийства.

– Эта болезнь известна давно, доктор, – сказал я, – она называется садизм. Просто садизм принял сейчас массовую форму.

– Нет, это не садизм, – сказал доктор. – В этом случае не обычный садизм, не помешательство, не стремление новыми преступлениями заглушить укоры совести. Это именно жажда убийства. Единственное лекарство для таких больных – либо самоубийство, либо убийство не менее трех раз в неделю. Страдающие подобной болезнью лишены сна, теряют аппетит, все мускулы их ослаблены, и они делаются неспособными ни к мускульному труду, ни к полному бездействию. Вообще колоссально возросло число душевнобольных, лечебницы в городах переполнены.

– Доктор, – спросил я, – а что вы можете сказать о бароне?

– О бароне? Некоторые считают его маньяком. Я с этим не согласен, хоть, безусловно, он человек параноического склада, рассматривающий себя как единственно живого, существующего в окружении фантомов. Это, безусловно, новый тип, тип только лишь нарождающегося времени, и этим он отличается от патриархальных тиранов прошлого, даже кровавых. Это творец тотальных мифов или утопий, отсюда и безумная энергия, которой обладают лица с навязчивыми идеями.

– А его отвратительная жестокость? – сказал я. – Неужели его жестокость никогда не вызывала ответной реакции в образованной среде?

– Да, его жестокость известна многим. У него бывают и дикие, чисто клинические приступы, когда трудно определить границу между неуравновешенностью и душевной болезнью. Тогда, говорят,

горе тем, кто сидит на гауптвахте, потому что у барона сжалось сердце, и он готов на все, лишь бы отпустить его. Он обязательно заедет на гауптвахту и произведет краткий и правый суд.

– На этот раз он ради того, чтобы сердце отпустило, послал меня, – сказал я. – Видно, для того, чтобы привязать к себе кровью. Как же после этого не считать его маньяком?

– Даже те, кто так считают, – сказал доктор, – признаются, что маньяком он стал постепенно, поддавшись стихийным порывам жестокой борьбы с красными. Во всяком случае, невзирая на жестокость, трагическая попытка барона в одиночку бросить вызов большевикам, здесь, на границе Монголии, делает его героем. Конечно, демоническим героем, – он выглянул в окно. – Барон приехал, – сказал доктор изменившимся тоном, – как и полагается демонам, явился ко времени. Признаться, я испытываю страх всякий раз, встречаясь с ним: не знаю, чем это кончится.

Барон вошел стремительно, увидав меня, приветствовал веселым кивком.

– Ах, вы здесь, есаул? – сказал с некоторой, как мне показалось, иронией.

– Да, ваше превосходительство, я нездоров.

– Ну, от вашей болезни доктор вас непременно вылечит, – сказал он и опять, с иронией, обернувшись, вдруг спросил:

– Доктор, это правда, что вы убежденный социалист?

– Нет, ваше превосходительство, это неправда, – ответил доктор, выдерживая долгий взгляд барона.

Глаза у барона были воспаленные, бледные, водянисто-голубые, выражение глаз – ничего не говорящее, какое-то безразличное.

– Чем вы можете подтвердить? – наконец, после долгой паузы, спросил барон.

– В вашей дивизии служат несколько моих земляков, которые давно меня знают. Им известно, что я делал на Урале после возвращения с германского фронта и каково мое отношение к крайним партиям и к большевикам.

– В таком случае, почему вы пытались облегчить участь бывшего комиссара Щиткова и доктора Сагансинова, известных социалистов, которых я приказал прикончить? – Барон продолжал сверлить доктора тяжелым взглядом, постукивая по полу ташпуром – длинной монгольской тростью. – Жизнь ваша, доктор, висит сейчас на волоске, – сказал барон, – постарайтесь на этом волоске удержаться.

Он и в гнев продолжал иронизировать. Судя по всему, это был человек иронического мышления.

– Я неоднократно беседовал с Щитковым и Сагансиновым, – сказал доктор. – Из разговора с ними я вынес уверенность, что оба они были врагами большевиков и искренне любили Россию. Естественно, когда я услышал об их аресте и о приговоре, который угрожал им как большевикам, то счел своим долгом гражданина сообщить все, что думаю об этих людях, и просил доложить вам мои показания. Показания мои может подтвердить и атаман казачьего войска Дутов.

Барон задумался, наконец отведя глаза от лица доктора.

– Ладно, – сказал он, – я не очень доверяю Дутову и прочим из этой шайки. Все они кадеты и шли в одной упряжке с большевиками. Во всяком случае, – он внезапно сорвался на фальцет, – я не потерплю никакой преступной критики или пропаганды в моих войсках. Запомните и знайте – у меня повсюду глаза и уши. Через два дня вы, доктор, отправитесь к Резухину для организации санитарной службы и полевого госпиталя, отправитесь поближе к фронту.

Затем барон обернулся ко мне и спросил обыденным тоном:

– Как вы устроились, есаул?

– Не очень хорошо, ваше превосходительство, – ответил я. – Прошу перевести меня в палатку.

– А чем вам не нравится адъютантское жилье?

– Там вещи Лоуренса.

– Понимаю, – сказал барон, – я велю забрать вещи и при случае отпривить их матери Лоуренса. Бедная старушка, я велел похоронить Лоуренса по-христиански, а это исключение для тех, кто казнен за измену. Мертвых изменников мы отправляем в сопки. Там их хоронят волки и бродячие псы. Изменников мы хороним по-монгольски. Я знаю, – сказал барон, – некоторые из моих единомышленников не любят меня за строгость и даже, может быть, жестокость. Не понимают того, что мы боремся не с политической партией, а с сектой разрушителей всей современной культуры. Разве не убит уют электричеством анархистов-бомбометателей? Почему же не может быть позволено освободить мир от тех, кто убивает душу народа, мне, немцу, потому что крестоносцев и рыцарей. Против убийств я знаю только одно средство – смерть. Да, но как мало подлинных борцов. Вокруг сплошная чернь. Я – рыцарь среди черни.

Он опять помолчал.

– Есаул, даю вам еще один день отдыха, а потом поедem с вами в сопки. Я люблю иногда абсолютно один, без спутников и без конвоя, для отдыха, вечерами ездить верхом по окружающим военный городок сопкам, но теперь мне хочется изложить во время этих по-

ездок, во время этих моих прогулок кое-какие свои мысли и идеи. Иного времени у меня нет. Так что готовьтесь, есаул, беседы наши будут демонические, – он улыбнулся. – Ночью в окружении воющих волков будем скакать по лесным полянам, усеянным человеческими костями. Там, в лесу, обитает филин, всегдашнее местопребывание которого я знаю и всегда проезжаю возле. Я, случается, с ним беседую, ведь филин – птица колдунов и магов.

Барон стукнул о пол ташуром и вышел так же стремительно, как вошел. Едва барон вышел, как доктор тяжело опустился на стул и, дрожащей рукой налив себе стакан, насыпал порошок, выпил.

– Все-таки у него застывшие глаза магьяка, – сказал я, облегченно вздохнув, – глаза водянисто-серые, ничего не говорящие, какие-то безразличные, во взгляде какая-то стертость, глаза кажутся не холодными, а просто белесыми.

– Видимо, у него плохо развиты глазные мышцы, чья игра способна придать человеческому взгляду бесконечное множество оттенков, – сказал доктор. – Это физиологический дефект, связанный обычно с недоразвитием эмоциональной сферы. Не случайно барон почти не имеет друзей и равнодушно, а то и неприязненно относится к женщинам. Его контакты с людьми односторонние, в ответном отклике не нуждаются. Вы заметили, барон совершенно не заботится о производимом впечатлении. В нем нет и тени позерства, впрочем, вы теперь, есаул, назначены как бы душевным приказчиком барона, секретарем его идей и мыслей. Это вам может быть интересно как литератору. Я слышал от подпоручика Гущина, что вы литератор.

– Да, я пишу, но не знаю, смогу ли понять барона даже с его слов. Понимает ли он сам себя? В нем будто чего-то не хватает, именно в нем, это странная пустота в душе, никакими социальными причинами, никакими фактами биографии ее не объяснить, она в глазах... Такие глаза бывают у религиозных фанатиков...

– Не думаю, что он по-настоящему религиозен, – сказал доктор, – скорее мистик. Надо говорить о мистицизме, окрашенном в политические тона. Не исключено, что он страдает галлюцинациями.

– Насчет галлюцинаций, – сказал я, – эта ночная поездка по сопкам, среди человеческих костей, похоже, плод таких галлюцинаций.

– Нет, к сожалению, это не плод галлюцинаций, – ответил доктор. – Сам я в сопках, слава Богу, никогда не бывал, но от солдат и местных жителей известно, что там тела расстрелянных не закапы-

вают, не сжигают, а бросают в лес на съедение волкам. Ходят слухи, что иногда на растерзание хищникам оставляют и живых, предварительно связав их по рукам и ногам. Правда ли это последнее, не знаю, но с наступлением темноты крутом на сопках только и слышен жуткий вой волков и одичавших псов. Вы слышали?

– Слышал, – ответил я.

– Волки эти настолько наглы, – сказал доктор, – что в дни, когда нет расстрела, а значит пищи для них, они забегают в черту казарм. Впрочем, такие дни редки.

Доктор вновь налил себе воды и выпил второй порошок.

– Я слышал, что барон Врангель, тот самый, который ныне сражается с большевиками в Крыму, когда-то был полковым командиром барона. Унгерн сказал о нем: острый, пронзительный ум, с поразительно узким кругозором. Очень точное определение.

7. Сцена

Ночь, в которую я впервые сопровождал барона в его демоническом отдыхе, поездке по сопкам среди трупов и волчьего воя, была светла. Первое время мы ехали молча, барон думал о чем-то своем, я молчал, подавленный увиденным. Повсюду, среди камней и среди деревьев, лежали человеческие тела или куски тел, уже обглоданные до костей или почти еще целые, возле которых скопились хищники. При нашем приближении некоторые хищники отбегали в стороны. Другие же продолжали гиршество. Слышалось ворчание, хруст костей, жадное чавканье трупоедов. Видно, заметив мою подавленность, барон прервал молчание, сказал:

– В ламизме скелет символизирует не смерть, а очередное перерождение. Начало новой жизни. Душе легче выйти из тела, если плоть разрушена. Я – буддист, и нынешняя картина меня не смущает. И вы со временем привыкнете. Вы готовы к работе? – спросил он.

– Да, готов. Можно ли изредка задавать вопросы?

– Спрашивайте, – сказал барон, – но поменьше так называемой литературы. Я давнишний враг всего, что объединяют в презрительном слове “литература”.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – разве вам раньше никогда не хотелось изложить свои идеи в виде сочинения?

– Я никогда прежде не пытался перенести их на бумагу в таком виде, хоть считаю себя на это способным. В каждой идее есть доступное и недоступное, главное – в недоступном. И сейчас не уверен,

смогу ли я сам, а тем более посторонний, добраться к недоступным извилинам моего мозга.

– Начнем с доступного, ваше превосходительство, – сказал я, раскрывая блокнот.

Лошади шли легкой рысью, и мне удавалось, держа блокнот в левой руке, как и узду, правой рукой делать пометки.

– Начнем с доступного: ваша родословная.

– Моя родословная? – усмехнулся барон. – Семья баронов Унгерн-Штернбергов принадлежит роду, ведущему происхождение со времен Аттилы. В жилах моих предков течет кровь гуннов, германцев и венгров. Один из Унгернов сражался вместе с Ричардом-Львиное сердце и убит был под стенами Иерусалима. Даже крестовый поход детей не обошелся без нашего участия. В нем погиб Ральф Унгерн – мальчик 11 лет. В XII веке, когда орден меченосцев появился на восточном рубеже Германии, чтобы вести борьбу против язычников-славян, эстов, латышей, литовцев, там находился и мой предок – барон Гильзе Унгерн-Штернберг. В битве при Грюнвальде пали двое из нашей семьи. Это был очень воинственный род рыцарей, склонных к мистике и аскетизму. Генрих Унгерн-Штернберг, по прозвищу Топор, был странствующим рыцарем, победителем турниров во Франции, Англии, Германии и Италии. Барон Ральф Унгерн был пиратом на Балтийском море. Барон Петер Унгерн, тоже рыцарь-пират, владелиц замка на острове Даго. Я с юности чрезвычайно интересовался своей генеалогией, воспринимая фамильную историю, как цепь, чье последнее звено – я сам. Между Гансом фон Унгерном и мною – Романом Федоровичем фон Унгерном – восемнадцать родовых колен.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – в этой цепи, помимо вас, меня интересуют два главных звена: ваш отец и дед.

– Это самые слабые звенья цепи, – сказал барон, – оба – люди сугубо мирные, причем не дворянских занятий. Дед занимал малопочтенную должность управляющего суконной фабрикой, отец – доктор философии, профессор сначала в Лейпциге, затем в Петербурге. Все это досадный, не стоящий упоминания буржуазный надрост на древе рыцарей, морских разбойников и мистиков. Я веду свое духовное происхождение не от отца и деда, а от прадеда. От прадеда-пирата Отто Рейнгольда Людвига Унгерна-Штернберга, посланного в Забайкалье. Эта фигура очень волновала меня в отрочестве. Три момента сближают мою жизнь с жизнью прадеда: буддизм, море и Забайкалье. Я ведь тоже морской офицер, но японская

война заставила меня бросить профессию и поступить в Забайкальское казачье войско.

— Ваше превосходительство, — спросил я, — а за что ваш прадед был сослан в Забайкалье?

— О, это очень романтическая история, не лишенная демонизма, — усмехнулся барон, — но вы, я вижу, уже освоились с демонизмом окружающей нас местности?

— Почти, — неуверенно ответил я, — однако, если можно, сделаем передышку в каком-нибудь тихом месте, чтобы я смог записать подробно.

Мы остановились у груды скалистых камней. Здесь, действительно, было потише: и вой хищников, и скрежет зубовный, и чавканье трупоедов доносились приглушенно.

— Насчет моего прадеда, — сказал Унгерн, — вам, есаул, никогда не попадался венгерский роман Мора Йокаи “Башня на Даго”? Он, кстати, переведен на английский.

— Нет, не попадался.

— Что вы вообще читаете? Каким книгам отдаете предпочтение?

— Читаю Толстого, Достоевского, люблю Чехова.

— Любите Чехова? — иронически сказал барон. — Я так и думал. Ох уж эти либеральные интеллигентки. Вам, есаул, надо преодолеть подобное. Иначе вы не станете настоящим рыцарем. Мой бывший командир, барон Врангель, к сожалению, командующий ныне русской армией, тоже любит Чехова, даже встречался с ним в Крыму, где теперь окопался. Нет, таким, как Врангель, любителям Чехова, большевиков не одолеть. Советую об этом подумать, есаул.

— Но чем вам не нравится Чехов?

— Буржуазной незначительностью, — ответил барон, — незначительностью восприятия жизни. Я Чехова, впрочем, давно не читаю.

— Кого же вы предпочитаете, ваше превосходительство? — спросил я.

— Я знаю языки, — ответил барон, — в подлиннике читал Данте, Гете, Анри Берсена, читал Достоевского, но особенно люблю Нострадамуса, где имеются пророчества о пришествии князя с Востока. Восток непременно должен столкнуться с Западом. Культура белой расы, приведшая европейские народы к революции, подлежит распаду и замене желтой восточной культурой, которая образовалась 3 тысячи лет назад и до сих пор сохраняется в неприкосновенности. К исходу XIV века Запад достиг высшей точки расцвета, после чего начался упадок. Культура пошла по ложному пути, она перестала

служить для счастья человечества. Из величины подсобной сделалась самодовлеющей. Под властью буржуазии, главным образом, еврейской, западные нации разложились. Русская революция – начало конца всей Европы. Вы пишете, есаул?

– Да, пишу, – ответил я, торопливо записывая.

– Это мои сокровенные мысли, – сказал барон. – Но есть в мире сила, способная повернуть вспять колесо истории. Это кочевники центрально-азиатских степей. Прежде всего, монголы.

– Новый Чингиз-хан? – спросил я.

– Да, новый Чингиз-хан. Монголам, и вообще всей желтой расе, суждены великие задачи: огнем и мечом стереть с лица земли прогнившую европейскую цивилизацию от Тихого океана до берегов Португалии. Начать новое дело на земле, очищенной смертью народов.

– Кто же этот новый Чингиз-хан?

– Я, – ответил барон. – Мне открылась эта истина, я убежден, что Запад – англичане, французы, американцы – сгнили. Свет с Востока. Судьбой предназначено мне встать во главе диких народов и повести их на Европу.

Он тронул коня, и мы выехали на лесную поляну, где несколько ворон и большой филин клевали трупы. Вороны при нашем появлении поднялись с гаканьем, а филин продолжал клевать, потом поднял голову с неподвижными круглыми гипнотизирующими глазами и издал звук, напоминающий уханье.

– Он меня приветствует, – с теплотой в голосе сказал барон, – это филин, мой любимец. Не правда ли, величественная, роковая птица? Птица – символ войны. Милый мой, я велю привезти тебе свежих трупов! – обратился он к филину. – Трупы – плоды войны. Война подает надежду на грядущее обновление мира, – он тронул коня, пустил его галопом, я поскакал следом. Некоторое время мы молча неслись, сопровождаемые волчьим воем и чавканьем. Наконец, он придержал коня.

– Мне нужны подвиги, – сказал барон, глянув на меня затуманенным, словно пьяным взором.

– Восемнадцать поколений моих предков погибли в боях, на мою долю должен выпасть тот же удел. Я ужасно боялся, что при моей жизни не будет никакой большой войны. Боялся, что европейские народы, разложенные западной культурой, не смогут сбросить с себя маразм пацифизма. Жизнь – есть результат войны, общество – орудие войны. Отказаться от войны – отказаться от жизни в большом масштабе. В стальном вихре исчезнет лицемерная буржуазная

культура Запада. Сила положит конец власти капитала, материализма и избирательной урны.

– Вы любите Ницше? – спросил я.

– Да, я читал Ницше, – ответил барон, – может быть, некоторые мои мысли кажутся цитатами, но это мои мысли. Они владеют мной с ранних лет. В юности у меня был друг в Ревеле, не из дворян, сын купца, Альфред Розенберг. Мы с ним много на эту тему говорили. Кроме того, я просто по молодости хотел воевать. Неважно с кем: Япония, Китай, Германия или моя родная Австрия.

– Ваше превосходительство, вы родились в Австрии?

– Да, в действительности, я родился не в Прибалтике на острове Даго, а в Австрии, в городе Грац. Настоящее мое имя – Роберт Николай Максимилиан. Тройное имя в традиции, распространенной в немецких дворянских семьях. Но я отбросил последние два, а первое заменил близким по звучанию – Роман. Это ассоциируется и с фамилией царствующего дома, и с летописными князьями, и с твердостью древних римлян, но главным образом олицетворяет преданность свергнутой династии.

– Так вы все-таки своей истинной Родиной считаете Россию?

– Не столько Россию, сколько русскую империю. Для большинства прибалтийских дворян Родина – не Россия, а Российская империя. Мой двоюродный брат Фридрих после разгрома армии Самсонова под Сольдау, в восточной Пруссии, сам бросился на вражеские пулеметы, не желая пережить поражение и гибель товарищей. Мы вместе были в армии Самсонова, но Фридрих погиб, а я был только ранен под Сольдау. В 1914 году мы, прибалтийские дворяне, пошли на войну так же, как если бы нам предстояло воевать не с немцами, а с французами, англичанами или китайцами. Это теперь, за последние 30 лет, выдумали, что воевать надо за Родину. Нет, воевать можно только за идею или за религию. Поэтому мне так симпатичны монголы. У них психология совсем иная, чем у белых народов. У них высоко стоит верность войне. Солдат – это почетная вещь, и им нравится сражаться.

– А мы, русские? – спросил я.

– Русские из всех народов самые антимилиитаристские, – ответил барон, – их заставить воевать может только то, что некуда деваться, кушать надо, – он засмеялся, – даже казаки таковы, хоть казаки все-таки лучше. Особенно здешние желтые забайкальские казаки, они близки к монголам. Недаром желтые казаки забайкальские носят погоны и лампасы желтого цвета. После окончания военного училища в Петербурге я из всех казачьих войск выбрал счи-

тавшееся тогда второстепенным Забайкальское. Во-первых, в это время появились слухи о приближающейся новой войне с Японией, и я хотел быть поближе к фронту, а во-вторых, командовал тогда забайкальскими казаками генерал Роненкампф фон Эдлер, с которым я состою в родстве. Моя бабушка со стороны отца – Наталья Вильямина, урожденная Роненкампф. Мои надежды меня не обманули – вскоре впервые я оказался в Монголии. Первые мои впечатления были грандиозны. Я ощутил и ощущаю их до сих пор.

– И каковы же эти первые впечатления? – спросил я.

– О, они грандиозны, – опять повторил барон. – Я слышал дикие голоса, раздававшиеся в ущельях и горных пропастях. Я видел огни на болотах и горящие озера, смотрел на недостижимые горные вершины. Наталкивался на скопления извивающихся змей, зимующих в ямах, восходил на скалы, похожие на окаменевшие караваны верблюдов и группы всадников. И всюду я встречал голые скалы, складки которых в лучах заходящего солнца напоминали мне мантию сатаны. Впрочем, и при лунном свете в этих скалах есть нечто от преисподней. Дантов ад. Не правда ли, есаул?

– Да, похоже, – сказал я, с опаской оглядываясь.

Мы находились среди скал, неподалеку от болотистого озера. Поблескивала вода, от ветра шуршали камыши.

– Приехав в Монголию, – продолжал барон, – я впервые ощутил себя полноправным наследником моего прапрадеда, который тоже странствовал по Востоку и тоже вывез оттуда интерес к буддизму. Я верю, что, согласно мистическому учению, во мне самом возродился дух Отто Рейнгольда Людвиг Унгерн-Штернберга.

– Так какова же все-таки история вашего прадеда? – спросил я. – За что его сослали в Забайкалье?

– По этому поводу существует множество легенд, одна из которых описана в романе Мора Йокан “Башня на Даго”. Мой прадед родился 1744 году в Лифляндии, учился в Лейпцигском университете, затем служил при дворе польского короля Станислава Понятовского. В 1781 году он купил у своего университетского товарища Карла Магнуса Штейнбока имение Гогенхейм на острове Даго.

Барон опять замолчал, чему-то своему молча усмехаясь.

– И что ж далее, ваше превосходительство? – не утерпел я.

– Что далее? – усмехнулся барон. – Процесс над моим прадедом Отто Рейнгольдом Людвигом Унгерном-Штернбергом, хозяином Гогенхейма, стал уголовной сенсацией тогдашней Европы. Мой дед был настоящей находкой для романтиков. Превратился во множество персонажей драм и поэм. Не исключено, что подобная судь-

ба уготована и мне, Роберту Николаю Максимилиану Унгерну фон Штернбергу.

– В чем же было преступление вашего деда?

– Барон будто бы построил на скалистом берегу возле своего поместья высокую башню-маяк. В бурные ночи на башне зажигался свет, звонил колокол. Заблудившиеся суда шли на этот сигнал и разбивались о скалы, и груз становился добычей барона. Спасшихся моряков убивали. Так продолжалось, пока моего прадеда не выдал губернёр его сына. Он донес властям. Не правда ли, замечательная демоническая история? – барон засмеялся.

– По моему, ужасная история, – сказал я. – Превратить маяк в орудие убийства и грабежа.

– Но есть и другая версия. Есть предположение, что мой прадед был осужден несправедливо. Он лишь вылавливал грузы с потерпевших крушение кораблей, и причиной его ссылки в Забайкалье была ссора с эстляндским генерал-губернатором. Мой прадед был человек прекрасного воспитания, необыкновенно начитанный и образованный. Он был бесстрашным моряком, знающим, трудолюбивым земледельцем, хорошим отцом, он был строг как к себе, так и к окружающим. Однако справедлив и проявлял заботу о своих людях. Кроме того, он построил церковь. Местная знать не могла по достоинству оценить незаурядную личность барона и ненавидела его. Со мной происходит нечто подобное. Я – рыцарь среди черни. Мои идеалы – идеалы рыцарства: храбрость, щедрость, стремление заботиться о подчиненных. Справедливость, соотносящаяся с рыцарскими понятиями эстетики.

Барон тронул коня, я поехал следом. Меж тем, как это часто случалось в Монголии, внезапно усилившийся ветер затянул небо тучами. Потемнело. Вскоре мы ехали уже в сплошной темноте, словно опустился черный занавес. Вдруг барон пустил лошадь карьером, я вынужден был тотчас перейти на галоп. Из-под лошадиных копыт послышался болотистый плеск и чавканье.

– Ваше превосходительство, я потерял тропу, – крикнул я.

– Скачите за мной, – послышался из темноты голос барона.

Но я почувствовал, что лошадь моя проваливается в болотистую жижу. Где-то рядом угрожающе шумели камыши.

– Ваше превосходительство, я тоню!

– Ведь сказано было ехать за мной, – послышался яростный голос барона.

– Не могу, ваше превосходительство.

– Дайте мне ваш конский повод, – сказал барон, появившись из темноты. Он схватил конский повод. – Слезайте!

Я слез и тотчас провалился по колени в воду.

– Идите за мной по кочкам.

Тяжело дыша, барон выволок на тропу мою о лошадь, потом подал мне руку. Вскоре и я оказался на тропе.

– Я ведь приказывал вам ехать за мной, – сказал барон и вдруг с размаху больно ударил меня тростью по плечу.

– Этой тростью, – помахал тростью барон, – я буду наказывать вас всякий раз за вашу глупость.

Далее мы поехали шагом. Долго молчали.

– Впрочем, – сказал барон, – за разговором мы действительно сбились с пути, подождите. – Он остановился и начал жадно втягивать в себя воздух. – Туда, – сказал он, – оттуда пахнет дымом. Уже рассветает, скоро в дивизии подъем. Поспешим, я хочу послать вас лазутчиком в Ургу вместе с подпоручиком Гушиным, который владеет китайским языком. Гушин ваш друг?

– Да, мой друг.

– Трудно найти людей, которым можно доверять, – сказал барон по-французски. – Прежде чем я начну двигаться против большевиков в Забайкалье, мне надо изгнать китайцев из Урги. Династия Циней в Китае пала, но республиканцы не смирились с утратой Монголии, которую считают своей северной провинцией. В Монголии правит Богдо Гэген Джебзун Дамба Хутухт. Мне необходимы сведения о китайцах в Урге и вообще знать обстановку. Вы с Гушиным пойдете переодетыми купцами. Я уже и прежде посылал лазутчиков из монголов или из моей китайской сотни, но теперь я хочу проверить эти сведения особенно доверенными людьми. Пора действовать, – снова сказал по-французски. – Я обещал монгольским князьям освободить независимую Монголию от Китая и укрепить на троне Богдо Гэгена, живого будду. Такой правитель, непременно связанный с потусторонними силами, кажется мне единственно возможным вождем.

8. Сцена

Правитель Монголии, живой будда Шибсан Дамба Худдахт Богдо Гэген, был сравнительно молодой человек, довольно толстый, заглывшее лицо которого обнаруживало любителя кутежей. Перебирая черные буддистские четки, он сидел, слегка опустив голову, глядя исподлобья на своих министров.

– Красный вал Запада неудержимо катится к границам Халхи, – сказал Богдо. – Перед нами, правителями Халхи, выбор из трех вариантов: или подчинение Пекину и мир в обмен на независимость, или Семенов, за которым стоят японцы и война с Китаем, или большевики и полнейшая неизвестность. Скажи ты, мой министр иностранных дел Цэрен-доржи-тервен-торсы.

– Слава китайского императора Юань Ши Кая осеняет горы пяти континентов, – сказал Цэрен-Доржи. – Урге нельзя жить без Пекина, столицы степной Азии.

– Теперь скажи ты, Доржи Цэрин, мой военный министр.

– Ваше первосвященство, – сказал Доржи Цэрин, – тысячи китайских переселенцев из охваченных неурожаем внутренних районов Китая двинутся к нам в Монголию. Китайские купцы и ростовщики вновь извлекут на свет старые долговые расписки.

– Налоги есть слагородное средство в поддержку государств, – сказал Дайсун Далама, придворный монах. – Нельзя доверять ни Семенову, ни большевикам. Те и другие – русские, а над нами должно сиять желтое солнце религии.

Богдо Гэгэн поднялся со своего сидения и подошел к окну летнего дворца. Летний дворец стоял на самом берегу реки Толы.

– Вот две дороги, – сказал Богдо, – одна – Кяхтинский тракт, ведущий на север, в Россию, другая – Калганская дорога на северо-восток, в Китай. Обе они одинаково усеяны костями лошадей, верблюдов, овец, быков и людей. По какой нам пойти?

– Надо идти по китайской дороге, – сказал Цэрен, – может быть, она не столь уж хороша сама по себе, но все-таки сулит какую-то определенность.

– Но китайцы потребуют отречения Богдо Гэгена как светского правителя Халхи. Халхи станет снова провинцией Китая, – сказал военный министр. – Выбора нет, у китайцев в Урге 15 тысяч солдат, кроме того, красные вот-вот могут ворваться в Забайкалье, а оттуда к нам в Монголию. Китайцы защитят нашу желтую расу.

– Отправьте послание в Пекин Юань ши Каю, – сказал Богдо, – передайте великому, имеющему десяти тысячелетний возраст, что я был и есть его слуга.

9. Сцена

Мы с Гушиным, переодетые купцами, проникли в Ургу как раз в день отречения Богдо Гэгена. Китайские солдаты носились по ули-

цам верхом или на платформах, запряженных мулами. Въезжая в толпу, они небрежно били прохожих ремennыми кнутами.

– Китай всегда Китай. Он сожрал нас, – говорили монголы, – скоро земля наша будет вспахана и скот убит.

По всему городу бродили китайские пехотные офицеры, горла-ня куплеты.

– Пойдем на Заходыр – центральный базар, – шепнул мне Гуштин. – Сюда отовсюду приходит информация о важных событиях. Тут узнают и знают больше, чем в резиденции наместника и во дворце Богдо.

На базаре у молитвенных столбов сидел старик. Гуштин спросил его что-то по-китайски, и они ловко обменялись шапками.

– Пойдем на Площадь поклонения, – сказал Гуштин, – там состоится отречение Богдо Гэгена.

Площадь поклонения была полна народу, в окружении свиты подъехал маленький китайский генерал.

– Дзень Сюй, – заговорили вокруг, – генерал Сюй.

– Дзень Сюй – по-китайски значит генерал, – сказал Гуштин. – Это генерал Сюй, маленький Сюй, так его зовут.

У дворца Богдо Гэгена выставили украшенный белыми лотосами портрет китайского императора Юань Ши Кая. Вскоре вышел Богдо Гэген, поддерживаемый двумя мальчиками. Он поклонился портрету и сказал Сюю:

– Как первый монах буддийской церкви прошу душевно вернуть нас Китаю.

– Святого заставляют поклоняться портрету китайского императора, – шепнул какой-то лама рядом с нами.

В больших каретах подъехали китайцы, в маленьких шапочках, с серьгами в ушах.

– Это маньчжурские ростовщики, – шепнул какой-то монгол и вдруг громко выкрикнул:

– Этих господ надо убивать, таково мое мнение.

Несколько солдат бросились к кричавшему в группу, расталкивая людей. Синий халат, крича, мелькнул и затерялся в толпе. Стражники, пробираясь, били по сторонам плетью. Начался парад китайских войск. Мы поспешили уйти. На одном из перекрестков начальник патруля бил по щекам монгольского дворянина. По монгольским дворам сновали китайские приказчики.

– Взимают старые долги, – шепнул Гуштин.

Дорогу преградил караван верблюдов, в плетеных корзинах на спинах верблюдов сидели молодые девушки.

– Однако, какие красотики, – шепнул Гушин, – особенно красивые эрлизки, рожденные от китайца и монголки.

Китайцы, весело гогоча, начали вытаскивать девушек из корзины.

– Их привезли в китайский питейный дом, – сказал Гушин. – Ах, какие красотики, – и вдруг добавил, – может, рискнем?

– Что ты, Володя, – сказал я, – ведь если барон узнает, это верная смерть.

– Смерть и без того рядом с нами везде, – сказал Гушин. – Пойдем, Коля.

– Володя, мы нарушаем долг.

– О каком долге ты говоришь, Коля? Мы молоды, у нас долг перед собой и перед Богом – жить и быть счастливыми, а мы только и делаем, что приносим несчастье себе и другим. В нас Божий дух счастья, – повторил он.

Надо сказать, на базаре мы выпили немного китайской рисовой водки. Это возбуждало, как и наступившие сумерки, звездное небо, тихие звуки китайской музыки, доносящейся из питейного дома.

– Хорошо, – сказал я.

Мы вошли и у вежливой хозяйки взяли прејскурант, долго рассматривали фотографии девушек. Китайка улыбалась.

– Не угодно ли самую лучшую девочку? Сюда, пожалуйста, не ушибитесь о верхнюю ступеньку.

Пахло розовой водой и еще чем-то пряным и приятным.

– Здравствуйте, господа, – поклонилась мне китайка, – сюда, ложитесь сюда. Пожалуйста, извините, я сниму кимоно.

10. Сцена

Мы покинули публичный дом на рассвете. Было яркое солнечное утро. Солнце играло на золоченых куполах ургийских храмов.

– Я возьму всю вину на себя, – сказал Гушин, – в конце концов, я тебя уговорил. И не раскаиваюсь, женщины всегда играли в моей жизни роковую подавляющую роль. Пострадать за женщин, что ж, из всех страданий – это лучшее.

– Хорошо ли ты провел время, Коля?

– Хорошо ли, – сказал я, – в этот вечер в китайском публичном доме, среди выцветших тумбочек и каких-то пятен на циновках я впервые за долгие месяцы был счастлив. Стыдно в этом признаться, но это так. Однако, я уж перебрал многие варианты, как обмануть барона, и в конце концов пришел к печальному выводу: спасти нас может только случай.

11. Сцена

В дивизию мы добрались к полудню и сразу поняли: что-то происходит. Солдаты и офицеры дивизии были выстроены на берегу реки. Слышен был совершенно озверевший яростный крик барона.

– Очередная экзекуция, – шепнул я.

– Случай, который спасает нас, губит другого, – шепнул в ответ Гушин.

– Мерзавцы, – кричал барон – Разве это штаб, разве это офицеры?

– В чем дело? – спросил я шепотом одного из офицеров, полковника Маркова.

– Муку подмочили, – также шепотом ответил мне Марков.

– На вес золота ценится в отряде мука, – яростно говорил барон. – Доставляете ее с большими трудностями и громадными расходами. В этот раз, переправляя через реку, муку подмочили. За подмоченную муку виновника, отвечавшего за доставку, пороть, а потом утопить в этой же реке.

Несчастливого положили на землю и начали пороть.

– Экзекутор сам Бурдуковский, – шепнул Гушин, – Змей Горыныч.

После пяти ударов тело покрылось кровью.

– Хватит, – сказал барон, – теперь утопить, связав и насыпав в рубашку песку.

Когда связанного бросили в реку, все надеялись быстрее разойтись, но кошмар продолжался. Рядом с бароном появился ухмыляющийся Сипайлов.

– Еще одно маленькое дельце, – сказал он, по-прежнему ухмыляясь, – речь идет о разврате и сожительстве с проститутками.

Я побледнел, сердце тревожно забилося.

– Неужели пропали, – шепнул мне испуганно Гушин.

– В дивизии полно венерических болезней, – сердито сказал барон, – женщины легкого поведения, шансоньетки и прочая дрянь, соблазняют офицеров и солдат с неустойчивой моралью. Будем сурово наказывать.

Вывели двух плачущих девушек: одну – китаянку, другую – русскую.

– Удавить перед строем, – приказал барон, – ты, Сипайлов, и ты, капитан Безродный.

Одну девушку душил капитан Сипайлов, другую – помощник, капитан Безродный.

– Отвезти в сопки и бросить хищникам, – сказал барон, когда девушки были задушены.

– Доктор, – обратился он к Клингенбергу, – если венерические болезни в дивизии не прекратятся, будешь выпорот перед строем.

12. Сцена

В штабе дивизии, куда мы с Гущиным явились для доклада, барон выглядел повеселевшим, видно, после расправы “отпустило сердце”. Рядом с бароном сидел японский полковник.

– Получите награду в виде благодарности по дивизии и денежные премии, – сказал он нам, разглядывая бумаги и передавая их японцу. – Это японский военный атташе, граф Цузуки, – добавил барон. (Мы отдали честь, граф улыбнулся.) – У китайцев по данным разведки 15 тысяч солдат, 30 пулеметов, 20 орудий.

– Мы, японцы, по международному соглашению не можем помочь вам войсками, – сказал граф, – но обещаем вам вдоволь боеприпасов и амуниции.

– Пора идти на Ургу, – сказал барон, – здесь, в Монголии под Ургой, решается судьба России. Надо приступить к подготовке плана наступления. Подпоручик Гушин, вы можете идти, а вы, есаул, останетесь со мной.

Гушин отдал честь и вышел.

– Наступают напряженные дни, господа. Мы, японцы, оказываем вам всяческую поддержку в подготовке плана, – сказал Судзуки.

– Я давно ждал приказа из Читы. Семенов должен был начать наступление на Ургу с севера, я – с востока. Но из-за нерешительности Семенова момент упущен. Упреждая нас, китайский генерал Сюй-чен вступил в Ургу. Богдо Гэген должен подписать отречение от престола. Все это интересы проамериканской и китайской клики. Все это против интересов России и Японии, – добавил барон по-французски.

– Мы, японцы, поможем вам изменить это неприятное положение, – также по-французски, улыбаясь, ответил Судзуки. – Наш военный министр Танаки сказал: чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Чтобы завоевать весь мир, мы должны вначале завоевать Китай.

– Эти слова могли бы принадлежать и мне, – сказал барон. – Владычество над всем миром проходит через Монголию. Но ваш военный министр видит в Монголии лишь перышко, способное скло-

нить чашу весов. Я же вижу в Монголии последнюю надежду человечества, остров в море всезатопляющей гибельной культуры Запада.

В один из дней подготовки к наступлению на Ургу после долгой работы в штабе граф Судзуки пригласил барона и меня, его адъютанта, пообедать. Мы выехали из штаба в автомобиле барона.

– Пятнадцать лет назад вы, японцы, с нами воевали, как львы, – проговорил барон. – Мне было 20 лет, и сразу из военного училища попал я на японский фронт.

– Значит, мы стреляли друг в друга, барон, – засмеялся Судзуки, – я тоже ветеран Японской войны.

– У меня с тех пор высокое уважение к японскому солдату, – сказал барон. – Даже немец не так дисциплинирован и не так сохраняет спокойствие перед смертельной опасностью. Вы, японцы, – необычная раса, одна из тех, на которых печать избранности.

– Мы – японцы, и этим все сказано, – ответил Судзуки. – С детства мы знали, что должны плыть через моря, добывать империи сушу.

– Есть расы свежей крови, расы завоевателей, – сказал барон, – это немцы, русские, японцы и монголы. А есть расы гнилой крови, такие, как китайцы и евреи, и, конечно, американская проклятая раса негроидов с выпученными глазами. Кровь только на первый взгляд одного цвета. Под микроскопом она разная.

– Вы, господин барон, я вижу, человек науки, – сказал граф.

– У моего отца в Ревеле была лучшая частная библиотека, – сказал барон. – Мы с моим другом детства Альфредом Розенбергом проводили там целые часы, даже издавали рукописный журнал антропологии и философии.

Автомобиль выехал на широкую базарную площадь, уставленную лотками, сюда съезжались жители окрестных сел и кочевий продавать свои товары. Здесь же было увеселение: крутились карусели, и рядом с заунывной монгольской музыкой слышалось пиликанье русской гармошки. У какого-то балагана большая толпа смотрела на выступление фокусников. Барон приказал остановить автомобиль, тоже стал смотреть. Фокусник-китаец глотал огонь, вытаскивал из ушей и ноздрей шарики и ленты. Публика была в восторге.

Барон тоже рассмеялся.

– Он, конечно, шарлатан, – сказал барон, – но очень смелый и талантливый, наподобие Распутина, сибирского старца при нашем покойном государе. Этот мужик Распутин сумел внушить доверчивому государю, что его, Распутина, судьба связана с судьбой дина-

стии и он, Распутин, – спаситель трона. Потом выяснилось, что Распутин брал уроки гипноза у одного петербургского гипнотизера.

– Я слышал, барон, что вы тоже увлекаетесь гипнозом? – спросил Судзуки.

– Мне более по душе мистическая философия, – сказал Унгерн, – в нашей семье вообще увлекались философией. Моя сестра замужем за философом Кайзерлингом. А гипноз – это низшая форма мистики. Это то, что с потусторонним. Это то, что можно считать азами личности, общающейся с потусторонним миром. Есть люди, которые воздействуют, и есть люди, на которых воздействуют. Обратите внимание на моего адъютанта, – и барон вдруг буквально вонзил холодные белые глаза мне в лицо.

Я почувствовал какое-то странное состояние вялости и растерянности, сердце мое сильно стучало. Мне казалось, сам дьявол смотрит на меня.

– Есаул Миронов, где твой револьвер? – вдруг требовательно произнес барон.

Я схватился за кобуру, она была пуста.

– Ну, теперь тебя можно расстрелять за потерю боевого оружия, – рассмеялся барон. – Возьми и будь бдительным, – он протянул мне мой револьвер.

– Настоящий гипнотизер-фокусник, – рассмеялся Судзуки. – Я тоже ничего не заметил, а ведь я человек внимательный.

– Это мелочь, граф, – сказал барон, – разве такие фокусы бывают? – Он посмотрел на толпу и сказал:

– Что-то меня волнует, какая-то сила.

– Потусторонняя? – спросил граф.

– Еще не знаю, – ответил барон, – кажется, в толпе я вижу подпоручика Гущина с некоей молодой дамой.

– Да, это подпоручик Гушин, – ответил я.

– Есаул, пригласите его вместе с дамой сюда, ко мне.

Я вышел из автомобиля и, протиснувшись сквозь толпу, подошел к Гушину. Он и молодая женщина не замечали меня, продолжали аплодировать фокуснику.

– Володя! – позвал я.

Гушин оглянулся.

– Ах, это ты, – обрадованно сказал он, – а это – Аня. Я уже говорил тебе о ней.

– Очень рада, – сказала молодая женщина, поигрывая кружевным зонтиком. – Моя фамилия Белякова, у нас поместье под Ростовом. Вы, оказывается, тоже из-под Ростова?

– Нет, – ответил я, – я не из-под Ростова. Господа, барон Унгерн просит вас подойти к его автомобилю.

– Ах, Ростов, – сказала Белякова. – Господа, как я рада встретить близкое мне общество. Мы с Володей вспоминаем Александровский сад, сладкий запах акаций, темное небо над Доном, набережные с фонарями, нашу прошлую жизнь.

– Аня, – сказал Гушин, – барон просит нас представиться ему. Мы подошли к автомобилю.

– Вы барон Унгерн фон Штернберг? – спросила Белякова.

– Да, я барон Унгерн, – ответил барон, пристально глядя на женщину.

– Я по матери – Остен-Сакен, у меня мама из Прибалтики.

Барон, ничего не отвечая, продолжал смотреть.

– Красивая девушка, – сказал Судзуки. – Когда я был молодым офицером, девушки значились у нас под иероглифом – потребность. Одна иена в три дня, – он засмеялся.

– Прошу, господа, полминуты внимания, – сказал барон и закрыл глаза. Потом открыл глаза и произнес, указывая на молодую женщину: – Повесить агента.

В одно мгновение женщина выхватила из сумочки револьвер. Унгерн выстрелил первым и попал ей в руку. Револьвер упал на землю, выстрелил и ранил Гушина в ногу. Конвойные казаки, ехавшие за автомобилем, схватили женщину. Услышав выстрелы, базарная толпа начала разбегаться.

– Мне жаль, мадам, – сказал Унгерн по-французски, – что вашу красоту и вашу смелость поместили не в лучшее дело, поставили не на пользу служения России.

– Сука! – крикнул Гушин, держась за окровавленную ногу. – Сука чекистская!

– Не кричи, – сказала женщина, – кричать будешь, когда топить вас будем в Селенге, если до того от сифилиса не подохнешь! И тебе, кровавый барон, не уйти от расплаты.

– Обыскать и повесить, – сказал барон. – Где у нас ближайшая виселица, есаул?

– Возле штаба, – сказал я, – но она занята китайцем.

– Найти свободную виселицу и повесить! – повторил барон.

– Урядник, – обратился он к одному из конвойных казаков, – не найдешь свободную виселицу – повесь на дереве.

– Вы, барон, читаете на лицах, как в книге, – сказал Судзуки, когда женщину увели. – Как будто потусторонний мир подсказывает вам ваши действия.

– Свидания с потусторонним миром меня давно увлекают, – сказал барон, – каждый, если он пожелает, может стать невидимым, раствориться в предметах, остановить бег крови, главное – пожелать, но в этом-то и проблема. Такое желание возможно только у избранных.

– Может быть, потусторонние силы помогут нам спасти Россию и мир от большевиков? – улыбнувшись, сказал Судзуки.

– Потусторонние силы и беспощадная расправа с теми, кто нам вредит, – серьезно и без улыбки сказал барон и, обратившись к все еще лежавшему на земле Гушину, сказал:

– Подпоручик, пусть это будет вам уроком. Вы, я слышал, большой дамский угодник. Есаул, помогите вашему другу забраться в автомобиль, отвезем его в госпиталь. Если задета кость, и по вапей, подпоручик, глупости я лишился боевого офицера, то вам несдобровать, – и он помахал тростью.

Я помог Гушину забраться в автомобиль, и мы поехали.

– Где вы встретились со своей чекисткой? – спросил барон.

– В кафе, – сказал Гушин, держась за окровавленную ногу. – Она там выступала, пела и плясала.

– Я так и думал, – сказал барон, – кафешантаны и певички, оркестровые дамы – создания коварные и крайне опасные. Все эти дамы полусвета, впрочем, как и иные женщины, лишены нравственных основ и рыцарских понятий. Современный мужчина слаб перед ними.

– Перед женщиной все мы слабы, – улыбнулся Судзуки, – даже самураи.

– Ко мне это не относится, – сказал барон, – к женщинам я никогда не проявлял особого интереса. Я никогда не обладал мещанскими взглядами. Ныне же все более нравственные правила и благородство исчезают в офицерской среде. И среда эта приобретает мещанские взгляды на нравственность и порядочность. Но старинные традиции воинской чести еще живы. Я постараюсь найти время для циркулярного письма о моральном поведении офицеров.

И, действительно, через какое-то время барон сам зачитал такое письмо перед строем дивизии.

– Штаб Азиатской кавалерийской дивизии, – читал барон, – получил сведения, указывающие на то, что во многих увеселительных заведениях очень часто можно встретить господ офицеров в обществе дам, обращающих на себя внимание своим крикливым нарядом, говорящим далеко не за их скромность. При выяснении этих лиц оказывается, что таковые именуют себя гражданскими женами

того или иного офицера, а при более подробном обследовании их самоличности устанавливается, что их можно видеть выступающими на подмостках кафешантанов в качестве шансоньеток или музыкантов. Интимная близость этих шансоньеток к господам офицерам ставит их в отличные условия по свободному проникновению в запретные для невоенных районы, так как, бывая в квартирах господ офицеров, они пользуются не менее свободным доступом ко всему, что находится в их квартирах, также и к секретному. А если к этому прибавить состояние опьянения и связанную с этим болтливость, то становится ясно, что лучшим условием для разведки являются выше изложенные обстоятельства. А самым удобным контингентом для разведывательных целей – шансоньетки, женщины легкого поведения и прочие подобные особы. Причем, в каждой из них есть и та опасность, что в силу своих личных качеств, например, красоты, каждая из них может взять верх над мужчиной, а последний, попав под влияние женщины, делается послушным в ее руках орудием при осуществлении ею преступных целей, включительно до шпионства.

13. Сцена

В тот день я собирался навестить в госпитале Гущина и нес ему в подарок бутылку шампанского. Неожиданно ко мне подошел Сипайлов и спросил:

- Как твой друг, подпоручик Гущин, поправляется?
- Поправляется, – ответил я, стараясь быстрее пройти мимо.
- Пожелай ему скорого выздоровления, – ухмыльнулся Сипайлов, – возьми от меня в подарок пирог. Хотел послать с ординарцем, но поскольку ты идешь, передам с тобой, – и, взяв у ординарца пирог, отдал мне. – Скажи, от известного душителя Монголии и Забайкалья, – захихикал Сипайлов.

Взяв пакет с пирогом, я поспешил уйти.

14. Сцена

В госпитале я застал Гущина не в постели. Опираясь на костыли, он прогуливался по коридору. Мы обнялись.

- Поправляется ваш друг, – сказал мне доктор, – слава Богу, кость не задета. А как вы, есаул?
- Живу, – ответил я неопределенно, – уже привык, и порошки ваши помогли.

– Вот видите, – сказал доктор, – драму человеческой жизни можно выдержать, если знаешь, во имя чего. Желаю вам наилучшего, господа.

И доктор пошел по своим надобностям. Войдя в палату и сев на стул у койки Гущина, я откупорил бутылку шампанского.

– Ах, и пирог, – обрадовался Гущин, – мой любимый, со сливовым повидлом.

– Это, Володя, к сожалению, не от меня. Ты удивишься от кого.

– От кого же?

– От Сипайлова.

– От Сипайлова? Немедленно отправить в помойное ведро, – Гущин схватил пирог и выбросил его в помойку. – Подарки, особенно подобные, от этого человека лучше не принимать. Знаешь, загадочная смерть некоторых приписывается этому монстру.

– Ты думаешь, он хотел тебя отравить? Это уже слишком.

– Не знаю, – сказал Гущин, – во всяком случае, это темная личность, у него темные отношения с японцами. С тем же генералом Судзуки. У него странные психопатологические отношения с бароном. Нередко барон избивает его, не стесняясь присутствующих солдат, офицеров и даже жителей. Но при этом держит сифилистика при себе. Этого душителя в прямом, не в переносном смысле слова.

– Барон, безусловно, презирает Сипайлова, – сказал я, – но нуждается в нем, как всякий отягощенный грехами человек нуждается в себе подобном, но несравненно худшем. Я уверен, что многие казни и преступления задуманы такими, как Сипайлов. Возможно, Сипайлов, вообще, глаз японца при бароне. В его обязанности входит следить, чтобы никто не оказал излишнего влияния на непредсказуемого барона. Изображая рабскую зависимость от барона, Сипайлов ведет самостоятельную политику. Этот Сипайлов прежде служил в контрразведке у Семенова, хозяйничал в застенках смерти и заслужил такую всеобщую ненависть, что, по слухам, Семенов отдал приказ убить его. Но Сипайлову удалось бежать из Читы, и с тех пор он при бароне.

– Гнусный, грязный монстр, – сказал Гущин, – будь он проклят, к черту его, в преисподнюю, где ему рано или поздно предстоит коротать вечность. Давай-ка выпьем, – он достал из тумбочки бокалы. – На этот раз настоящие бокалы. Купил у китайцев. Давай выпьем за женскую красоту.

– Опять женщины, – усмехнулся я. – Знаешь, барон воспользовался случаем с твоей шпионкой, целый трактат прочитал перед строем о женских соблазнах.

– Ах, что, барон с его женоненавистничеством, – сказал Гушин, – что понимает он в женской красоте и любви? Сегодня я полночи читал Лермонтова.

– Не можешь забыть чекистку? – сказал я.

– Какая уж чекистка? – сказал Гушин. – Я ее ненавижу. Конечно, первое время страдал и мучился по поводу такого гнусного обмана.

– Об этом как раз и писал барон в своем циркуляре, – сказал я, – может, иногда есть смысл прислушаться и к словам барона.

– Да, конечно, надо быть осторожным в своем выборе, – сказал Гушин, – я согласен.

– На этот раз опять влюблен?

– Не то слово, спать не могу.

– Кто же она? Где ты ее встретил?

– Вчера в синемаатографе. Я ходил в синемаатограф и сегодня хочу пойти. Вчера была забавная комедия, а сегодня “Гамлет” с Астой Нильсон в главной роли. Этот фильм теперь очень популярен в синемаатографах Забайкалья и Дальнего Востока. Аста Нильсон в роли Гамлета. Вера обещала прийти, точнее, она с мужем.

– Оказывается, она замужем?

– Да, муж ее очень милый человек. Фамилия его Голубев. В старое время при покойном императоре занимал высокую должность в министерстве иностранных дел. А Вера Аркадьевна окончила Смольный институт, аристократка, красавица из лучших петербургских салонов. И вдруг встретить ее здесь, в монгольской глуши! Ты, Коля, убедишься сам, какая это красавица! Ты ведь пойдешь со мной в синемаатограф?

– Пойду, любопытно, и “Гамлет” – моя любимая трагедия. Но ты уверен, она будет?

– Будет, – сказал Гушин, – Вера Аркадьевна обещала. Да и какие еще развлечения в монгольской глуши, кроме синема? Но до чего обворожительно! – все не мог успокоиться Гушин. – Прекраснейшее из женских лиц, которые я когда-либо встречал. Длинные ресницы, ясный взгляд голубых глаз, волнистые белокурые волосы. Если приглядеться, черты ее лица не совсем правильны, но русскому лицу и не обязательно быть во всем правильным, чтобы слепить красотой. Пойдем, времени уже в обрез, а пока я доковыляю на костылях...

15. Сцена

Тесный зал синемаатографа был забит до отказа. Под звуки расстроенного рояля разворачивалось действие “Гамлета”. Тапер наигрывал мелодию, и часто совершенно не совпадающую с происходящим. Так, когда в финале солдаты несли мертвого Гамлета, он заиграл “На сопках Маньчжури”. После сеанса публика долго не расходилась. Зажегся тусклый мигающий свет гарнизонного движка. Сидели, словно проснувшись, не желая окунуться в нынешнюю повседневность.

– Ничего не произошло, все та же жизнь вокруг, но сердце почему-то забилося сильнее, крепче набирая и выталкивая кровь, – сказал я. – Чудесное видение искусства.

– Именно чудесное видение, – сказал Гущин и так быстро пошел на костылях по проходу, что я едва за ним поспевал.

– Вера Аркадьевна, – сказал он, подходя к Голубевым, – Павел Иванович, добрый вечер.

– Это вы, молодой человек? – сказал Голубев. – Очень рад, милостивый государь. Понравился фильм?

– По- моему, замечательно, – сказал Гущин, бросая взгляд на Веру. – Вам понравилось, Вера Аркадьевна?

– Да, – сказала Голубева, – особенно то, что Гамлет – девушка. Когда Горацио в финале расстегивает рубашку на груди Гамлета и все понимает. Красивая женщина в роли Гамлета – это замечательная находка.

– Дело не в том, что Аста Нильсон изображает Гамлета красивым, – возразил Голубев, – то, что Гамлет по сценарию девушка, объясняет причину нерешительности принца.

– Женщины тоже способны на решительные поступки, – сказала Вера Голубева. – Мне кажется, главное – в красоте, в этом причина популярности фильма.

– Я согласен, – сказал Гущин, – именно красота. Окоченевший труп солдата несут на вытянутых руках над головами. Голова принца запрокинута, процессия медленно движется по аллее склоненных перед мертвым телом копий. Прекрасный финал. Кстати, разрешите представить: мой друг, есаул Миронов, – личный адъютант командующего дивизией барона Унгерна.

– Очень рад, – сказал Голубев, подавая мне руку. – Моя жена Вера Аркадьевна.

Я наклонился и поцеловал атласную кожу женской аристократической ручки. Она пахла чем-то волнующим, пряным и давно за-

бытым. Дрожь пробежала по телу, я едва справился, чтобы не выдать охватившее вдруг меня волнение.

– Вам понравилось, есаул? – спросила Голубева.

– Очень, – ответил я.

– А какую тему вы находите главной? – спросил Голубев.

– Наказанное братоубийство, – сказал я. – Так называлась до-шекспировская пьеса, по которой Шекспир написал свою трагедию.

– Есаул Миронов – литератор, – сказал Гушин, – публиковался в петербургских газетах, издал сборник стихов.

– Вы пишете стихи? – спросила Голубева, посмотрев на меня.

– Не согласитесь ли прочесть что-либо?

– Не знаю, – сказал я, чувствуя странную робость под взглядом голубых глаз. – Я не Лермонтов, мои стихи – это сочинения любителя.

– Вы пишете лирику? – спросила Голубева.

– Нет, лирику не пишу, сейчас не до лирики. Пишу о том, что видел, что пережил. Я воевал прежде в Колчаковской армии, участвовал в походе Капеля, об этом пишу.

– Тогда особенно интересно, – сказал Голубев. – Мне с женой пришлось этого хлебнуть. Мы – беженцы, с трудом пробрались из Сибири сюда, в Монголию.

– Прочтите что-нибудь свое, – снова попросила Голубева.

– Ну, хорошо, – сказал я и прочел:

“Скрипя ползли обозы – черви.

Одеты дико и пестро,

Мы шли тогда из дебрей в дебри

и руки грели у костров.

Тела людей и коней павших

нам обрамляли путь в горах.

Мы шли, дорог не разобравши,

и стыли ноги в стременах”.

– Весьма трогательно, – сказала Голубева, – напрасно вы говорили, что не пишете лирику. Это как раз и есть современная лирика. Мы с Павлом Ивановичем все это пережили, – и пожала мне руку.

– Да, – сказал Голубев, – ужасное время переживает матушка-Россия. Русские – беженцы в собственной стране и с мест, занятых большевиками, ежедневно прибывает большое число беженцев. Офицеры, их жены и семьи, штатские, военные. Мы с Верой Аркадьевной – такие беженцы. Поселили нас, как всех, в обозе, хоть я статский советник, что по разряду старой императорской России приравнивается к чину генерала. Я хотел бы получить аудиенцию

для беседы с бароном Унгерном. Вы, господин есаул, как личный адъютант барона не были бы столь любезны устроить мне подобную аудиенцию?

— Его превосходительство барон Унгерн сейчас очень занят, — сказал я, — тем не менее, постараюсь узнать, когда он может вас принять.

— Весьма меня обяжете, есаул, — сказал Голубев, — считаю нужным вместе с женой прибыть для личной аудиенции. Я надеюсь быть барону полезным, внести свой посильный вклад в святое дело борьбы за Россию. У меня имеется определенный опыт работы в министерстве иностранных дел. Я, думаю, пригодился бы барону в качестве советника по политическим вопросам.

— Он привык повелевать, — сказал я, когда Голубевы, раскланявшись, ушли. — Этот Голубев — человек с большим самомнением и прошлым авторитетом, но, пожалуй, не слишком умный. Привыкнув к почтению и подчинению себе в прошлом, может повести себя с бароном как равный, и даже покровительственно. Не было бы беды.

— Но Вера прекрасна, — сказал Гушин, — ты не находишь?

— Да, замечательная красавица, — сказал я, — тем хуже, ты ведь сам знаешь, что барон не любит женщин, особенно красивых.

— Причем тут барон? — сказал Гушин. — Тебе-то она понравилась. Я уже начинаю ревновать.

— Напрасно, — ответил я. — Разбивать чужие семьи — не по моей части.

— Ну, ты известный моралист.

— Да, моралист. Это ты любишь рассуждать о чувствах, страстях и прочем подобном.

— А ты думаешь, что Вера Аркадьевна — невинная голубка, которая никогда не изменяла мужу? Как все моралисты, ты поразительно наивен в вопросах страсти и любви. Или ты просто фальшивишь. За моральными рассуждениями хочешь скрыть возникшие в тебе самом чувства. Это с вами, моралистами, случается. Вспомни мольеровского Тартюфа.

— Ты хочешь сказать, что я Тартюф?

— Ты сердишься, значит ты не прав.

— Володя, тебе пора в госпиталь, и у меня дела. Давай расстаемся, а то еще чего доброго поругаемся.

— И все-таки тебе очень понравилась Вера, — сказал Гушин, — ты скрытен в любви, такая любовь еще более опасна. Поверь мне, опытному знатоку женщин.

16. Сцена

Как ни странно, но в очередной нашей с бароном поездке по сопкам среди волчьего воя и трупоедства барон тоже заговорил о женщинах.

– В традиционном противостоянии Востока и Запада, – говорил барон, – Запад ассоциируется у меня с женским началом, родившим химеру революции как апокалиптический вариант плотского соблазна.

– В построении цивилизации вы полностью отвергаете женщину? – спросил я.

– Я смотрю на женщин как на печальную необходимость, не более, – ответил барон. – Но европейская цивилизация – это женское начало. она, как и женщина, есть олицетворение продажности и лицемерия. Позлащенный кумир, который Запад в губительном ослеплении вознес на пьедестал, свергнув оттуда героев и воинов. Я давно мечтаю об ордене военных буддистов, чьи члены давали бы обет безбрачия. Победитель дракона, рыцарь и подвижник, явится не из Европы, а появится на противоположном конце Евразии.

– Нечто подобное есть и у Ницше, – сказал я.

– Да, – ответил барон, – я вслед за Ницше могу выстроить тот же ряд презираемых мною тварей: лавочники, крестьяне, коровы, женщины, англичане и прочие демократы. Что касается западных наций, то падение там общественной морали, включая молодое поколение женщин, всегда повергало меня в ужас. В России картина еще безнадежнее: половая распущенность ужасна, сожительство вне брака тем более никого не шокирует.

Мы выехали на ночную поляну, где стая ворон клевала трупы.

– Однако, где ж мой филин? – тревожно спросил барон и вдруг зауhal.

В ответ из чащи леса раздалось уханье, и филин вылетел на поляну.

– Проспал к ужину, – засмеялся барон, – а я уж думал, что мой любимец заболел, хотел вызывать дивизионного ветеринара, повелеть ему немедленно отправиться в сопки, найти филина и лечить его.

Барон с умилением смотрел, как филин согнал ворон, уселся на одном из трупов и начал ужинать. Потом барон тронул коня, и мы поскакали дальше.

– Вскоре, есаул, нам предстоит поездка к Семенову в Читту, – сказал барон, – подготовьте материалы, предстоит наступление на

Ургу как начало создания великой Монголии. Я верю в успех, но в последнюю свою поездку в Читу я эту веру чуть не потерял. Семенов после занятия Читы утратил интерес к планам военной кампании. Будем надеяться, временно. Всякому движению нужны истинные вожди, умеющие мечтать. А вожди новой России, как, например, Семенов, мечтают лишь о том, чтобы своих любовниц уравнивать в правах с евнухами. Без поддержки Семенова никакой успех невозможен. Но пассивность и апатия некоторых лиц, окружающих Семенова, губит все. Во взаимоотношениях с Семеновым нужна умелая дипломатия. Мне катастрофически не хватает профессиональных людей.

— Ваше превосходительство, — сказал я, — тут есть один дипломат из Петербурга. Он просит у вас аудиенции.

— Кто?

— Голубев. Он работал в министерстве иностранных дел.

— Голубев. Не знаю.

— Он просит аудиенции с женой.

— Женатик, — сказал барон, — хоть законный брак?

— Похоже, законный. Жена его окончила Смольный институт.

— Ну пусть приходит, поглядим, что за дипломат.

17. Сцена

Барон принял Голубева, вежливо беседовал с ним. Жена Голубева находилась в передней части юрты, рядом со мной. Мы молчали, прислушивались к доносящемуся разговору. Я старался выглядеть вежливо— нейтральным. Но не всегда это мне удавалось. Время от времени я бросал взгляд на прекрасный овал лица, на белокурые волосы, перехваченные лентой. Несколько раз наши глаза встречались, и тогда сладко ныло сердце. Хотелось сказать Вере нечто приятное, хоть что—нибудь, но сердечное. Однако я волновался и не находил слов. Меж тем беседа барона с Голубевым, которая велась в негромких спокойных тонах, вдруг начала становиться все шумнее и беспокойнее.

— За годы гражданской войны, — взволнованно говорил Голубев, — мы много раз были близки к победе над большевиками, но предательство, самолюбие, неспособность вождей белого движения договориться между собой всякий раз уничтожали победу.

— На кого вы намекаете? — вдруг вспыхнул барон. — Сам-то вы кто? Вы из интендантов, следовательно, мошенник.

– Милостивый государь, – тотчас побагровел Голубев, – во-первых, я служил не в интендантстве, а в министерстве иностранных дел. А во-вторых, в порядочном обществе так не говорят.

– Ах, в порядочном обществе, – закричал барон, – наверно думаете, что находитесь в петербургском салоне среди жидовских адвокатов, низких нигилистов-крамольников и изменников. Выпороть его!

Вера Голубева вскочила и бросилась к барону.

– Господин барон, – возмущенно сказала она, – мы принадлежим к высшим петербургским фамилиям. Мой муж близкий родственник свиты его величества адмирала Арсеньева.

– Выпороть! – еще громче закричал барон. Видя бешенство и непреклонность барона, Голубева сменила тон.

– Господин барон, – умоляюще сказала она, – как женщина, прошу вас отменить наказание.

– Если за какого-нибудь провинившегося солдата или офицера ходатайствует женщина, – сказал барон, – то я увеличиваю ему меру наказания. Вы же вовсе штатские особы. Выпороть! – крикнул он опять, побагровев. – Ее тоже выпороть. Положите их рядом, по-супружески. Сипайлов!

Сипайлов вырос как из-под земли.

– Сипайлов, его пусть порет адъютант, поручик Жданов. Он хорошо порет. А ее я приказываю пороть вам, своему адъютанту, – обратился барон ко мне.

Не стану описывать, что я испытал. Голубева и его жену положили рядом, полуобнаженных. Спина Голубева была исполосована Ждановым до крови. Я же старался бить помягче. Барон это заметил.

– Жалеете ее? – сказал он, усмехнувшись. – Видно уж влюблены, юбочный угодник! Ладно, пока с этой женщины позора довольно. Отправить ее в обоз, написать коменданту обоза Чернову, чтобы использовал на тяжелых грязных работах. Пусть солдатские кальсоны стирает, барыня петербургская. А мужа-дипломата назначить рядовым в полк.

18. Сцена

Вскоре я увидел Голубева уже на плацу. Куда девалась его аристократическая спесь. Одетый в солдатский мундир, который сидел на нем, как на огородном пугале, он неумело семенил, стараясь при-

строиться к общему солдатскому шагу, подгоняемый злой командой фельдфебеля.

– Поистине от великого до смешного всего один шаг, – сказал Гущин, который тоже наблюдал за муштрой бывшего дипломата. – Какая жалкая картина. А с Верой, слышал, и того хуже.

– Не говори, – сказал я, – ситуация была почти такая же, как при вынужденном расстреле мной Лоренца. Но все надо вытерпеть, как говорит доктор, во имя нашей идеи.

– И все-таки я тебе завидую, – сказал вдруг Гущин. – Видишь обнаженное тело красавицы. Пороть ее – в этом есть нечто обольстительное, – и он как-то странно, болезненно засмеялся. – Пусть извращенное, но обольстительное.

– Не понимаю тебя, – сказал я сухо, – садистские болезненности меня никогда не интересовали. Я сторонник здоровья во всем, тем более – в интимном.

– Ты наивен, как все моралисты, – ответил Гущин, – или опять фальшивишь.

– Напрасно ты меня ревнуешь, – сказал я, – тем более к несчастной женщине, которая теперь занимается грязной работой в обозе у Чернова.

– У Чернова? – засмеялся Гущин. – Держу пари, что Голубева сойдется в обозе с этим женским обольстителем, красавцем Черновым.

– Это не моя проблема, – сказал я и, холодно кивнув, пошел прочь.

Наша дружба с Гущиным явно расстраивалась из-за женщины, к которой, как мне кажется, он меня несправедливо ревнует.

19. Спена

Резиденция Семенова находилась в лучшей читинской гостинице “Селект”. Когда мы приехали, там гремел очередной банкет, пел цыганский хор, солировала красивая женщина, очень гибкая и стройная. Увидев нас, она довольно непочтительно крикнула Семенову:

– Атаман, твой барон приехал, – и засмеялась.

Семенов, сильно выпивший, поднялся навстречу Унгерну. Атаман был человек среднего роста, с красивыми ногами, с широкой грудью и, несмотря на молодость, с рано полысевшей головой. Лицо у него было скуластое, русско-бурятского типа. Шитый золотом генеральский мундир расстегнут. На плечах желтые погоны с черной

тибетской свастики. Трижды по-русски поцеловавшись с Унгерном, Семенов сказал:

– Садись, барон, праздновать с нами.

– Что праздновать? – сдержанно спросил барон.

– Взятие Читы.

– Не затянулся ли праздник? – спросил барон. – Чита взята уже больше года назад, кроме того, я не пью.

– Барон, не гордись, повеселись с нами, – засмеялась темноволосая женщина и сильным низким, почти мужским голосом запела цыганский романс.

Офицеры бешено аплодировали ей.

– Не сердись, – тоже аплодируя, говорил Семенов. – Нужно дать волю чувствам. Не правда ли, Маша хороша? Такие глаза, такие зубы.

– Я устал с дороги, – сказал Унгерн, – нельзя ли передохнуть перед завтрашним серьезным разговором?

– Отдыхай, – сказал Семенов, – а мы еще попируем.

20. Сцена

Нам отвели большой двоянный номер гостиницы. Барон был мрачен.

– Было время, – сказал он, – в молодости я сам напивался до белой горячки, теперь намерен соблюдать трезвость. Водка удручает мышление, если уж тепшить себя, так наркотиками. По крайней мере, наркотики возбуждают воображение. Вы, есаул, употребляете наркотики?

– Нет, ваше превосходительство.

– А водку?

– Иногда и в меру.

– Напрасно, лучше наркотики, чем водка. Мы, молодые офицеры в Забайкалье, употребляли наркотики, причем гораздо сильнее, чем заурядный кокаин. Неподалеку от границы Китая достать их нетрудно. Намереваясь организовать для борьбы с революцией орден военных буддистов, я допускаю употребление его членами гашиша и опиума. Однако кутежи Семенова совсем иное. Эта шансонетка, петербургская цыганка Машка, в качестве любовницы атамана Семенова серьезно влияет на политику атаманской Читы. Вы знаете Машку, есаул?

– Знаю как атаманшу Машку, под этим именем она известна всему Дальнему Востоку.

– Фамилию ее никто не знает, возможно, и Семенов не знает ее настоящую фамилию. Не то бывшая цыганка, не то бывшая шансонетка. Эта женщина пользуется большим влиянием на Семенова. Ее боятся, перед ней заискивают. Я слышал, что Машка всеми силами пытается привлечь к себе симпатию офицеров и даже платит за них карточные долги. Но меня она числит в своих врагах. И я ее не жалую. Не случайно свою белую кобылу, подаренную мне Семеновым, я назвал Машка, – он засмеялся. – Впрочем, эта тезка атаманской любовницы служит мне верой и правдой. А атаманскую пассию можно сравнить с евнухами, которые обладают такой же властью при дворе турецкого султана. Или с Распутиным в юбке, который тоже дурно влиял на государя и государыню.

– Вы находите, барон, что главная причина не в Семенове, а в дурном влиянии?

– Безусловно. Семенов – добрый, простой, отзывчивый человек, без всякой мании величия. Я ношу на погонах буквы АС – атаман Семенов – и горжусь этим. Семенов сам хорош, но семеновщина невыносима. Атмосфера, царящая в Чите, меня давно раздражает. Я считаю, что все катится по наклонной плоскости. Впрочем, и Семенов не ощущает идеи. Я объединяю в этом слове понятие идеализма и идейности. Он не чувствует мистический смысл символа. Носит на погонах тибетскую свастику, этот священный для буддиста символ вечного круговорота жизни, а ведет себя как масон, создал у себя в армии жидовские части. Племянница его замужем за еврейским коммерсантом. Это говорит о том, что он не знает и не понимает Монголии и буддизма.

– Но, ваше превосходительство, – сказал я, – изданная в Харбине автобиография атамана отмечает его глубокое изучение буддизма.

– Может, он и изучал, но не понимает, – сказал барон. – Любовь к монголам предопределяет для меня ненависть к евреям. Первые несут в себе божественное начало, вторые – дьявольское. Одни воплощают в себе добродетели прошлого, другие – все пороки настоящего. Монголы, как и я сам, прирожденные мистики. Евреи – сугубые реалисты. В этом качестве они олицетворяют для меня все, что мне ненавистно в цивилизации XX века, все, что так ярко выражено в наших либералах, которым доверена судьба России. Врангель, Колчак... Вам приходилось встречаться с Колчаком?

– Нет, – ответил я, – но я видел его во время молитвы в казачьем соборе в Омске. На лице его видна печать обреченности.

– Если бы эти вожди обрекали на гибель только себя, – сказал барон. – Они обрекают на гибель монархию, Россию, белую идею. В нынешнее ужасное время спасти Россию может только диктатор, но легенда о железной воле Колчака разрушилась. Люди, которые хотят видеть в нем диктатора, должны разочароваться.

– О Колчаке говорят как о человеке тонкой духовной организации, – сказал я. – Он влияет на людей своим моральным авторитетом.

– Что такое моральный авторитет? Людьми надо управлять. Я знаю, какие могут быть последствия при обращении к снисходительности и добродушию в отношении диких орд русских безбожников. Я ненавижу Колчака, и Колчак, я знаю, ненавидит меня. Он желал бы моей гибели.

21. Сцена

Это подтвердилось на следующий день во время встречи Унгерна с Семеновым.

– На тебя, барон, – сказал он, – получены документы от верховного правителя России, адмирала Колчака, – и подал бумаги.

– Доклад об убийствах, расстрелах и других преступлениях, чинимых генералом Унгерном и его подчиненными. Жалобы госпожи Филипповой об убийстве ее мужа, капитана Филиппова, а также ряд других материалов, необходимых для предания тебя военно-полевому суду, – Семенов поднял голову и посмотрел на барона.

– Чтож, – сдерживая гнев, сказал барон, – если ты, атаман, считаешь, что я за свою борьбу с врагами России заслужил петли, то казни. Как буддист, я готов к смерти, но скажу тебе откровенно: Колчак – человек Вашингтона и японофоб, все это направлено не только против меня, но и против японского влияния.

– Никто тебя казнить не собирается, – сказал Семенов. – Однако, что это за история с золотом и с грабежом поездов? Тут сказано, – он взял бумаги, – барон Унгерн чувствует себя полным князем и считает себя вправе облагать данью проходящие мимо поезда.

– Когда-то моего деда тоже обвиняли в операции грабежа судов, – сказал барон, – недаром между нами сходство.

– Тут сказано, – продолжал читать Семенов, – реквизируемые товары тайно переправляются в Харбин и продаются через спекулянтов-перекупщиков, так ли это?

– Господин атаман, – сказал Унгерн, – это так. Средства, отпускаемые из Читы на содержание дивизии, ничтожны. Главный спо-

соб получения средств – реквизиции на железных дорогах. Ведь одевать, вооружать, снаряжать и кормить тысячи людей, лошадей – это при современной дороговизне что-нибудь стоит. Из Харбина мы получаем вырученные деньги и натуру: муку, сало, рис, ячмень и овес для лошадей, табак, папиросы, спички, партии обуви и чая. Также электрические принадлежности и латунь для патронных гильз.

– Параконные экипажи, партию душистой китайской горчицы и кокосовые орехи, – продолжал Семенов. – Зачем тебе кокосовые орехи? – Семенов улыбнулся.

– Это кто-то из моих гурманов, сибаритов, заказал. Надеюсь, ты не подозреваешь меня? Я не трачу на себя ни гроша из вырученных средств. Есаул, – обратился он ко мне, – запиши, выясни, кто заказывал на дивизионные деньги душистую горчицу и кокосы. Накажу беспощадно. Кто бы это ни был.

– Писал бы отчеты, – сказал Семенов, – тогда меньше возникало бы недоразумений. Бумага, бумага нужна.

– Вам нужна бумага, – усмехнулся барон. – Хорошо, я велю послать вам целую пачку. Однако, все это условность, а условностями я люблю пренебрегать, в том числе канцелярскими. Бумажные процедуры в моем штабе упрощены до предела. Одно время штабную документацию я вообще велел отправлять в печку, как тормозящую живое дело. На нестроевых должностях у меня лица не засиживаю. Долго сидеть надоедает, писать. Это Колчак – кабинетный человек, я не сижу в кабинетах.

– Колчак прислал из Омска телеграмму, – сказал Семенов, – умоляет меня двинуть хотя бы тысячу штыков на фронт. Я ответил отказом, у меня есть более важные дела, чем воевать с большевиками за пределами своих владений. Я знаю, кто бы ни победил, мне в Чите не усидеть.

– Я не вижу большой разницы между Колчаком и большевиками – сказал Унгерн, – и те и другие губят Россию.

– Чтобы опередить Деникина и первым войти в Белокаменную, – сказал Семенов, – окружение Колчака вынудило его принять гибельный план прямого наступления на Москву через Пермь.

– На Москву надо идти другим путем, – сказал Унгерн, – через Ургу, через Монголию, этот путь Чингиз-хана. Велика Монголия – первый шаг на пути к будущему обновлению Китая, России и Европы.

– Во всяком случае, создание особого монгольского государства – это для нас запасной вариант судьбы, – улыбнулся Семенов. – Японцы такой план поддержат, японцы давно стремятся утвердить

свое влияние в центре Азии. Отсюда можно контролировать Туркестан и Тибет, через который открывается путь в Индию и Северный Китай. Колчак – человек Вашингтона, западный человек. Прямого вмешательства Запад не потерпел бы, поэтому с Колчаком надо хитрить, давать обещания, но не выполнять, делать вид, будто готовы идти на уступки.

– Я хитрить не буду, – сказал Унгерн, – когда займу Ургу, попросту арестую всех колчаковских эмиссаров. И японским паяцем тоже не стану, чтоб нити дергали японцы. Моя идея – всемонгольское государство.

– Тень Чингиз-хана является нам обоим, – сказал Семенов, – но ты видишь в Чингиз-хане потрясателя вселенной, а я – строителя империи. Однако путь у нас общий, путь Чингиза. Тем более, моя бабка по отцу принадлежит к роду князей Чингизитов. Итак, решено, готовь план наступления на Ургу. Дело наше святое, за такое дело можно и умереть.

22. Сцена

На обратном пути из Урги в купе вагона Унгерн сидел молча, глядел в окно, потом сказал:

– Судя по всему, Семенов умирать не собирается и в любых обстоятельствах имеет запасной вариант жизни. Думаю, на случай бегства у него уже приготовлены штатский костюм и деньги в банках Харбина и Нагасаки. У меня с атаманом пути разные. Мой путь прямой, тем не менее до поры до времени мы с Семеновым идем рядом. Семенов мечтает в интересах России образовать между ней и Китаем особое государство из Монголии и южной части Забайкалья. “Такое государство, – говорит Семенов, – могло бы играть роль преграды, если бы Китай вздумал напасть на Россию ввиду ее слабости”. Это смешотворно! Создани такого государства выгодно прежде всего Японии, а интересы России не более, чем патриотическая фраза. В этом ли патриотизм? Я заменил бы слово “Россия” словом “Евразия”. Только восставление силы Чингиз-хана может спасти Россию и остановить гниение Запада. Скоро мы сделаем первый шаг на пути к будущему обновлению мира. Мы начинаем движение на Ургу.

23. Сцена

Дивизия была выстроена в боевых порядках. Вынесли белое знамя с тибетской свастикой.

– Это новое знамя из парчи, – торжественно сказал Унгерн, – белое знамя Чингиз-хана с тибетской свастикой, буддистским символом вечного обновления жизни. С севера в седьмом столетии по смерти Чингиз-хана по мистическому поверию ожидается явление его белого знамени, под которым евразийцы восстановят свое былое величие. По монгольскому поверию, в знамя переходит душа полководца Сульде. Явление знамени Чингиза равносильно появлению его самого.

Заиграл оркестр, вывели связанного китайца.

– По древнему обычаю, – сказал Унгерн, – приказываю освятить знамя кровью пленного китайца. Зарубить китайца у подножия знаменного древка.

Китайца зарубили пашками, обмакнули древко в текущую кровь.

24. Сцена

Дивизия шла к Урге. Унгерн появлялся то в одном, то в другом месте, отдавая распоряжения. Я, как адъютант, следовал за ним.

– Чтоб создать впечатление большого войска, – распорядился барон, – передвигаться по двое в ряд.

Колонна далеко растянулась по степи. Три орудия тащили бычьи упряжки. Пулеметы везли на монгольских тачанках, дощатых платформах, к которым крепилось дышло.

– Все лишние винтовки раздать казакам, – распоряжался барон, – отдать всякому, кто пожелает вступить в отряд.

– Монгольских добровольцев пока немного, – ответил я, – не более двух сотен.

– А русских? – спросил барон. – Тут много русских колонистов.

– Тех совсем нет, – ответил Сипайлов.

– Проклятые! – злобно сказал барон. – Русских надо приравнять к дезертирам. Часть бойцов, главным образом, бурят отправить по кочевьям собирать ополчение.

Вскоре впереди послышались выстрелы.

– Это Резухин, – сказал барон, – он уже занял одну из возвышенностей и завязал перестрелку с китайцами.

Основные силы дивизии подошли в район Урги к вечеру, когда солнце садилось. На одном из холмов барон долго смотрел на город в бинокль.

– Вот он, монастырь-столица, – сказал барон. – Монголы называют свою столицу Их-хуре, то есть Большой монастырь. На под-

ступах к городу, на склоне горы, крупнейший монастырь Гундан, город богословов, Афины северного буддизма. Его полное название Гундан те Чиплин, что значит Большая колесница современной радости. А вон на самой вершине башнеобразное белое здание, самое высокое в Урге. Храм Машид Жарайсинг посвящен Авалокетишаре, Великомилосердному, чьим земным воплощением считается Далай Лама. Вон круглый облитый листовой медью купол Мойдари сум. Мойдари – владыка будущего, буддийский месия.

– Ваше превосходительство, – подъехав, спросил Резухин, – каков план атаки? Никто не знает, что нужно делать.

– Никакого плана атаки у меня нет, – ответил барон, – будем действовать по обстоятельствам. Первый удар я решил нанести по Май-манчану – столичному пригороду, населенному китайцами. Прежде чем начать штурм, предъявить китайскому командованию ультиматум. Потребовать впустить меня в Ургу со всем войском, чтобы моя азиатская дивизия могла пополнить запасы перед походом на север, к пограничному Троицкосавску. Пусть китайцы думают, что главная моя цель – война с красными. Не правда ли, хорошая идея?

– Вряд ли китайцы предоставят нам такое гостеприимство, – сказал я.

– Что ж, – сказал барон, – поедem сами к ним в гости. Я намерен направиться на разведку в Ургу.

– Вы сами, в одиночку, ваше превосходительство? – удивленно спросил я.

– Нет, есаул, ты поедешь со мной. Честно говоря, я плохо представляю себе, где находится этот Май-манчан.

25. Сцена

Была крошечная безлунная ночь. Мы довольно долго блуждали в окрестных сопках, не находя дороги.

– Кажется, мы заблудились, – подъехав ко мне, сказал барон.

– Простите, ваше превосходительство, – ответил я, – но идея, мне кажется, не из самых удачных.

– Ты, есаул, – материалист, напрочь лишенный мистического чутья, – ответил барон. – Вот возьми. Это кокаин. В небольших дозах он прочищает мозг.

Барон отсыпал мне щепотку порошка, а другую приложил к ноздре. Я незаметно высыпал кокаин, барон же глубоко вдохнул наркотик, поехал быстрее и увереннее.

– Слышишь звон? – сказал он мне. – Это сигнал чугунного колокола из Май-манчана, мы почти у цели.

Вскоре, действительно, удалось выбраться к глиняной стене. Мы поехали вдоль стены, пока не достигли пролома, и проникли в город. Май-манчан был плотно застроен. Здесь были и китайские фанзы, и дощатые бараки, и вилы.

– Не правда ли, хорошо? – шепнул мне барон. – Эта игра со смертью иной раз является для меня мистической потребностью.

Вдруг возле какой-то вилы или банка нас окликнул часовой.

– Кто тут?

– Поскакали, – шепнул барон и пустил коня галопом, я поскакал следом. Раздались крики и выстрелы. Мы достигли пролома и поскакали в сопки. Уже светало. Показались передовые казачьи посты.

– Мы уже у своего войска, – сказал барон. – Надо отдать распоряжение атаковать Май-манчан через проломы. Стена давно не ремонтировалась, во многих местах она зияет проломами. Я думаю, захватить эту средневековую крепость будет не трудно. Неожиданно послышалась сильная оружейная и пулеметная стрельба. Ударили пушки. В расположении войск царила неразбериха. Казаки отступали.

– Что происходит? – крикнул барон, подъехав к Резухину, который пытался сдержать отступающих.

– Китайцы подобрались в темноте, атакуют с трех сторон, надо отходить, ваше превосходительство.

Казаки на рысях уходили с пригородных холмов. Начиналось жаркое монгольское утро.

– Каковы потери? – спросил барон.

– Казаки отступили без больших потерь, – ответил Резухин, – преследовать нас китайская пехота не может. Но в эту ночь, ваше превосходительство, мы лишились почти всей артиллерии. Из трех пушек удалось вывезти одну.

– Отойдем на отдых, – мрачно сказал барон, – через четыре дня двинемся опять на штурм Урги.

26. Сцена

Так же мрачно опустив голову, барон ехал во главе своего отступающего войска. Вдруг впереди в монгольской степи странным миражом возникли русские избы, маковки православной церкви.

– Что это? – спросил барон.

– Это, ваше превосходительство, поселок русских колонистов Ман дал, – ответил Сипайлов. – Россия в полсотни верст от Урги, – он захихикал.

– Бурдуковский, – яростно закричал барон.

Подъехал Бурдуковский.

– Комендантской сотне всех жителей истребить за то, что не пожелаали выставить добровольцев в мое войско при осаде мной Урги. Поселок сжечь.

Комендантская сотня, в которой было много татар и башкир, понеслась с воем. Запылали дома, улицы покрылись трупами. От богатого поселка Ман дал остались лишь заваленные мертвецами дымящиеся руины.

27. Сцена

Военный совет состоялся в походной палатке барона. Докладывал Резухин.

– Ургу, ваше превосходительство, занимает многотысячная китайская армия со штабами, полевыми телефонами, горными орудиями. А у нас несколько сот измученных, оборванных и полуголодных всадников на отощавших конях. Одна пушка, один пулеметный взвод и минимальный запас патронов.

– Что ж, – сказал Унгерн, – мысль о том, чтобы с такими силами выбить китайцев из города, кажется безумием, но мы опять пойдем к столице. Теперь, оставив Май-манчан в стороне, я решил атаковать Ургу с северо-востока. Постараемся ночью незаметно подойти к центральным кварталам по руслу речки Селды.

И он склонился над картой, указывая направление.

28. Сцена

Ночной бой длился уже несколько часов. Барон появлялся то в одном, то в другом месте. Он был без оружия, с одной лишь тростью-ташуром.

– Отчего нет продвижения? – кричал он. – Атаковать пулеметы.

– Ваше превосходительство, – сказал один из подъехавших офицеров, – китайцы успели подготовиться. Устье Селды и гребни холмов покрыты окопами.

Я с трудом узнал в офицере Гушина. Лоб его был перевязан окровавленной тряпкой. Он слез, почти свалился с коня, схватил протянутую ему бутылку, начал жадно пить.

– Атаковать! – кричал Унгерн, – Непрерывно атаковать! – и ударил тростью Гушина по спине. – Атаковать!

– Верхом пройти не удастся, ваше превосходительство, – сказал Гушин.

– Сотням спешиться! Атаковать!

Казаки в пешем строю лезли прямо на китайские пулеметы. Барон появлялся в самых опасных местах со своей монгольской тростью, бил по спинам солдат и офицеров.

– Атаковать! – кричал он. – Сколько у нас осталось пулеметов? Увидев юного прапорщика с пулеметом, он спросил:

– Сколько пулеметов?

– Два кольта, ваше превосходительство, – ответил юный прапорщик

– Как твоя фамилия?

– Козырев, ваше превосходительство.

– Эти два бесценных колта отданы под твое командование, Козырев. Береги их и себя, смотри, если ранят, повешу.

– Оправдаю доверие вашего превосходительства, – радостно ответил Козырев.

Бой продолжался. Спустя некоторое время барон опять подъехал к пулеметному взводу. Козырев лежал на спине.

– Что с ним? – спросил барон.

– Пуля в животе, – ответил кто-то из казаков.

Сидя в седле, барон посмотрел на окровавленный живот, на мгновенно посветлевшее лицо Козырева.

– По виду рана смертельная, – сказал он, – вывезти его с поля боя в госпиталь. Может, все ж уцелеет. Юн слишком. – И отъехал.

К утру китайцы были сбиты с позиций, казаки продвигались вперед.

– Китайская пехота отброшена к храмам монастыря Дехуре, – доложил подъехавший офицер.

– Мистическая вера никогда не обманывала меня, – говорил барон, глядя в бинокль. – Я уверен, китайцы в панике, готовятся к эвакуации. Атаковать!

К вечеру канонада усилилась.

– Отчего нет продвижения? Где Резухин? – кричал барон. – Резухина ко мне!

Подъехал Резухин.

– Почему остановились атаки? – закричал барон. – Для победы хватит одной-двух атак.

– Ваше превосходительство, – сказал Резухин, – китайцы подтянули к месту прорыва свежие силы, в том числе и артиллерию. А наши резервы исчерпаны. Потери огромны. Триста человек убитыми и ранеными. Третью казаков.

– А офицеры? – закричал барон. – Офицеры отсиживаются позади.

– Ваше превосходительство, – сказал Резухин, – четверо из десяти офицеров остались лежать мертвыми на ургинских сопках, патроны на исходе, продовольствие тоже.

– А где монголы?

– Обещанное монгольскими князьями подкрепление не появилось.

– Что ж, отступать? Две-три атаки не хватает до победы. И отступать!

– Ваше превосходительство, сильно похолодало, – сказал я. – Ночь обещает быть морозной, теплой одежды нет. Раненные умирают от холода.

– Тогда придется отступать. Будем отступать. Я оставлю небольшой отряд возле Урги для морального давления на китайцев, которые напуганы и психологически не способны удалиться от города далеко. Сам же с главными силами, увозя раненых, уйду к востоку, на берега Карумна, в те места, которые семь столетий назад стали колыбелью империи Чингиз-хана. Отказываться от своих планов я не собираюсь.

29. Сцена

В своей юрте барон принимал тайных посланцев Богдо Гэгена. Он говорил:

– Передайте Богдо Гэгену, предводителю Монголии, я пришел в вашу страну, чтобы начать всемирное дело. Я сражаюсь против коммунистов, евреев и китайцев. За кровь и правду- истину. Я буддист, потому что эта религия учит подчинению младшего старшему. Я восстанавливаю чистую кровь народов, завоевавших мир. Пусть монголы помогут мне взять Сибирь. Я – новый Чингиз-хан, я возведу Монголию и сделаю главной спасительницей мира от большевизма.

– Барон Иван, ты бог войны, – сказал один из лам, – мы верим тебе, мы знаем, что ты с помощью духов можешь становиться невидимым, посылать на врагов панический страх.

– В наших пророчествах, – сказал другой лама, – национальный мессия должен прийти в годы жизни восьмого Богдо Гэгена с севера. В пророчествах Бишигу Цадан Шулин, священного белого камня, – сказал третий лама, – сказано, что после великой смуты явится непобедимый белый батор, который спасет и возродит монгольского Хагана. Это пришествие должно произойти в год белой курицы. Год белой курицы приближается. Ты – белый генерал, и это делает такое пророчество для нас, монголов, очень волнующим. Белый цвет – цвет Чингиз-хана.

– Ты так же рыжебород, как Чингиз, – сказал первый лама.

– Ты состоишь в родстве с самим Цага ханом, – сказал второй лама, – сам Цага хан послал тебя к нам.

– Кто это Цага хан? – спросил я, поскольку записывал разговор.

– Это государь Николай II. Они верят в мое родство с государем и к тому же не знают, что государь уже мертв. Не надо разрушать их наивной веры.

Вдруг раздался ужасный крик.

– Что там происходит? – поморщился барон.

– Видно, Сипайлов допрашивает арестованных, – сказал я.

– Скажи, чтобы сейчас не допрашивал, пусть зайдет.

Я вышел и направился к дощатому сараю неподалеку, откуда доносились крики. Какому-то связанному арестанту лили в ноздри кипятка из горячего чайника.

– Барон велел прекратить допросы, – сказал я, стараясь смотреть в сторону. – Он беседует с ламами.

Ламы выглядели растерянными: видно, были напуганы криками.

– Будда проповедует мир и милосердие, – сказал первый лама.

– Будда щадит все живое, даже комаров, вшей и блох. Но слуга Будды – беспощадный Махагала, ты, белый батыр, – слуга Будды Махагала.

– Махагала, – наперебой заговорили ламы, – хранитель веры, устрашающий и беспощадный Махагала.

Ламы, поклонившись барону и пятась, вышли из юрты.

– Кто такой Махагала, ваше превосходительство? – спросил я.

– Махагала, – это шестирукое божество. По-тибетски Срум, или Докхит, по-монгольски Шаги Уса. Он изображается в диадеме

из пяти черепов, с ожерельем из отрубленных голов, с палицей из человеческих костей в одной руке и с чашей из черепа – в другой. Вот оно. – Барон порылся в бумагах и показал литографию.

– Подлинник – в монастыре Гудана. Когда мы возьмем Ургу, то обязательно посетим монастырь Гудан.

Вошел Сипайлов.

– Что ты такое делаешь! – закричал на него барон. – Знаешь ведь, что я беседую с ламами.

– Ваше превосходительство, угощал чайком вредный элемент, – усмехнувшись, ответил Сипайлов.

– Ты, Сипайлов, садист, – сказал барон, – я не люблю истязаний. Когда мне приходится наткаться на какую-либо жестокую экзекуцию и слышать стон наказуемых, то я стараюсь быстрее пройти или проехать. Я никогда не посещаю сараев или подвалов, где хозяйничает Сипайлов со своими подручными. Я предпочел бы убивать своих врагов просто. Смерть есть нечто заурядное, чуть ли ни пошлое в своей обыденности. А пытки ее романтизируют.

– Ваше превосходительство, – сказал Сипайлов, – без пыток нельзя добиться признания виновных.

– В жестокости есть печальная необходимость, – согласился барон, – сам Будда допускает такую необходимость, взяв своим слугой божество Махагала. Побеждая злых духов, Махагала ест их мясо и пьет их кровь. Сам он не способен достичь Нирваны. Он обречен вечно сражаться со всеми, кто препятствует распространению буддизма, причиняя зло ламам или мешая им совершать священные обряды. Я чувствую себя таким божеством. Я объявил войну китайцам, которые заставили отречься живого Будду, запретили богослужения в столичных монастырях и оскверняют храмы. Особенно меня волнует, что монголы называют меня белым генералом, который спасет их от белой курицы. Монголы очень чутки к цветовой символике.

– Ваше превосходительство, – сказал Сипайлов, – я хотел бы доложить о деле Чернова, коменданта обоза, поскольку вы велели мне разобраться.

– Докладывай!

– Чернов распорядился отравить тяжелораненых, которых везли в обозе.

– Это я сам ему велел отравить безнадежных, тех, кто все равно не вынес бы дальнейшего перехода.

– Ваше превосходительство, поговаривают, что с тяжелоранеными смертельную дозу яда получили все, имевшие при себе какие-либо ценности или деньги.

– Так ли это, выяснить! Если так, Чернова привести в лагерь. Допросить. Ты, есаул, поедешь, доложишь мне к моему возвращению из японской ставки.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – ответил я.

– Выяснить, – сказал барон. – Чернов был прежде моим любимцем, как и Лоуренс. Деньги и золото все губят.

– Говорят о подделке денежных документов по причине сладострастия, – сказал Сипайлов. – Тут замешана женщина.

– Какая женщина?

– Голубева. У Чернова, якобы, с этой женщиной роман.

– Голубева? Огять Голубева. Выяснить и доложить. Я чувствую в себе силу Махагалы, а значит и справедливость Будды. При этом всякий, на кого обращается мой гнев, будь то дезертир, пьяница или тот же Чернов, становится врагом желтой религии, мешающим ее торжеству. И ты, Сипайлов, – спутник Махагалы. Но я – божество, слуга Будды, а ты и Бурдуковский со своими подручными – бесноватые кладбищенские демоны, жадные до крови и мяса. Вы – челядь, покрытая пеплом погребальных костров и пятнами трупного жира. Пожирающий людоед – это в числе ритуальных списков Махагалы, но вы – животные-людоеды. Ламические обрядники включают сюда и животных соответствующего толка. Это волки, шакалы, дикие собаки, лисы, грифы, совы и филины – все те, кто питается падалью.

И, вынув золоченую коробочку с кокаином, барон отсыпал на ладонь, поднес порошок к ноздрям.

30. Сцена

Приехав в расположение обоза, первыми, кого я увидел, были Голубева и Чернов. Они шли об руку. Судя по их поведению, приходилось признать, Гуштин был прав. Меж Черновым и Голубевой – роман. Нельзя сказать, что я вовсе не испытывал ревности. Какой мужчина может устоять перед подобной красавицей? Особенно в монгольском захолустье. Остановившись за бараком, я видел, как они обнимаются и целуются, и не один лишь я. Они не слишком стеснялись, и это зрелище собирало зрителей.

– Вот, ваше благородие, блядь, – сказал мне какой-то обозный казак, тоже оказывается наблюдавший, – коменданта соблазняет ради сладкого пайка.

– Хорошо бы ее накрыть где-нибудь в сарае, – подхихикнул второй казак. – Ваше благородие, вот истинный крест, накрыть в сарае. Может, и она рада будет.

Оба были пьяные.

– Убирайтесь вон, – брезгливо сказал я. – Узнает комендант, накажет вас.

31. Сцена

В комендантской я долго просматривал бумаги умерших тяжело раненых.

– Где опись личного имущества, ценностей и денег, которые были у покойных? – спросил я Чернова.

– Не было никаких денег и ценностей, – ответил Чернов, – это клевета. Это на меня клеветают.

Провозившись до полудня и ничего не обнаружив, я вышел из прокуренной комендантской подышать свежим воздухом, увидел Веру Голубеву, которая прогуливалась неподалеку.

– Вы, есаул? – увидев меня, сказала она довольно равнодушно, что, признаюсь, меня покорило.

– А вы, мадам, я вижу, времени не теряли.

– Уже рассказали?

– Рассказывать не надо, так видно, – ответил я. – Вы уж вовсе переселились в юрту к Чернову?

– Да, переселилась, – ответила Вера, – что в этом плохого? Разве мы плохая пара? Оба красивые, статные, – она засмеялась.

– А ваш муж? – спросил я.

– Этот лакей? – презрительно сказала Вера. – Он всегда был лакеем, даже когда служил в Петербурге в министерстве иностранных дел, был лакеем. Просто теперь явно видно. Разве вы не заметили?

– Я заметил, что человек он не слишком умный, – ответил я, – но все-таки вы с ним венчались в церкви, по-христиански.

– Какие теперь венчания? – сказала Голубева. – Сам Колчак перед лицом всей Сибири открыто живет со своей невенчаной женой Темиревой. Об этом судачат, но не слишком. Да и что поделаешь? Мы, беглецы из центральной губернии, находимся в таком же

положении, как верховный правитель России. Многие пары, встретившись на дорогах войны и бегства, при желании не могут узаконить свои отношения, ибо расторгнуть брак имеет право лишь консистория той епархии, где он был заключен.

Вдруг позади послышался смех, и пьяный голос сказал:

– Ваше высокоблагородие, вслед на очереди мы.

Это опять были те обозные казаки.

– Убирайтесь! – крикнул я.

Казаки засмеялись, а один из них крикнул Вере:

– Эй, ты, блядь, мы тебя накроем в сарае!

Вера разрыдалась и убежала в комендантский барак. Казаки, обнявшись, с пьяной песней пошли прочь. Но не прошло и минуты, как из комендантского барака выбежал разъяренный Чернов с револьвером в руке.

– Где подлецы? – яростно закричал он.

– Пошли туда, – указал я направление.

– Дисциплина в обозе совершенно распалась. Ординарцы, – закричал Чернов, – схватить и расстрелять подлецов!

– Такое уж слишком! – сказал я. – Такой приговор имеет право вынести лишь военно-полевой суд за соответствующие преступления.

– Они уже приставали ко мне, – сказала Вера. – Когда их отвергла, обозвали нехорошими словами.

– Оскорбление моей жены, – крикнул Чернов, – для меня высшее преступление, – и он с ординарцами побегал за казаками.

Я поспешил туда, однако впереди раздались выстрелы, и, когда я подошел, оба казака лежали мертвые. Происшедшее было неожиданным и диким, впрочем, в духе времени.

– Я вынужден буду доложить о происшествии в штабе, – сказал я.

32. Спена

Барон был весьма занят, готовился к встрече с японцами. Когда я вошел, он лишь мельком спросил:

– Что с Черновым? Подтвердилось насчет умертвления раненых ради денег?

– Нет, ваше превосходительство. Описи ценных бумаг и денег не обнаружены. Может быть, они уничтожены.

– Разберемся, – сказал барон. – Я пошлю туда Сипайлова.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – в обозе на моих глазах произошло отвратительное происшествие. Чернов расстрелял двух казаков.

– За дезертирство?

– Нет, за то, что они оскорбляли Голубеву.

– Расстрелял казаков за женщину? – закричал барон. – Вызвать Чернова в дивизию.

Чернов приехал под вечер. Я устроил его у себя в палатке.

– Где барон? – говорил Чернов. – Я хочу говорить с бароном.

– Барон в отъезде, – сказал я. – Все ж, Чернов, для вашей пользы я попрошу бы сдать оружие.

– Нет, оружие не сдам, – нервно и агрессивно ответил Чернов. Он вынул револьвер, обнажил шашку и положил их рядом с собой.

– Чернов, – сказал я, чтобы смягчить ситуацию. – Я понимаю ваши чувства и сочувствую вам, подождите, придет барон. Он человек жестокий, но справедливый. Я замолвлю за вас слово. Будем надеяться, он решит в вашу пользу.

– Я люблю Веру и хочу на ней жениться, – нервно говорил Чернов.

– Но она жена другого, – возразил я, – христианская религия запрещает двоеженство.

– Тогда я перейду в буддизм, – закричал Чернов.

– Ложитесь спать, Чернов, и надейтесь на лучшее, – сказал я. – Я доложу генералу Резухину, может, он разберется.

33. Сцена

Едва я вошел к Резухину, как тот закричал:

– Где Чернов?

– Я, ваше превосходительство, поместил его у себя в палатке.

– На лед эту сволочь!

– Господин генерал, – сказал я, – все-таки надо дождаться приказа барона.

– Хорошо, – сказал Резухин, – отправлю конного к барону. У вашей палатки выставлю караул, а вы ждите здесь.

Ночью меня, задремавшего в штабной юрте, разбудил Бурдуковский.

– Барон приказал выпороть Чернова и сжечь живьем, – сказал он.

– Но ведь Чернов офицер-дворянин, – попробовал возражать я.

– Даже если он виновен, его по армейскому уставу можно только расстрелять.

– Здесь, есаул, действуют по особому уставу, – ухмыльнулся Бурдуковский. – Барон приказал дать Чернову двести бамбуков. Я сам буду пороть. Послать казаков схватить Чернова.

Задремавшего от усталости Чернова схватили во сне, разоружили, связали.

34. Сцена

Утром вся дивизия была выстроена у огромного столетнего дуба. Голого Чернова положили под дубом. Порол сам Бурдуковский. Вскоре все тело Чернова превратилось в кровавый лоскут. Я стоял рядом с Гушиным.

– Видишь, – сказал мне шепотом Гушин, – я был прав, эта женщина погубила Чернова.

– Да, ты прав, – шепотом ответил я.

– Она еще многих погубит, – сказал Гушин. – Красота ее дьявольская.

В это время Чернова привязали голого к дубу, облили сложенный у подножья хворост бензином и подожгли. Из огня доносились стоны и проклятия Чернова. Потом они затихли, люди начали расходиться. Мы с Гушиным ушли одними из первых и долго бродили в окрестностях лагеря. Оба были бледны.

– Произошло страшное дело, – сказал я Гушину после молчания.

– Дело, превзошедшее все прошлые жестокости барона.

– Если бы я сам это не видел, историю гибели Чернова со всеми чудовищными физиологическими подробностями, я бы ответил: этого не может быть. Даже нам, людям, прошедшим мясорубку гражданской войны, трудно поверить, что такое возможно. Сожжение человека на костре вызывает в памяти картины из гимназического учебника, где говорилось об ужасах инквизиции. Тем более невероятно, что в роли Торквемады выступает современный культурный европеец, барон, белый генерал. Он считает себя воплощением божества Маргала, буддийского Бога, карающего врагов.

– Маргала тут ни при чем, – сказал Гушин, – мне кажется, такое случилось из-за чисто патологического ненавистничества барона. Не исключено, что барону присущи гомосексуальные наклонности, и он страдает от этого, переживает разлад между собственным телом и духом панморализма. Страдает и ревнует. Это своеобразная форма ревности костлявого белокрысого уроды к красивым

людям, любящим друг друга. Впрочем, если Вера и любила Чернова, то по- дьявольски, губящей любовью.

– Я с тобой не согласен, наверное, и ты из ревности демонизируешь эту слабую запутавшуюся женщину.

– Ты вновь убедишься в моей правоте, – сказал Гущин. – Но пусть Бог хранит тебя от подобной беды.

35. Сцена

Вернувшись через несколько дней, барон вызвал меня к себе ночью. Он был не в духе. Это не предвещало ничего хорошего.

– Есаул, – сказал он, – надо немедленно написать приказ о полном запрете употребления спиртного. Вчера я наткнулся в лагере на двух пьяных офицеров. Раздеть их догола, привязать к лошадям и на веревке протащить через ледяную реку. Голые, не разводя костра, пусть сидят всю ночь на противоположном берегу. Лагерные часовые пусть каждый час устраивают им переключку. Исполняйте.

Я отдал честь и собирался уже идти исполнять приказание, когда он меня вдруг спросил:

– Где госпожа Голубева?

– В обозе, – ответил я.

– Сипайлов, обратился он к стоящему за его спиной Сипайлову, – вызвать ее из обоза, поместить в юрту к японцам. Пошли своего адъютанта.

Я уже привык к кошмарам, и эта ночь не показалась мне чем-то особенным. Голых офицеров, привязав к лошадям, перетащили через реку. Каждый час часовые окликали их, и с противоположного берега из тьмы доносились их продрогшие, хриплые голоса в ответ. Придя утром, измученный, продрогший, я заснул мертвым сном. Но спал недолго, вестовой разбудил меня.

– Ваше благородие, – сказал он, – к его превосходительству.

В отличие от прошлой ночи, барон был в веселом настроении.

– Пойдемте, есаул, посмотрите на свою возлюбленную госпожу Голубеву.

– Ваше превосходительство, – ответил я, – она вовсе не моя возлюбленная.

– Рассказывай, – усмехнулся барон, – вы все юбочные угодники. Но теперь я поместил ее к японцам. После японского темперамента вам делать нечего.

36. Сцена

В юрте у японцев было тесно от сидящих вокруг Веры Голубевой мужчин. Все японцы одинаково улыбались. Среди японцев был и сам генерал Сузуки, который тоже улыбался.

– Хорошая барышня, – говорил он, глядя на Веру, которая в японском кимоно обмахивалась веером.

– Это русская девушка не уступит лучшей японской гейше.

– Кушайте, русская барышня, – говорил один из японцев, улыбаясь, – это ананасные консервы из Формозы.

– Формоза? – смеялась Вера, погружая ложку в консервы.

– Что такое Формоза? Формоза – это очень скучное место, где делают вкусные ананасные консервы, – улыбался японец. – Там нет таких красивых русских барышень. Формоза по-китайски – Тайвань.

– Кушайте, русская барышня, – говорил другой японец, – вот ургинские пряники, ургинское варенье. Тут, в Монголии, хорошо, тут лучше, чем в Корее. В Корее всюду запах вонючего орехового масла, – он засмеялся.

– Русские барышни красивее филиппинских американок, – сказал один из японцев. – Филиппинские американки – скуластые, красноносые бабы.

– Мы поражены вашей красотой, мадам, – сказал по-французски Сузуки.

– Благодарю вас, вы очень любезны, – ответила Голубева, кокетливо шурясь.

– Ну, есаул, убедились в верности своей возлюбленной, – по-французски спросил меня барон, когда мы вышли.

– Ваше превосходительство, она не моя возлюбленная, – снова ответил я. – О ее неверности пусть заботится муж.

– Муж? – улыбнулся барон. – Именно муж. Вызовем мужа.

37. Сцена

– Ваша жена ведет себя непристойно, – сказал по-французски барон Голубеву, – она в юрте у японцев, вы должны ее наказать.

– Как наказать, ваше превосходительство? – спросил запуганный и подавленный Голубев, стоя перед бароном в нелепо сидевшем на нем солдатском мундире.

– Дайте ей пятьдесят бамбуков.

Голубев замер, опустив голову. Барон обратился ко мне.

– Ты будешь наблюдать, если муж плохо будет наказывать, повесить обоих. Понял? Идите.

Голубев шел пошатываясь, держась руками за голову, потом остановился и говорит:

– Есаул, мы были с вами в хороших отношениях. Помогите мне, дайте мне револьвер, и я сейчас же застрелюсь.

– Бросьте говорить глупости, – ответил я, – за эти ваши слова и меня барон повесит. Видите, вот идет делопроизводитель канцелярии Панков. Барон послал его следить за мной.

Привели Веру. Избивающий жену муж плакал. Я тоже с трудом сдерживал слезы. Ведь Панков, смиренный и молчаливый парень, безусловно, донес бы. Вера выдержала наказание без стона и мольбы. Молча встала и, пошатываясь, пошла в поле.

– Вестовой, – сказал я, потрясенный, – возьми даму под руку.

И обернулся к Голубеву:

– Идите назад в казарму, я доложу барону.

Он поднял на меня глаза. Такой муки давно не видел я в человеческих глазах.

– Сегодня ночью я повешусь, – шепнул он мне, как-то даже весело, заговорщически подмигивая.

– Панков, – сказал я, – отвезите господина Голубева в госпиталь.

– Мне не было приказано, господин есаул, – сказал Панков.

– Отвезите, я вам приказываю, – сказал я, – я доложу барону.

38. Сцена

– Ваше приказание выполнено, – сказал я барону, прилагая усилие, чтобы моя рука у козырька фуражки не дрожала.

– А что муж? – спросил барон.

– Я его отправил в госпиталь, он нездоров.

– Рехнулся? Хорошо, – сказал барон и засмеялся явно истерическим смехом. Глаза его были воспалены.

– Жену послать на лед, пусть там еще посидит.

– Ваше превосходительство, она и так еле жива.

– Молчать и исполнять то, что я говорю! Не сдохнет!

Я понуро зашагал к жертве.

– Слушайте, мадам, меня вы простите, но что я могу поделать, когда каждую минуту жду вашей участи. Барон приказал вам идти на лед.

Женщина молча пошла к реке, дошла до середины, зашаталась и упала.

– Мадам! – закричал я. – Продержитесь еще немного, вы же замерзнете.

Но женщина не поднималась. Я бросился к барону.

– Ваше превосходительство, она стоять не может, замерзнет же!

– Ну, раскис от юбки, скажи ей, если не будет ходить, то еще 25 бамбуков получит. Ну, марш, юбочный угодник.

Женщина, шатаясь, ходила по льду, а я стоял на берегу и смотрел. Нервы мои, привыкшие ко всему, не выдержали картины наказания женщины. Отойдя, я прислонился к дереву и тихо, прикрыв лицо ладонью, заплакал. Прошел час, из юрты барона послышался крик.

– Есаул!

Я бросился на зов.

– Ну как она? Ходит?

– Так точно.

– Ну черт с ней, еще замерзнет. Прикажи ей выйти на берег, набрать хворосту и разжечь костер.

Я быстро вышел и крикнул:

– Вестовой! Набрать сухих дров, разжечь костер! Только чтобы барон не знал.

Среди темной ночи пылал огромный костер, а около него видна была фигура женщины.

Утром барон вызвал меня.

– Как наказываемая женщина провела ночь? – спросил он.

– Исполнил все, что вы велели, ваше превосходительство.

– Хорошо. Голубеву я назначаю сестрой милосердия к доктору Клингенбергу, пусть старательным уходом за ранеными заглаживает свое преступление и пусть туда идет пешком.

– Ваше превосходительство, госпиталь находится под командой Сипайлова.

– Я понимаю, о чем ты, есаул, – сказал барон, – но страх перед наказанием спасет Голубеву от притязаний этого монстра.

Я вышел ободренный и, вопреки приказанию барона, отвез Веру в госпиталь. Большую часть дороги мы молчали. Вера сидела, понуриив голову, сгорбившись.

– Ваш муж находится в том же госпитале, – сказал я.

– Бог с ним, – ответила Вера.

– Вам его не жалко?

– Жалко. Мне всех жалко и себя тоже.

В госпитале я усадил Веру в передней и пошел искать доктора Клингенберга. Доктор был в перевязочной.

– Доктор, – сказал я, поздоровавшись, – по приказанию барона я привез вам новую медсестру, госпожу Голубеву. Тут ее муж, между супругами сложные отношения. Я хотел бы его подготовить к встрече.

– Это теперь не нужно, – сказал доктор, – пойдемте.

Мы спустились в подвал, в полутемную комнатуху. На койке кто-то лежал, укрытый с головой простыней. Доктор откинул простыню, и я увидел восковую голову Голубева с полуоткрытым ртом.

– Отчего он умер? – спросил я.

– Умер, – неопределенно ответил доктор.

– Яд? – спросил я.

– Он очень просил, – сказал доктор. – Мы должны быть гуманными не только по отношению к несчастным животным, но и по отношению к несчастным людям.

– Госпожа Голубева находится в тяжелом состоянии. Не надо ей сейчас говорить о смерти мужа.

– Хорошо, – ответил доктор, – я велю отнести труп в подвал, а ночью мы его похороним в общей могиле еще с несколькими умершими. Голубевой скажем, что муж отправлен в монастырскую больницу.

Войдя к Голубевой, я сказал:

– Мадам, к сожалению, вашего мужа здесь нет, его отправили к монголам в монастырскую больницу.

– Тем лучше, – сказала Голубева.

– Мне пора, мадам, – сказал я, – идите к доктору, он человек хороший, он все вам объяснит и вам поможет.

Я кивнул и пошел к дверям.

– Есаул, – окликнула меня Голубева, – подождите.

Я подошел.

– Господи, – сказала Голубева, – неужели так и умрешь, не повидавши счастья, неужели?

Она неожиданно обняла меня и, положив голову на грудь, заплакала.

Не зная, что говорить, я молча гладил ее по волосам, по вздрагивающим от рыдания плечам. Вдруг она спрашивает меня:

– Есаул, как вас зовут? Я забыла.

– Николай Васильевич.

– Николай Васильевич, – говорит, – Коля, приходите меня навещать. Мы с вами вместе так много перетрадали. А совместные страдания рожают истинную любовь.

Тут я расчувствовался:

– Мадам, – говорю.

Она перебивает:

– Коля, зовите меня Вера.

– Вера, – говорю, – уходите через границу в Маньчжурию. Тут вы пропадете. Мы все обречены, но вас жалко. Вы красивая, молодая. Берегите себя, рожайте детей. После нас в России нужны будут другие люди.

Вдруг нервы не выдержали, и я опять, но теперь уже открыто, совершенно не по-мужски разрыдался.

– Я вам дам адрес к одному человеку, – сказал я, наконец уняв рыдания. – Он вам поможет перейти границу. Вот вам деньги.

– Спасибо, Коля, я буду ждать вас.

– Меня вы не дожидаетесь. Ищите себе другого, не испорченного нашей жестокой жизнью. А барона, если можете, по-христиански простите.

– Барон мстит мне за свое уродство, – сказала Вера, – у него длинная шея с кадыком и сутулая спина, его не любят женщины.

– Не говори так, – испуганно огляделся я. – Тебя повесят или сожгут. И меня вместе с тобой за то, что не донес.

– Что ж, – сказал Вера, – тогда за наши страдания мы встретимся с тобой вместе в раю. Вдруг, обняв за шею, сильно поцеловала меня в губы. Взволнованный, я поспешил уйти.

39. Сцена

Долго не мог я заснуть в ту ночь, ходил или сидел на койке, глядя в пространство.

– Неужели так и умру, не повидавши счастья? Какое оно такое? – повторил я слова Веры. – Есть счастье, да нет душевной силы искать его.

Заснул под утро.

Утром меня разбудил дежурный офицер.

– Барон незамедлительно ждет вас, – сказал он.

– Военный совет? – спросил я.

– Не знаю, барон ждет.

Я торопливо собрал бумаги. Войдя к барону, я, отдав честь, положил бумаги перед ним.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – это последние сведения, полученные нашей агентурой в Урге.

Барон даже не взглянул на бумаги. Мне приходилось видеть его во многих обликах, особенно часто озлобленным. Однако сейчас вид его был необычайно ужасен. Волосы всклокочены, лицо бледно. По моему, он был пьян или принял большую дозу кокаина. Он посмотрел на меня своими белыми неподвижными глазами и спросил тихо, почти шепотом:

– Ты, есаул, жене Голубева предлагал помощь для побега?

Меня обдало жаром. Я молчал.

– Да или нет? – опять спросил барон тихо.

– Да, – так же тихо ответил я, ежась под взглядом белых неподвижных глаз барона.

– Понимаешь ли ты, есаул, что это измена и я могу тебя повесить?

– Понимаю, – ответил я, – я действовал из чисто христианских побуждений.

– Ах, вот оно что. Читали ли вы Заратустру, есаул? – почему-то на “вы” спросил барон.

– Нет, ваше превосходительство.

– А Сенеку?

– Тоже не читал.

Я не понимал, смеется надо мной барон или говорит серьезно.

– Но Достоевского вы все-таки читали?

– Достоевского читал и люблю очень.

– А я Достоевского не люблю. Он пытается психологией подменить дух. Он враг духа, поэтому его представления о человеке ошибочны. Вы в этом сейчас убедитесь, есаул.

И, обратившись к дежурному офицеру, сказал:

– Пусть войдет.

Вдруг вошла Вера Голубева. Она была бледна, но спокойна.

– Он пытался меня соблазнить и предлагал помощь в побеге, – ровным голосом сказала она.

– По Достоевскому выходит, страдание облагораживает человека, – спросил Унгерн, – так ли?

И, не дождавшись моего ответа, он поднял трость и изо всей силы ударил меня по голове. Потом еще и еще раз. Я потерял сознание.

Очнувшись оттого, что кто-то стоял надо мной и поливал мое лицо водой. Это был сам Унгерн, стоявший возле моего распростертого тела на коленях. Веры в юрте не было.

– Простите меня, есаул, – сказал Унгерн, – все мы люди грешные и слабые, но грехи эти в каждом проявляются по-разному, потому что люди разные. Есть упрямый бамбук, есть глупый подсолнух, есть несложная лебеда, также и люди, сударь мой, – барон помог мне подняться.

– Что вы хотите выпить: рисовой водки, рома, коньяка?

– Нельзя ли смирновской, ваше превосходительство, и кислой капусты?

Принесли водку и капусту. Мы выпили.

– Идите в госпиталь к доктору Клингенбергу, он приведет вас в порядок. После обеда вы будете мне нужны. И давай, есаул, – опять на “ты” сказал барон, – забудем о случившемся. – Женщины не стоят того, чтобы ради них истинные мужчины, воины, защитники России, ссорились между собой. Будем помнить о том, что нам предстоит спасти многострадальную Россию. Но это совсем другого рода страдания, это страдания духа, страдания расы. В первую очередь нам надо спасать дух России. Барон лег на ковер и закрыл глаза. Происшедшее, видно, тоже подействовало на него. Дежурный офицер показал мне рукой, что пора уходить. Я еще не успел выйти, как вошла Вера Голубева и легла рядом с бароном.

40. Сцена

В госпитале доктор перевязал мне голову и дал выпить порошок.

– У вас легкое сотрясение мозга, – сказал доктор.

– Доктор, любите ли вы Достоевского? – спросил я.

– Конечно, люблю, кроме “Идиота”, где много утопии и отсутствует понимание жизни.

– Нет, Достоевский все-таки хорошо понимал жизнь, – сказал я, морщась от головной боли, – но в одном я согласен с бароном, в одном Достоевский ошибался. Он слишком верил в облагораживающее влияние на человека страданий, особенно материальных, телесных. Конечно, я понимаю, Вера спасала свою жизнь после каким-то образом раскрывшегося нашего разговора или страха, что он раскроется. Однако, не похож ли часто страдающий человек на укушенного оборотнем? Тот, кто укушен оборотнем, сам становится оборотнем и пьет чужую кровь.

– К слову о крови, – сказал доктор, – мне приказано увеличить количество коек в госпитале. Видно, крови предстоит литься широким потоком.

– Да, доктор, – сказал я, – мы выступаем на Ургу.

41. Сцена

Дивизия шла на Ургу. Ее сопровождали присоединившиеся к ней вооруженные отряды монгольских князей. Барон скакал на своей белой кобыле Машке впереди войска под белым знаменем, под свастикой. Недалеко от столицы впереди показался одинокий всадник, скакавший навстречу. Несколько казаков поскакали к нему и, окружив, проводили к барону.

– Кто вы? – спросил барон.

– Хорунжий Немчинов, ваше превосходительство. Делайте со мной, что хотите, но вот вам цианистый калий и деньги, две тысячи, которые китайцы дали мне вперед.

Он вынул ампулу и деньги.

– Я подослан китайцами с заданием отравить вас, ваше превосходительство.

Он отдал ампулу и деньги барону.

– Возьмите деньги и оставьте их себе, – сказал барон, возвращая деньги.

– Ампулу с ядом я беру и с этих пор буду носить ее в халате, чтобы покончить с собой при угрозе плена.

– Такое невозможно, – угодливо улыбнулся Сипайлов. – Вы, ваше превосходительство, прошли по всей Монголии с великолепием, окруженный преклонениями славы.

– Да, мы у столицы, – самодовольно ответил барон. – На этот раз удача сопутствует нам. Лагерь разбить на склоне Богдо Ула.

42. Сцена

Со склонов горы барон в бинокль рассматривал столицу и окрестности.

– Первым делом выставить дозоры на Богдо Уле, а затем сосредоточить здесь части туземных солдат, – говорил он. – Отсюда город виден, как на ладони. Площадь Поклонения, на которую выносятся главные святыни столицы. В южной части – правительственные учреждения, дальше китайские кварталы, именуемые по-русски Половинка. Отсюда мы можем следить за всеми передвижениями китайцев, но гораздо важнее, господа, другое. Господствующая над Ургой стратегическая высота Богдо Ул – одновременно одна из главных монгольских святынь. Посмотрите, господа, гора покрыта густым заповедным лесом, вдоль гребня растут кедры, пониже лиственницы, сосны, ели, подножие затянато березой и осиной. Какая

красота, господа! Какая таинственная строгая красота! Нигде в Монголии: восточнее, западнее, южнее Урги — нет ничего подобного. Эта гора, господа, поднявшись среди степи и голых камней, есть чудо и недаром почитается как священная. Священные силы — великие силы. Есаул, какова численность китайского гарнизона?

— Десять-двенадцать тысяч, ваше превосходительство, — ответил я, заглядывая в бумаги, — с пулеметами и артиллерией, а вместе с ополченцами численность гарнизона — не менее пятнадцати тысяч.

— У нас две тысячи, включая интендантских, обозных и прочих мертвых бойцов, — сказал барон. — Причем русские составляют не более четверти. Противник обладает огромным, чуть ли не десятикратным перевесом. Зато на нашей стороне, господа, иные силы, не материальные, но могущественные, — он усмехнулся.

— Ваше превосходительство, — сказал дежурный, — к вам движется депутация монахов. Подошли монахи и поклонились Унгерну.

— Вот эти силы, господа — священный дух буддизма. Единственные обитатели Богдо Ула — монахи монастыря Маньчжушари хад, выстроенного среди скал и каменных осыпей. Святые ламы, — обратился он к монахам, — обойти Богдо Ул или даже объехать его верхом значит искупить самые тяжкие грехи. Сюда, к вершине, люди поднимаются для созерцания, уединенного размышления, молитв. Сюда не пропускают вооруженных людей, но мы, святые ламы, пришли вооруженные. Ведь святой здешнего монастыря Бодисатва — покровитель мудрости — изображен сжимающим в одной руке книгу, в другой — меч, дабы рассечь им мрак неведения и заблуждения.

— Белый генерал, — сказал один из лам, — китайцы совершили большие злодеяния и святотатства. Они арестовали Богдо Гэгена.

— Арестован Богдо Гэген, — воскликнул барон, не скрывая радости, но тут же опомнившись, потупил глаза и сказал:

— Это святотатство им даром не пройдет.

— Белый генерал, — сказал другой лама, — спаси от позора Монголию.

— Мы отомстим китайцам за их святотатства, — сказал барон. — Где сейчас живой Будда?

— Его отделили от свиты, изъяли из дворца и перевели в пустующий дом в китайской Половинке. Но теперь он опять в своем зимнем дворце под китайской охраной.

— Мы спасем живого Будду, — сказал барон.

— Зажги костры ночью на святой горе, — сказал лама, — чтобы уstrate китайцев.

Едва ламы, поклонившись, удалились, как барон начал оживленно потирать руки.

– Не будем спешить со штурмом, – сказал он, – открытых столкновений избегать. Будем вести планомерную кампанию. Заставлять противника пребывать в постоянном напряжении. Господа, арест Богдо Гэгена сулит нам большие выгоды. Китайцы думают: вот, мол, мы арестовали самого Бога – и ничего, все в наших руках. Перед военной силой пасует даже Божество – так они мыслят. О, нет, результат будет противоположным. Арестовав Богдо, они надеялись оборвать его связи с ламством и мятежными князьями и совершили роковую ошибку. С Божеством нельзя обращаться, как с человеком. Кажется, уж кто-кто, а китайцы должны это понимать. Те из них, кто читал Конфуция. Но кто из нынешних читал Конфуция? Арестовав Будду, они действовали с примитивным западным рационализмом, западной прямолинейностью, отрицающей мистицизм. Не случайно я приравниваю китайских американизированных республиканцев к русским большевикам, всех этих европеизированных китайских чиновников и генералов. Корень зла в обоих случаях уходит в гнилую почву европейской культуры.

На протяжении ликующего монолога мы, офицеры штаба, стояли молча. Наконец, генерал Резухин, тоже бывший с нами, не выдержал, спросил:

– Ваше превосходительство, что нам предпринять? Какие планы?

– Разве вы не поняли, генерал, – ответил барон, – ничего не предпринимать, ждать на Богдо Уле. Богдо Ул неотделим от имени Чингиз-хана. Здесь юный Тимучин спасался от врагов и приносил жертвы спасавшим его духам гор. По совету лам надо разжечь на горе гигантские костры. Этим кострам я придаю мистическое значение. Жечь костры из ночи в ночь.

43. Сп. на

Ночью запылали огромные костры.

– Посмотрите, – говорил барон, – как ярко пламенеют костры на темном фоне неба. Их зловещие отблески на снежном покрове священной горы панически настраивают китайских солдат и прочих китайцев, которые сейчас не спят и видят горящих демонов, – он засмеялся, – пусть думают, что я приношу мистические жертвы духам, хозяевам горы, чтобы они послали всякие беды на тех, кто оскорбил Богдо. Я солью себя со священной горой, стану олицетворе-

нием ее волшебной силы. Сам Чингиз-хан, чье второе пришествие ожидается, стоит за моей спиной. Обстреливать священную гору китайская артиллерия побоится. Я же начинаю психологическую войну. В город засылать монголов-разведчиков не столько для разведки, сколько для распространения ложных слухов. Пусть говорят, что я жду подкрепления, в город движутся несметные монгольские ополчения, японцы, кателевцы, хунхузы, кундхуны, кто угодно, — он засмеялся. — Страх зародится в китайских кварталах, проникнет в казармы, достигнет полковых штабов. Пусть все ждут каких-то знамений. Такое знамение последует. Скоро я сам явлюсь в город и не ночью, а среди бела дня. Вы поедете со мной, есаул.

44. Сцена

Ярким солнечным зимним днем барон в монгольском одеянии, красно-вишневом, в белой папахе на своей белой кобыле спустился с горы и, минуя китайских часовых, въехал в город. Я сопровождал его, понимая бесполезность сопротивления безумию барона. На мне тоже была монгольская одежда. Мы проследовали ургинскими улицами среди толпы граждан. На центральном базаре Захадар в сдобном ряду барон остановился, слез с лошади и велел слезть мне.

— Позавтракаем, — сказал он.

Косясь на китайские патрули, на вооруженных солдат, я с трудом проглотил жирное жареное тесто. Барон же ел с большим аппетитом. Потом у трактира, где висели бараньи туши, мы выпили водки.

— Исключение, — усмехнулся барон. На базаре барон купил сахаренной брусники и сладости.

— Для храмовых жертв, — шепнул он мне.

Мы вошли в один из буддистских храмов. Перед бронзовым Буддой трещали свечи. Барон положил на медную жертвенную тарелку деньги и сладости. Я тоже положил деньги и обрядовое печенье, которое купил в храме. Барон стоял перед бронзовым Буддой, шевеля губами, молился. Потом мы вышли, сели на лошадей и поехали по главной дороге.

— Это Половинка, — сказал барон. — Тут резиденция китайского командующего.

Въехав во двор, барон, не спеша, слез с лошади, подозвал рукой одного из охранников и сказал по-китайски:

— Держи за повод моего коня.

Обойдя вокруг дома, откуда сквозь открытую форточку доносились звуки рояля, барон вернулся, подтянул подпруги у седла, сел верхом и, не торопясь, выехал со двора. Наглость барона передавалась и мне. Я несколько успокоился, действовала и водка.

– Наверное, сам Сюй Чен бренчит на рояле, – усмехнулся барон, – я слышал, он щеголяет европейскими манерами и бренчит на рояле в клубе. Его чиновники устроили клуб для столичного бомонда всех национальностей. В том числе и для жидовских интеллигентов и коммерсантов. Правда ли это, есаул?

– Да, – ответил я, – лазутчики доносят, устроили клуб и даже разыскивали в городе бильярд для клуба.

– Еще бы, – усмехнулся барон, – как же без бильярда? Бильярд – неременная принадлежность такого рода клубов. Ясно одно, арест Богдо Гэгена показал: новые хозяева Урги с их английского образца мундирами, французскими кепи и немецкими пушками, с их бильярдом и роялем в этой стране, где триста лет властвовали их предки, гораздо более чужаки, чем я с моей уверенностью, что свет с Востока. Но в том-то и парадокс, что при этом я остаюсь истинным европейцем. Потребность сменить душу – западный синдром, кожу – восточный.

Возле большого дома с зарешеченными окнами барон придержал коня.

– Это тюрьма, – сказал он, – посмотрите, возле ворот на стуле спит часовой. Такое нарушение дисциплины возмущает меня.

Барон слез с коня, подошел к часовому и разбудил его несколькими ударами трости-ташура. Спросонья часовой ничего не мог понять.

– На карауле спать нельзя, – сказал барон по-китайски. – За такое нарушение дисциплины я, барон Унгерн фон Штернберг, самолично тебя наказал.

– Барон! – закричал перепуганный часовой.

– Барон Иван!

– Белый батыр, белый генерал, – закричали монголы, прильнув к зарешеченным окнам.

Барон сел на коня и, не торопясь, поехал дальше.

– Барон Иван! – кричал часовой. – Тревога!

Прибежали еще китайцы, грохнули выстрелы.

– Теперь галопом! – крикнул барон, пуская коня вскачь.

Я поскакал следом. Вскоре мы были в расположении дивизии.

– Китайцы воспримут мою поездку как предвестие своего скорого поражения, – смеясь, говорил барон. – Ламы это будут толко-

вать как чудо. Дух охранял меня и послал затмение на всех, кто хотел или мог задержать или убить меня. Теперь надо организовать похищение Богдо Гэгена. Мы похитим его также среди белого дня из Зеленого дворца. Это будет звон погребального гонга для китайцев.

— Ваше превосходительство, — сказал я, — похитить Богдо Гэгена трудно. По сведениям, здание Зеленого дворца охраняют триста пятьдесят солдат и офицеров, караулы выставляются круглосуточно. По всему периметру стен, у ворот установлены пулеметы. Проведен телефон для связи со штабом.

— Надо составить план, — сказал барон.

— Надежная охрана и сама топография местности вокруг дворца практически исключают всякую возможность нападения, — сказал я.

— Вы не знаете Востока, — ответил барон. — Главное, разыскать человека, способного руководить операцией.

45. Сцена

Через несколько дней, вызванный к барону, я увидел такого человека. В юрте сидел плотный, коренастый парень.

— Монголы — лазутчики посоветовали мне его. Это бурят Тубанов.

Тубанов кивнул мне и усмехнулся широким ртом.

— Не правда ли, замечательный экземпляр? — сказал барон по-французски. — Посмотрите на его волчьи глаза и зубы-лопаты под толстыми губами, вздутыми, ярко-красными. Все в нем носит характер преступности и решительности, наглости и отваги. Это как раз то, что мне надо.

— Тубанов, — обратился барон к парню, — это мой адъютант, есаул Миронов.

Тубанов опять улыбнулся, показав мне широкую зубастую пасть.

— Есаул Миронов в этот раз пойдет с тобой в Ургу.

— Он отважен, но туповат, — снова перейдя на французский, сказал мне барон. — Ты вместе с ним проберешься в Зеленый дворец Богдо Гэгена. Он тебе поможет. Надо вступить в переговоры с Богдо.

— О чем? — спросил я.

– План операции разработан в мельчайших деталях, – сказал барон. – Все готово, остается главное – добиться, чтобы сам Богдо Гэген согласился на похищение.

– Кто будет участвовать в похищении? – спросил я.

– Тубуты, – ответил барон. – Мне посоветовали опереться на тубутов. Так монголы называют тибетцев, живущих в Урге. Я ведь выделил большую сумму, – он вынул деньги. – Это первая часть, – сказал он Тубанову.

Тубанов взял деньги и пересчитал.

– Белый генерал, – сказал он, – из тубутов я подобрал шестьдесят человек самых отважных и сильных, умеющих владеть оружием и привыкших лазить по скалам у себя на родине.

– Это особенно важно, – сказал барон, – поскольку похищенного живого Будду предстоит унести сюда, на Богдо Ул.

– Белый генерал, – сказал Тубанов, – мы изучили все тропы на обращенном ко дворцу склоне священной горы.

Барон вынул новую пачку денег и передал Тубанову. Тубанов опять пересчитал, потом сложил все деньги вместе и начал пересчитывать заново.

– Ужасный авантюрист, – сказал барон по-французски, – его знают в Урге как отчаянного парня с уголовными наклонностями, зядлого картежника. Он сын популярной в городе портнихи Тубанихи, шьющей монгольское верхнее платье. Она пользуется доброй в Урге репутацией, а он – очень худой, как раз то, что мне нужно.

Закончив пересчитывать деньги, Тубанов сказал:

– Белый генерал, только ради денег мы рисковать не стали бы. Мы, ламиты, во имя веры можем совершать чудеса храбрости. Мы ненавидим китайцев как своих притеснителей и насильников над Далай Ламой. Особенно воодушевляет нас мысль, что предстоит совершить дело национального свойства. Богдо – наш земляк.

Когда Тубанов ушел, барон сказал мне:

– Богдо страдает пристрастием к алкоголю. К тому же он любит женщин, – барон презрительно скривился. – Некоторые ламы называют его позором людей и Богов. Богдо слепнет, и предполагают, от пьянства. Надо трезво оценивать этого пристрастного к алкоголю человека. Его роль в управлении страной ничтожна. Но он глава религиозного клана, и своих он здорово держит в повиновении. Как бы я ни относился к Богдо лично, надо понимать его значение как общенационального символа. С Богдо в качестве заложника китайцы могут требовать многого, зная, что ради него монголы все-

гда пойдут на уступки. Пока Богдо в Урге, я не могу полностью положиться на свои монгольские отряды. Обязательное условие штурма – похищение Богдо Гэгена.

46. Сцена

Я с трудом поспевал за Тубановым, который довольно ловко спускался по заснеженному склону Богдо Ула. Мы оба были переодеты ламами. Наконец у подножия Тубанов, заметив мою усталость, сел передохнуть.

– Сразу за рекой – Зеленый дворец, – сказал он мне, – там Богдо Гэген.

Двухэтажное кирпичное здание русского образца было с зеленой крышей. Желтый цвет в городе, а зеленый – на берегу Толы. Прямо против дворца лес расступался. Тут проходила неглубокая падь, идущая от подножия до самой вершины.

– На снеговом фоне любые передвижения не останутся незамеченными, – сказал я, – приблизиться к реке под прикрытием деревьев мешают горные кручи. От дворца просматривается вся замерзшая река, всадникам здесь нечего делать, а пешую вылазку китаицы отобьют без особых усилий.

– Нам помогут высшие силы, – сказал Тубанов, – мы, как тибетские отшельники, способны делать свое тело невидимым. Далай Лама из Лхасы поддерживает нас.

Не знаю, как насчет высших сил, но нам действительно удалось пробраться к Зеленому дворцу, не вызывая подозрения китайцев, которые сновали повсюду. Перед дворцом было пусто. Стояли китайские караулы с пулеметами.

– Обычно тут много монгольских паломников, но теперь монголов не подпускают к дворцу. Нас пропустят как тибетских лам.

Он что-то показал китайскому офицеру, и нас, действительно, пропустили.

Мимо охраны поднялись мы на второй этаж, и здесь он, вынуждая опять нечто, что-то сказал и показал слуге. Слуга, поклонившись, удалился.

– Этот человек тоже тибетец, – шепнул мне Тубанов. Сейчас нас примет сам живой Будда.

Нас вызвали. Мы долго шли в сопровождении слуг комнатами и переходами Зеленого дворца, тесно заставленного разностильной мебелью. Всюду висели картины, стояли фарфоровые вазы и сервизы, европейские музыкальные инструменты. Вдоль стен тянулись

витрины с безделушками, чучелами зверей, птиц, змей. Наконец, впереди послышались граммофонные звуки французской кафешантанной песенки. Мы вошли в просторную комнату. За столом у играющего граммофона сидел, подперев щеку, лысеющий толстый человек. Это был живой Будда. Перед живым Буддой стояла откупоренная бутылка шампанского. По сторонам было множество бутылок, многие из них пустые. Мы поклонились.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал я, — мы хотели бы поговорить наедине.

— Хорошо, — сказал Богдо и посмотрел на нас, запрокинув голову, как смотрят дурно видящие или слепые. — Я догадываюсь, кто вы. Выпейте шампанского. Это шампанское подарил мне мой брат Романов, русский царь. Что будет, когда в моих подвалах кончатся запасы шампанского, привезенные из Петербурга четыре года назад? Китайцы не снабжают меня шампанским. Они запретили мне ездить на русском консульском автомобиле.

— Ваше высокопреосвященство, — снова повторил я, — нам надо поговорить наедине.

— Интимно? — засмеялся Богдо.

Он явно был пьян.

— Тогда пойдемте в интимную комнату.

По боковому переходу мы вышли в небольшую комнату. Здесь в нескольких местах на столиках стояли граммофоны, лежали скрипки, трубы.

— У меня целая коллекция граммофонов и музыкальных инструментов, — сказал Богдо и, взяв одну из скрипок, он заиграл вальс Штрауса.

Меня поразили неприличные рисунки, которые висели на стенах комнаты. Заметив мой взгляд, Богдо засмеялся.

— Это некоторые сцены, когда мужчина имеет возбужденный член, — сказал он. — Это сцена совокупления, все в китайском духе. Это лошади и бараны отправляют половые акты. Духовенству прежде запрещалось иметь связи с женщинами. Я, как и прежние Богдо Гэгены, соблюдаю закон. Закон можно нарушать только ради подвига. Я вступаю в связь только с такими женщинами, в которых зреет Мангис — злой дух. Плотские сожителства с ними — на самом деле титаническая борьба со злом.

— Ваше высокопреосвященство, — сказал я, — генерал Унгерн просит вас согласиться на похищение. Вы будете унесены на святую гору Богдо Ул.

– Это одобрено Лхассой, Ваше высокопреосвященство, – добавил Тубанов.

Богдо задумался.

– Риск имеется значительный, – сказал он наконец. – В случае провала я не смогу свалить вину на похитителей. Неудача грозит мне новым, более суровым заточением, а может, и смертью. Я уже едва не был отравлен китайским врачом, действующим по приказу Пекина.

– Ваше высокопреосвященство, – сказал я, – китайцы готовят к отступлению и намерены увезти вас как пленника с собой в Пекин.

– Там меня точно отравят, – сказал Богдо. – Хорошо, я согласен, пусть меня похитят вместе с женой Дондогулам. Мне позволено было жениться, потому что ламы признали ее воплощением Ех-Догини – буддийского женского Божества.

Из интимной комнаты мы вышли в спальню. Посреди стояло супружеское ложе – широкая двуспальная кровать под балдахином, на котором с внутренней стороны сверху имелось зеркало; с четырьмя окружавшими ее зеркальными стенами. На кровати лежала красивая молодая монголка и лениво ела какие-то восточные сладости. Мы поклонились ей. Она улыбнулась в ответ и тоже поклонилась нам. Богдо Гэген пошел нас проводить.

– Когда штурм? – спросил он.

– После похищения вашего высокопреосвященства, – ответил я.

– Будут стрелять из пушек. Люблю артиллерийскую стрельбу. Но стреляйте так, чтобы не попасть в мои дворцы. Ни в Желтый, ни в Зеленый. Особенно в Зеленый, здесь моя библиотека и сокровищница.

Мы прошли через библиотеку с множеством томов и вошли в сокровищницу.

– Смотрите, – говорил Богдо, – это изваяние буддийских бурханов. Вот драгоценная шкатулка с корнями женьшеня, слитки золота и серебра, чудотворные оленьи рога, десятифунтовые глыбы янтаря, китайские изделия из слоновой кости, мешочки из золотых нитей, наполненные жемчугом, моржовые клыки с резьбой, индийские ткани, кораллы и нефритовые табакерки, необработанные алмазы, редкие меха. Особенно ценна эта белая шкурка выдры, которую подарил мне Семенов. Мы опять вошли в комнату с множеством бутылок шампанского и граммофоном. Богдо включил граммофон, загремел бодрый марш.

– Не хотите ли на дорогу шампанского? – спросил Богдо.
– Нет, ваше высокопреосвященство, нам предстоит трудный путь.

– Я выпью еще, – и, взяв бутылку, вдруг закричал по-монгольски на слуг. – Эти негодяи пьют мое шампанское, – сказал он нам.

– Сейчас они скажут, кто это сделал, они его приведут, – добавил он.

И, действительно, слуги приволокли молодого плачущего прислужника. Прислужник упал в ноги Богдо. Богдо сказал что-то резкое, и слуги поволокли прислужника в угол. Там стояла электрическая динамо-машина. Прислужника подключили к проводам, и Богдо крутанул колесиком. Прислужник затрясся, а Богдо радостно захохотал.

Прежде за такие проступки секли, – отсмеявшись, сказал Богдо. – Но я пускаю в нерадивых слуг ток из динамо-машины. Я люблю технику. Вот, посмотрите на коллекцию моих часов: карманные, настенные, настольные, напольные, – говорил Богдо, – двести семьдесят четыре штуки. Часы вдруг начали одновременно звонить.

– Пять часов по-пекинскому времени, – сказал Богдо, вынув свои карманные золотые часы. – Я плохо вижу, но звон возвещает мне время.

Поклонившись, мы распрощались.

47. Сцена

– Понравился тебе живой Будда? – спросил меня барон после того, как я вернулся и доложил о посещении.

– Коварный ветхий слепец, – ответил я. – Но не вполне обычный человек.

– Мы похитим его, – сказал барон, – нам поможет провидение.

48. Сцена

Было раннее утро. Еще не погасли ночные костры. Я стоял рядом с бароном и, как он, смотрел в бинокль. – Черные движущиеся точки показались на склоне. Они видны были на безлесых снеговых прогалинах.

– С ночи люди Тубанова укрылись в лесу на Богдо Уле, – сказал барон, – приближается решающий момент.

Группа лам подошла к воротам, караул пропустил их. Вдруг ламы по условному знаку Тубанова выхватили из-под одежды кара-

бины. Охрану без единого выстрела обезоружили и связали. Вошедшие разделились. Одни заняли оборону возле дворца. Другие вбежали внутрь. Богдо Гэгэн с женой уже были готовы к побегу, тепло одеты. Их подхватили и понесли к берегу. Одновременно оставшиеся во дворце открыли огонь по наружной охране. Китайцы бежали. Тибетцы заперлись во дворце, из окон взял под прицел берег реки, чтобы помешать погоне. Другие тибетцы, образовав цепочку, быстро и ловко передавая друг другу, подняли Богдо Гэгэна с женой на вершину и унесли в монастырь Маньчжушири на противоположном склоне. Барон ждал известия на Богдо Уле.

– Урга в верстах четырех, – сказал он взволнованно, – сейчас все решается.

Тибетец на взмыленной лошади подскакал и подал записку. Унгерн жадно ее схватил. В ней была одна фраза: “Я схватил Богдо Гэгэна из дворца и унес на Богдо Ул”.

– Теперь Урга наша, – радостно крикнул барон и добавил, – Тубанову я присваиваю чин хорунжего.

Весть о похищении Богдо быстро дошла до лагеря.

– Ура! – прокатилось по горе.

49. Сцена

Ночью опять горели гигантские костры. При дрожащем свете костров у Унгерна состоялось военное совещание.

– Утром начинаем приступ, – сказал Унгерн.

– Ваше превосходительство, в дивизии все с нетерпением ждут приступа, – сказал Резухин. – Победа для нас единственный шанс на спасение. Идти некуда. На севере – красные. В Маньчжурию не пропускают китайцы.

– Я тоже готовлюсь к смерти, – сказал барон. – При неудаче монголы разбегутся, а китайцы перебьют нас.

– Ваше превосходительство, – сказал начальник снабжения, – если это не сделают китайцы, то это сделает голод. В полках не осталось ни крошки муки, питаемся лишь мясом. Суточный паек – четыре фунта на человека. Запасы соли тоже подошли к концу.

– При таком рационе многие страдают выпадением прямой кишки, – сказал доктор. – Многие гибнут от холода, особенно старики и подростки, мобилизованные в Забайкалье. Бывалые бойцы забрали у них все теплые вещи. Возьмем Ургу – придется ампутировать сотни пальцев ног и рук.

– Жизнь только в Урге, – сказал барон. – Так и объявить в полках, я обещаю войскам на три дня, как Чингиз-хан, отдать город на разграбление, под страхом смерти запретив при этом переступать пороги храмов. На тебя, Резухин, возложена главная задача – выбить китайцев из Май-Манчана, сделать то, что не удалось в прошлый штурм.

– Ваше превосходительство, – сказал Резухин, – я польщен такой честью. Но конные атаки невозможны, а для десяти пеших не хватает патронов. В дивизии на винтовку – не более десяти патронов.

– Ну и что ж, – сказал барон, – тогда в пешем строю пойдем с саблями. Пешая сабельная атака. Ты ворвешься в Май-Манчан через южные ворота. Наши силы двинутся с востока.

Горели костры. Оборванные, в лохмотьях, в износившейся обуви, казаки с горы разглядывали золоченные крыши дворцов и храмов Урги.

50. Сцена

В Урге царило зловещее безлюдье. Магазины и лавки были закрыты. Ламы сидели по домам. Однако служба православной церкви русского консульского поселка собрала много прихожан. Служил священник консульской церкви Парняков, известный в городе и любимый как русскими, так и монголами. Его проповеди всегда слушались с сердечным вниманием. И сейчас, поднявшись на амвон и поблескивая золоченой оправой очков, священник говорил:

– Творения, с которых снято проклятие греха, образуют новую тварь. Всякая тварь создана прекрасно, но проклята вследствие грехопадения человека.

В этот момент в церковь вбежал, запыхавшись, один из прихожан.

– Простите, батюшка, – сказал он священнику, – началось. Господа, штурм начался, и казаки уже в китайском квартале.

Действительно, издали доносился все усиливающийся грохот выстрелов.

– Эй, гляди, скоро аминь, – продолжал священник под нарастающие звуки выстрелов.

– Эй, гляди, Господи Иисусе, таково, братья мои, залог и вдохновение христианской надежды. Будем надеяться, братья!

Расходились, прижимаясь к стенам.

– Если китайцы опять отразят штурм, – сказала испуганно одна из прихожанок, – быть русским погромам. Надо ожидать мести китайцев, грабежей и резни.

– Надежда только на офицеров, на вас, господа, – обратился священник к одному из молодых людей.

В расходящейся толпе слышались разговоры:

– Запереться в домах, забаррикадироваться дровами, запереть ворота, заложить на болты ставни, учредить во всех дворах дежурства.

– Господа, долго ли продержимся? Ведь оружие – только револьверы.

– Вооружимся дубинками.

– Поможет ли?

– Только разозлит еще больше китайцев.

– Неужели барон будет медлить?

– Каков он, барон?

– Каков бы ни был, довольно того, что он белый.

– Мы, беженцы из Забайкалья, знаем его как человека крутого, но и нас сейчас гораздо сильнее страшит китайская солдатня.

– Только бы, Господи, помог, мы с радостью встретим барона.

– Слышите, господа, какие радостные звуки.

Выстрелы слышались все яснее и яснее. Бой шел на узких кривых улочках.

Конная атака был остановлена пулеметами. Резухин приказал:

– Спешиться и атаковать в пешем строю!

Заросшие бородами, в рваных полупубках казаки дрались, свирепо матерясь. С плоских крыш в казаков летели гранаты и камни. Китайские ополченцы стреляли даже из луков. Башкирские и монгольские отряды с восточной стороны вступили в Май-Манчан – китайский квартал. Началась резня. Последним прибежищем китайцев и китайских ополченцев стали кумирни. Под защиту божества собрались сотни людей. Но молитвы не помогли. Казаки, башкиры и монголы взломали ворота. Когда барон появился на центральной площади китайского квартала, главный Май-Манчанский храм пылал.

– Я велел не трогать храмы! – крикнул Унгерн.

– Ваше превосходительство, – ответил ему один из офицеров, – это в горячке боя невозможно, храмы деревянные, а люди слишком ожесточены.

– Ваше превосходительство, – доложил другой офицер, – освобождена тюрьма.

– Эта главная цель моего похода, – сказал барон. – Тюрьма – символ насилия китайцев.

Он поскакал к тюрьме. Я, как адъютант, следовал за бароном.

51. Сцена

В большом деревянном бараке, где содержались русские, лежало много трупов. Барак был набит полуживыми от холода и голода людьми.

– Последние дни нас не кормили, – говорили освобожденные. – Нам запрещали разводить костры, многие умерли, остальные ждали смерти.

Увидав подъехавшего барона, освобожденные кланялись ему и кричали:

– Спаситель наш, Господи, возблаговари спасителя!

Неподалеку от тюрьмы находился русский консульский поселок. Оттуда слышалась частая пулеметная стрельба. Китайцы засели во рву возле русского консульства. Когда барон подъехал, бой уже затих.

– Стреляют только возле оврага – русского кладбища, – доложили барону.

Повсюду над домами развевались трехцветные русские флаги. Навстречу барону вышла депутация с хлебом-солью. Старый отставной генерал торжественно сказал:

– Ваше превосходительство, господин барон Унгерн фон Штернберг, ваше чудесное появление здесь, на краю света, куда мы заброшены ужасами большевистской революции, кажется нам предвестием счастливых перемен. Грядет спасение России.

Средь депутации стоял и некий старик, явно семитского вида. Барон мрачно покосился на него и кивнул Сипайлову, который в конце боя появился и присоединился к кортежу, сопровождавшему барона.

– Кто это таков, этот семит? – спросил барон Сипайлова, когда поехали далее.

– Хозяин пекарни Маскович, – угодливо ухмыляясь, ответил Сипайлов.

– То-то я чувствую, что хлеб воняет чесноком, – сказал барон. – Много тут евреев?

– Хватает, ваше превосходительство, – ответил Сипайлов. – Мои люди составляют списки.

– Откуда они? Есаул, выяснить, как они здесь появились.
– Приехали из Сибири, – сказал я. – В Сибири многие евреи служат в белой армии и занимают видные посты, вплоть до Омской и Читинской администрации.

– Я слышал об этом, – ответил барон. – Такое положение считаю совершенно нетерпимым. При мне такого не будет. Надо запретить евреям вывешивать трехцветные флаги и вообще выражать патриотические чувства. Как бы они ни маскировались, для меня евреи не только виновники революции, но и движущая сила всеобщей нивелировки, которая погубила Запад. Необходима тотальная, постоянная борьба с еврейством.

– Ваше превосходительство, отыскать евреев будет нелегко, – сказал Сипайлов. – Еврейского квартала в Урге нет, рыскаем по всему городу: в русском поселке, также среди юрт и фанз – но приложим усилия, ваше превосходительство.

– Надеюсь, удастся осуществить план действия относительно евреев, – сказал барон. – Даже ни семьи не должно остаться: ни мужчин, ни женщин, – добавил он злобно.

52. Спена

Наступила ночь, затихли выстрелы. Китайцы отступили. Многие бежали без теплой одежды и обуви. Люди, лошади, телеги. Утром подсчитали трофеи. Докладывал Резухин:

– Полтора десятка орудий, свыше четырех тысяч винтовок разных систем, пулеметы, склады с фуражом и продовольствием, муки, правда, немного, и та гороховая. Патронов и снарядов мало.

– За судьбу оружия я не беспокоюсь, – сказал барон, – меня волнует судьба банков. Есаул, выставлена ли охрана?

– Охрана выставлена, – ответил я, – возле Китайского банка, Пограничного банка в Май-Манчане и Русско-азиатского в консульском поселке.

Город оживал, на улицах появились толпы монголов, которые радостно приветствовали барона, где бы его ни видели.

– Изгнание ненавистных гаминов совпало с кануном монгольского нового года, – сказал глава делегации лам барону. – Это не случайность, а знак судьбы.

Перед заходом солнца из монастырских храмов слышались густые звуки гигантских богослужебных труб.

– В Урге все спокойно, – доложил Сипайлов, – как назначенный вашим превосходительством комендант города, приложил силы по соблюдению порядка.

53. Сцена

Однако к вечеру вдруг запылал городской базар Заходыр. Горели деревянные лавки, амбары и склады. К горящему базару повалил народ, начались грабежи. Помчавшись на базар, барон встретил по дороге двух монголов, которые несли какую-то ткань.

– Повесить воров! – яростно закричал барон, – обмотать воров краденой материей!

Монголов схватили и обмотали материей. Повешением распорядился Сипайлов.

– Трупы в течение нескольких дней не снимать, – сказал барон.

Притихшие и испуганные монголы смотрели, как обмотанные материей два хрипящих полутрупа повисли на полуобгоревших столбах базарных ворот.

54. Сцена

Барону разбили юрту во дворе китайского дома.

– Военные действия закончены, – сказал он. – Теперь будем наводить порядок.

Он слез с коня.

– Я воскрес из мертвых, – добавил он, улыбнувшись. – Когда во время боя я сам поскакал в атаку, китайцы узнали меня и открыли по мне прицельный огонь.

Барон начал вытаскивать из одежды, шапки, сапог, конской сбруи пули и складывать их на ладонь. Присутствующие монголы с почтением и ужасом следили, как барон вытаскивает пули.

– В седле, сидельных сумках, сбруе, халате, шапке, сапогах семьдесят пуль, – сказал барон, – а я даже не ранен.

Правда ли было семьдесят пуль, не знаю, но действительно много.

– Бог войны, – говорили почтительно монголы. – Он чудесно заговорен от смерти.

– Завтра я выступаю на Калгунский фронт, к китайской границе, – сказал барон, – в погоню за противником, чтобы не дать ему

укрепиться у границы. Ты, Сипайлов, останешься здесь. Помощником коменданта я назначаю тебя, есаул.
Порядок установим, ваше превосходительство, ухмыляясь ответил Сипайлов.

– Надо дать возможность русскому человеку утешить свою буйную натуру, – сказал барон и улыбнулся.

55. Сцена

Меж тем началась нередкая в Монголии оттепель. Сильные морозы сменились дождем. Страшную картину представляла из себя Урга. После нескольких дней “установления порядка” Сипайловым среди разграбленных китайских домов и лавок на улице лежали трупы китайцев и евреев, многие обезглавленные. Пьяные казаки в шелковых халатах поверх драных полушубков или шинелей врываются в еврейские дома, били и грабили. Монголы с удивлением и ужасом смотрели на происходящее.

– Почему саган урус – белые русские, убивают хора урус – черных русских? – спрашивали монголы у русских жителей. Некоторые русские, сами подавленные происходящим, молчали. Другие же пытались защищать казаков.

– Евреи – это коммунисты, жида, они хотят отобрать у кочевника их главное богатство – стада.

– Отобрать стада? – удивлялись монголы. – Мы мирно жили и мирно торговали.

Казаки ворвались в дом хозяина пекарни Масковича, труп его был выброшен через окно.

– Что плохого сделал этот всем известный и всеми любимый старик? – спрашивали монголы.

В одном из домов, убив мужа, казаки пытались изнасиловать молодую жену. Но она бритвой успела перерезать себе горло. Тело ее за ноги, привязанные веревкой к седлу, протащили по всему городу и выбросили на свалку. Сипайлов как комендант города сам руководил погромом. Появлялся то в одном, то в другом месте. Его сопровождали личный адъютант – поручик Жданов, делопроизводитель канцелярии Панков, Герман Богданов, солдат без трех пальцев на правой руке, Сергей Пасков, он же Смирнов, и фельдфебель Новиков. Это была сипайловская гвардия палачей и душителей.

Поскольку барон назначил меня помощником коменданта, то приходилось мне часто присутствовать при погромных зверствах.

Состояние было мучительное, кошмарное, но что делать, я не знал. При этом приходилось видеть постоянно улыбающуюся физиономию Сипайлова. В доме убитого еврейского коммерсанта за шкафом нашли дрожащую от страха русскую девушку.

– С жидом жила, ты, проблядь! – закричал на нее Сипайлов.

– Это мой муж, – ответила плачущая девушка.

– Муж? Как тебя зовут?

– Дуня Рыбак, я племянница атамана Семенова.

– Племянница атамана? – физиономия Сипайлова передернулась судорогой.

– Отвезти ко мне, будешь у меня прислугой, племянница атамана, – и он захихикал.

Девушку увели

– Семенов хотел от меня избавиться, – сказал мне Сипайлов, потирая руки. – Теперь племянница всесильного диктатора Забайкалья у меня в наложницах. Буду наслаждаться, держа в объятиях его родственницу. Неплохая форма мести, хоть и извращенная, – захихикал он.

От него несло водкой и луком. Все погромщики были пьяны, оттого были особенно злобно веселы. Я поспешил уйти, не в силах больше видеть отвратительные физиономии монстров и убийц. Нервы были напряжены. На улице царил необычная тишина. “Может, наконец, кошмар кончился? Убийцы напились кровью?” – подумал я. Однако, из дома неподалеку от православной консульской церкви слышались крики, особенно душераздирающие после короткой паузы. Я понимал, что всякое мое действие или даже слово в защиту несчастных жертв есть безумие, грозящее мне бедой, а может, и смертью. Тем не менее, не зная еще для чего, я пошел в дом. Всюду трупы и лужи крови. Еврейская семья была зарублена. Двое казаков в шелковых халатах поверх рваных полупубков копались в комодах.

– Что вы ищете? – резко спросил я.

– Жилдовское золото, ваше благородие, – ответил казак.

Неожиданно заплакал младенец.

– Жиденка недорезали, – сказал казак и выхватил кинжал.

В маленькой соседней комнате рядом с люлькой младенца сидела нянька-монголка. Казак, войдя, наклонился над люлькой и замахнулся кинжалом. о нянька вдруг оттолкнула его и, схватив младенца, выбежала на улицу. Оба казака, матерясь, побежали следом. Но поскольку были пьяны и путались в награбленном, то грохнулись на лестнице один через другого.

56. Сцена

У православной консульской церкви отец Владимир Парняков в облачении готовился к началу утренней службы, когда вбежала нянька-монголка с младенцем.

– Наен, наен, – говорила она, – спаси младенца! Крести его, наен, крести его сейчас.

Я вошел в церковь следом. Священник посмотрел на меня.

– Когда утренняя служба? – спросил я.

– Через полчаса, господин офицер, – ответил священник. – Сейчас у меня обряд крещения. Согласны ли вы быть крестным отцом?

– Надо жить по писанию, – ответил я и кивнул головой.

Священник приступил к обряду крещения. Младенец оказался девочкой. По моему предложению ей дали христианское имя Вера. Обряд крещения подходил к концу, когда в церковь ворвались те два казака.

– Вот куда спрятали жиденка, – сказал один из казаков

– Давай нам жиденка, – сказал второй.

– Ребенок уже христианский, – ответил священник, – он прошел обряд крещения.

– Христианин! – свирепо закричал казак. – Ах ты жидовский потаковник!

И вдруг, схватив няньку-монголку, выволокли ее на паперть и там оба казака мгновенно зарубили монголку.

– Дайте мне ребенка, – сказал я и взял ребенка на руки. – Идите за мной, отец.

Меж тем оба казака с окровавленными саблями вновь вошли в церковь.

– Я помощник коменданта города, есаул Миронов, – сказал я, – немедленно покиньте православный храм.

– Ваше благородие, – сказал казак повыше, видно, заводила, – все жиды от мала до стара – окаянные антихристы, нельзя никак жиденка живым оставлять.

– Вон пошли, подлецы! – закричал я.

Наконец я мог дать волю своим чувствам. Казаки торопливо ретировались. Мы с отцом Парняковым вышли на паперть.

– Надо похоронить эту праведницу, – сказал отец Парняков, указав на труп монголки. – Я попрошу отвезти тело в монастырь. Девочку мы пока отдадим в приют для монгольских сирот, основанный нашей церковью.

Он взял у меня девочку.

– Отец Владимир, – сказал я, – сейчас не время для исповеди, но как жить нам, православным, совместно с этими душегубами в едином строю, в едином народе, в единой церкви? Как отделить себя от них? Возможно ли отделить? Через какой раскол?

– Граница тьмы и света проходит через сердца, – ответил священник. – Перед всем прочим надо отделить свое сердце и душу от тьмы.

– Возможно ли такое, когда кругом тьма, можно ли заковать сатану в цепи и запереть его в бездну, как сказано в Апокалипсисе, если ныне господство сатаны – власть тьмы, воскреснут ли замученные, когда кругом нечестие, отец?

– Через нечестие Вавилона многие нынешние нечестия, – сказал отец Парняков. – Вавилон был скопищем людей, внутренне разделенных себялюбием, внешне сцепленных сообществом греха. Надо отделить себя сначала внутренне, а потом и внешне.

– Как отделить, каков первый шаг, отец?

– Вера, – сказал отец Парняков, – соблюдай заповеди, они просты.

– Они просты, отец, но легко ли исполнимы.

– И все же нет иного пути, кроме соблюдения заповедей, так говорит Господь.

57. Сцена

Насколько тяжело соблюдать сейчас господни заповеди, я убедился вскоре, когда барон вернулся в Ургу и в штабе принимал доклад о положении дел в городе. Штаб, где толпилось множество монгольских князей, лам, русских офицеров, состоял из двух комнат, не считая приемной. Комнаты были чрезвычайно грязны, стекла в окнах заклеены во многих местах бумагой, сквозь которую проникал уличный холод. Чугунная печка дымила, из мебели был только китайский кан, то есть нары, простой стол, скамья и табурет. Сам барон сидел у стола и ел из не слишком чистой тарелки лапшу с монгольскими пампушками.

– Есаул, – спросил меня барон, когда я вошел, – на тебя в штаб поступила жалоба от казаков. Ты вместе со священником Парняковым покровительствовал жидам и спасал жидовского ребенка?

– Ваше превосходительство, – сказал находящийся в штабе Сипайлов, – нами установлено: священник консульской церкви Владимир Парняков – отец известного иркутского большевика.

– Отец Парняков – уважаемый в Урге человек, – сказал я. – Как среди русских, так и среди монголов. С сыном у него нет никакой связи. Ребенок, о котором идет речь, – девочка, крещеная.

– Вы не понимаете сути вопроса, есаул, – сказал барон. – Когда речь идет о евреях, то тут важна не религия, а кровь. Этого многие не понимают. С Парняковым выяснить все и решить, – обратился барон к Сипайлову.

– Решим, ваше превосходительство, – усмехаясь, как обычно, ответил Сипайлов.

58. Сцена

Во время вечерней службы, на которой я присутствовал, отец Владимир продолжал проповедь на амвоне на тему, о которой мы говорили на церковной паперти после крещения спасенной нами девочки.

– Пока царство Божие будет оставаться на земле, – говорил он, – в нем будут находиться и добрые и злые. Окончательная победа добра над злом возможна лишь в жизни вечной. Но мы, обитатели земные, помнить должны постоянно о ценности благодатных дорог царства Божия.

Мне очень хотелось опять поговорить с отцом Владимиром, но дела заставили меня уйти сразу же после службы.

Погода была отвратительная, ветер покрыл небо тучами. Быстро потемнело. Отец Владимир жил неподалеку от церкви, в консульском поселке. Надо было пройти лишь одну короткую, но довольно узкую и кривую улицу. На повороте от стены отделилось несколько теней.

– Парняков, – окликнул кто-то.

Отец Владимир обернулся.

– Подыхай, жидовский покровитель, – сказал человек, лицо которого было укутано платком. И сильно вкосу ударил отца Владимира топором по голове. Очки в золоченой оправе упали в лужу крови.

59. Сцена

Утром, придя в штаб и ничего не зная о ночном преступлении, я первым делом пытался заговорить об отце Владимире.

– Ваше превосходительство, – начал я, – мне известно, что у определенных людей существует недоброе намерение в отношении священника Парнякова.

– Он умер, – коротко оборвал меня барон. Пораженный известием, я молчал.

– Пойдем, есаул, на крыльцо, – неожиданно мягко, по-отцовски сказал барон. – Ты не находишь, что в комнате душно? Ужасно потеплело.

Мы вышли на крыльцо, по крыше которого барабанил сильный дождь.

– Я хотел бы поговорить с тобой о страшном зле, каковым является еврейство, – сказал барон, – этот разлагающийся мировой паразит. Ты монархист, есаул?

– Да, ваше превосходительство.

– Тогда не понимаю твоих взглядов и твоих действий. Я тоже монархист, и мы должны сойтись в убеждении, что главным виновником революции являются горбатые носы, юрки, избранное племя, – он саркастически засмеялся. – Они проводят в жизнь философию своей религии: око за око. А принцип Талмуда, проповедующий во всем и всяческим способом достижение цели, предоставляет евреям план и средства для их деятельности, для разрушения наций и государств. Если мы откажемся от нашей беспощадной борьбы против еврейства, вывод будет один: революция восторжествует и культура высшего продукта падет под напором грубой жизни, грубой, жадной и невежественной черни, охваченной безумием революции и уничтожения, руководимой международным иудаизмом.

В это время к штабу на автомобиле подъехал Сипайлов в сопровождении своего адъютанта Жданова.

– Ваше превосходительство, – отряхивая дождевые капли, весело доложил, – исчезнувших евреев, о которых я вам докладывал, обнаружили в доме монгольского князя Тактагуна. Дом пользуется неприкосновенностью, но мы намерены провести ночью стихийную народную акцию, – он засмеялся.

– Ты, есаул, примешь участие в этой акции, – сказал мне барон.

– Ваше превосходительство, – пробовал возражать я.

– Ты примешь участие, это тебе полезно, – жестко сказал барон, – и надеюсь, что эта беседа о евреях, которую мы вели с тобой под дождем, касаясь очень близко этого предмета, запомнится тебе.

– Как вы устроились, есаул? – обратился ко мне Сипайлов. – Уже отпраздновали новоселье?

- Да, отпраздновал.
- Жаль, меня не пригласили, – усмехнулся Сипайлов.
- Я праздновал в узком кругу.
- Понимаю, только близкие друзья, Гущин и прочие, понимаю. Но я более широкая натура и приглашаю многих, даже тех, кто меня не слишком любит, – он засмеялся, – придете? Я очень обижусь, если откажетесь. Будет очень весело и богато. Много женщин.
- Приду, – с трудом выдавил я.

60. Сцена

- Ночью подъехали и окружили дом монгольского князя.
- Выходи на крыльцо, жидовский покровитель! – кричали они.
 - Мы знаем, ты прячешь жидов, выдай нам жидов!
 - Тактагун вышел на крыльцо и сказал:
 - Да, у меня живут евреи, в Монголии законы гостеприимства священны. Я принимаю этих людей под свое покровительство; и отдавать их на верную смерть – для меня покрыть свое имя несмыслаемым позором.
 - Выдай жидов, иначе пристрелим тебя, – кричали казаки и несколько раз выстрелили в воздух.
 - Тогда на крыльцо вышел один из евреев, бывший служащий русско-азиатского банка, и сказал:
 - Князь, мы обречены и не хотим увлечь тебя за собой в могилу.
 - Князь! – крикнул адъютант Сипайлова, поручик Жданов. Обещаем, что евреев просто передадут американскому консулу для отправки их в Китай. Даю честное слово офицера. Ждем пять минут. Чувства народа возбуждены. Выходите через задние двери во двор по одному.

Вскоре евреи по одному начали выходить. Их ждали сипайловские палачи и душили.

61. Сцена

- Сипайлов занял виллу какого-то богатого китайца. Было много офицеров, польстившихся на роскошный стол, и девушек. Девушек и молодых женщин было много из русской колонии Урги. Но особо выделялась статная казачка с русой косой, подававшая кушанье.
- Посмотри, какая красавица, – сказал Гущин, – кто это?

– Дуся Рыбак, – ответил я, – родственница атамана Семенова. Монстр Сипайлов взял к себе в горничные такую красавицу. Какая несправедливость, что такая красавица досталась уроду с трясущими руками, что монстр спит с такой красавицей. – Неужели и ты, Володя, согласился бы взять наложницей жену убитого человека. Она – жена еврейского коммерсанта, погибшего во время погрома.

– Что ж, печально. Но жизнь есть жизнь, и природа не может долго пребывать в скорби. Это противоестественно.

В это время подвыпившие офицеры запели песню. Дуся подхватила.

– Вот видишь, я опять прав. Надо пригласить ее на танец.

– Смотри, не было б беды. Этот монстр, как всякий урод, особенно ревнив, тем более сам он большой волокита.

– Ах, плевал я на этого урода, – сказал Гущин, который к тому времени достаточно выпил.

И когда граммофон заиграл веселую польку, подошел и пригласил Дусю. Впрочем, плясали все. Сам Сипайлов плясал и пел.

– Ах, хорошо, – сказал один из офицеров, – голодная жизнь в лагере, в палатках при ветре и морозе кончилась.

И подхватив какую-то даму, он понесся в польке.

– Танцуйте, дорогие гости, – говорил Сипайлов, – чревоугодничайте, точно в масляницу. Помянем добрым словом русское обхождение и пьянство.

– Сипайлов в ударе, – сказал Гущин, подводя к столу еще более раскрасневшуюся Дусю и наливая ей вина. – Он оказался таким милым и приветливым хозяином, что даже забываешь, кто он.

– Как бы он о том не напомнил, – сказал я. – Во время танцев он несколько раз бросал на тебя испепеляющие взгляды.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – засмеялся Гущин и опять пригласил Дусю на этот раз танцевать танго.

– Веселитесь, господа, – говорил Сипайлов, – скоро подадут ликеры и кофе. Я, господа, правда, огорчен отказом барона принять участие в моем скромном ужине, но ведь вы знаете, что их превосходительство вообще ни к кому из должностных лиц в гости не ходит и предпочитает в казарме ужинать с казаками.

Он вдруг резким голосом подозвал к себе Дусю и сказал ей нечто, от чего ее щеки покрылись густым румянцем и она убежала. Подали кофе и ликеры, началась тихая беседа.

– Господа, – сказал один из офицеров, – неужели когда-нибудь мы сможем так же сидеть в матушке Москве, в “Славянском базаре”.

– А помните купеческие загулы на Нижегородской ярмарке, господа? – сказал другой офицер.

Я заметил, что во время беседы Сипайлов часто куда-то отлучался. Наконец, он вошел в комнату с веселым торжественным видом, потирая руки и по-своему мерзко хихикая, сказал:

– Господа, я вам приготовил подарок в честь посещения моего дома, идемте.

В углу спальни лежал большой мешок.

– Подпоручик Гущин, разверни мешок, – сказал Сипайлов.

Гущин развернул мешок. В нем была мертвая Дуся.

– Задушена! – прохрипел Гущин. – Макарка-душегуб!

– Прочь из дома милого хозяина, – сказал другой офицер.

Гости бросились вон. Вслед неслись ехидные хихиканья Макарки-душегуба.

62. Сцена

В день коронации, едва начало рассветать, дивизия вместе с отрядами монгольских князей выстроилась вдоль дороги, ведущей от Зеленого дворца к Площади поклонения. Заборы и крыши домов были усеяны зрителями. Наконец, когда совсем рассвело, раздалась звуки труб. Конные в парчовых одеждах трубили в трубы и раковины. Вслед за глашатаями двинулась процессия лам. За ней хрипящие лошади везли колесницу в виде пирамиды из трех толстых раскрашенных бревен. В центре ее поднималась деревянная мачта с огромным монгольским флагом, изготовленным из твердой парчи, который ослепительно блестел на солнце золотыми нитями. В центре флага был буддистский символ вечной жизни – тибетская свастика. За колесницей с флагом показалась позолоченная, китайского типа открытая коляска. В ней сидел Богдо Гэген. При виде Богдо монголы опустили на одно колено. Лицо Богдо было неподвижно, глаза скрыты темными очками. Впереди и по бокам его скакали князья в пышных одеждах, в конусообразных шапочках с перьями и чиновничьи шариками. Позади за коляской ехал лишь один всадник – барон Унгерн фон Штернберг.

– Барон едет позади Богдо, – сказал Гущин, – это подчеркивает его особое положение по сравнению с другими. В обычаях монголов почетное место не впереди, а позади главного лица.

Унгерн ехал в полном парадном облачении.

63. Сцена

В желтом зале Зеленого дворца были выставлены офицеры азиатской дивизии.

– Сегодня пятнадцатый счастливый день, – сказал первый министр. – Оракулы установили, что ближайшим счастливым днем для коронации является пятнадцатый день первого весеннего месяца по лунному календарю. Живой Будда, Богдо Гэген, вызвал вас, офицеры, и возвел в ранг монгольских управителей по Цинской системе. Вам выдадут жалованье из казны, а некоторым и почетные шапочки с шариками разных цветов, в соответствии с шестью управительскими степенями. Первой, высшей степени, полагается красный коралловый шарик, второй – красный с орнаментом, третьей – голубой, прозрачный, четвертой – синий, непрозрачный, пятой – прозрачный бесцветный, шестой – белый фарфоровый.

Офицеры по одному подходили и получали жалованье и шапочки с шариками. Монгольские чиновники громко и торжественно объявляли звания: “Тузлахчи, дзитирачи, мерен, дозлан, дзинги, хундэй”. Я получил звание дзитирачи и голубой шарик. Резухин был назван тинван – сиятельный князь первой степени и получил звание “Одобренный батыр, командующий”. Сипайлову, видно, по ходатайству Унгерна, присвоили звание Син ван – истинно усердный. Тубанову, командиру тибетской сотни, освобождавшей Богдо, – Чин ван – высочайший благословенный командующий. Наконец, настала очередь самого Унгерна.

– Чин ван, – торжественно объявил Богдо. – Возродивший государство великий батыр, командующий. Такое звание, доступное лишь чингизитам по крови, присваивается белому генералу за большие заслуги. Отныне белый батыр обладает правом на те же символы власти, что и правители четырех аймаков в Халхе. Он может носить желтый халат Карму и желтые сапоги, иметь такого священного цвета поводья на лошади, ездить в зеленом палантине и вдевать в шапочку павлинье перо.

Тут же слуги принесли одежду и облачили барона. Вручили ему желтые поводья.

– Ваньтин Резухин, ваньтин Сипайлов и ваньтин Тубанов, – сказал первый министр, – тоже имеют право на желтую Карму, но поводья им разрешается иметь не желтые, а коричневые. Только возродивший государство может иметь желтые поводья.

И тут же все монгольские министры и чиновники, все ламы поклонились Богдо Гэгену, а потом барону. Барон был взволнован, он начал свою речь дрожащим голосом:

— Ваше высочайшество, этот свой день я воспринимаю как счастливейший в своей жизни, триумф моей идеи. Взятие Урги для меня только ступень к главной цели: реставрации монархии на Востоке и в России. Ваше святейшество, Богдо Гэген — первый, кому я вернул отнятый престол, теперь на очереди восстановление законных прав Романовых.

64. Сцена

Эти идеи барон продолжил через несколько дней, точнее через несколько ночей, поскольку дело происходило ночью в автомобиле.

— Устал, — говорил барон, — хочется передохнуть и одновременно изложить накопившиеся мысли. Особенно о монархии. Вы готовы записывать, есаул?

— Готов, ваше превосходительство, — ответил я.

— Ночные автомобильные гонки вокруг Урги возбуждают мое мышление, — сказал барон, — люблю мыслить на ходу при хорошей скорости. Начнем?

— Начнем, ваше превосходительство. Итак о монархии, как вы сказали, — и я приготовил блокнот.

— О монархии. Я монархист из принципа, не русский, не монгольский, не китайский. В принципе, монархическая идея для меня то, что Достоевский определяет как идею-чувство. За последние годы остались во всем мире условно два царя: в Англии и Японии. Теперь небо как будто смиловилось над грешными людьми, и опять возродились цари в Греции, Болгарии и Венгрии. И вот восстановлен его святейшество Богдо хан. Ибо Богдо хан титул Богдо Гэгена как светского монарха. Следующий шаг в восстановлении Циней в Китае. Никого не должно удивлять, что я ратую о восстановлении царя в срединном государстве. По моему мнению, каждый честный воин должен стоять за честь и добро, а носители этой чести — цари, кроме того, ежели у соседних государств не будет царей, то они будут взаимно подтачивать и приносить вред одно другому.

— Ваше превосходительство, — спросил я, — вы сторонник абсолютной монархии?

— Я смотрю так: царь должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне классов, особенно вне аристократии. Обычный взгляд на аристократию тоже неправильный. Она всегда

была в некоторой оппозиции. История нам показала, что именно аристократия по большей части убивала царей, но все ж царю нельзя без аристократии. Иное дело – буржуазия. Она способна только сосать соки из государства, и она-то довела страну до того, что теперь происходит. Царь должен опираться на аристократию и христианство.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – а вам, при ваших идеях, никогда не приходило в голову самому стать царем и основать династию?

Барон пристально на меня посмотрел.

– Лично мне ничего не надо, – ответил он, – я рад умереть за восстановление монархии, хотя бы и не своего государства. Но признаюсь, иногда я чувствую в себе некую энергию, это своего рода чакры-центры, через которые в сосуд человеческой плоти вливается животворная космическая энергия. Энергия власти – это приятное чувство. Ныне при удаче можно стать также императором Китая. Преследуя китайцев до границы, я достиг такой точки, откуда до Пекина ближе, чем до Урги. Не могу не думать с сожалением, что многие китайцы винят меня в пролитии китайской крови, но я полагаю, что честный воин обязан уничтожать революционеров, к какой бы нации они не принадлежали. Ибо они есть не что иное, как нечистые духи в человеческом образе, заставляющие уничтожать царей, а потом идти брат на брата, сын на сына, и вносят в жизнь человеческую одно зло, – он замолк. – Мои идеи о революции предсказали еще Данте и Леонардо да Винчи, – после паузы продолжил барон. – Новым может быть лишь идея о желтой расе.

Вдруг он опять замолк и поднял голову:

– Слышите? Это волки, волки досыта накормленные нашим мясом и мясом наших врагов.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – знаете ли вы о книге “Исход к Востоку”, изданной не так давно в Софии? Экземпляр этой книги прислал мне один знакомый харбинский книгопродавец.

– Да, есаул, я тоже связан с харбинскими книгопродавцами. Я читал книгу моих сверстников: Трубецкого, Савицкого и иных историков. Что вы думаете об этой книге, есаул?

– Это, ваше превосходительство, первый клич нарождающегося движения. Как они себя называют – евразийство. Манифест, политическая философия, созданная нынешними кочевниками Европы – русскими эмигрантами.

– Именно, кочевники! – вскричал барон. – Это хорошо, что вы употребили термин “кочевники”, мы еще вернемся к этому термину. Для евразийцев из Софии, русских европейских кочевников, имя Чингиз-Хана значит не меньше, чем для меня. Они тоже опасаются нивелирующего действия культуры Запада. Предсказывают антиевропейское движение, но с Россией во главе. В этом разница. Во главе движения, по-моему, должны быть Монголия и Китай. Но в остальном евразийцы – мои братья по идее. Точно, как я, они отрицают либерализм отцов, предвидят наступление эпохи нового средневековья, когда народы будут управляться не учреждениями, а идеями. Точно так же, как они, я надеюсь на появление в ближайшие годы великих народов-управителей и не верю, что сумеречная во всем, кроме эмпирической науки и техники, европейская цивилизация сумеет выдвинуть идеологию, способную соперничать с коммунистической. Об этом и в Писании сказано, в Библии. Люди стали корыстны, наглы, лживы, утратили веру и потеряли истины, и не стало царей, а вместе с ними не стало и счастья. Это мои мысли, навязанные чтением Святого Писания. Помните: и даже люди, ищущие смерти, не могут найти ее. Помните, откуда это?

– Откровение святого Иоанна, – сказал я и, достав небольшую походную библию, которая всегда была со мной, перелистал и прочел: “В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее, пожелают умереть, но смерть убежит от них.” Откровение, глава девятая, стих шестой.

– Есаул, – сказал барон, – надо бы в ургинской типографии отпечатать брошюру, содержащую выборки из Священного Писания. Займитесь всем этим. Я приму в этом участие, особенно важно отыскать в Библии то место, где говорится о походе желтой расы на белую. Я попытался отыскать, но не смог. Вы помните это место?

– Нет, ваше превосходительство, не помню, хоть хорошо знаю Писание.

– Оно есть, я уверен, его надо найти. Надо доказать на основании Писания близкий конец мира и торжество большевизма с антихристом. В библейских пророчествах я хочу найти подтверждение моему монархическому и паназиятскому взгляду на мир.

– Это, ваше превосходительство, сделать будет очень трудно, – ответил я. – Точнее сказать, невозможно.

– Значит, вы недостаточное хорошо понимаете Писание, – начал сердиться барон. – Для того, чтобы лучше понимать Библию, надо читать буддистские книги. В них много общего. В буддистских и христианских книгах предсказывается время, когда вспыхнет вой-

на между добрыми и злыми духами. Борьба, которую я веду с китайскими республиканцами, русскими большевиками и красными монголами, лишь случай, частный случай вечного сражения между плюсами и минусами.

– Что значит плюсы и минусы, ваше превосходительство?

– Точно я вам объяснить не могу. Плюсы и минусы имеют религиозно-мистическо-политическое значение. Плюс – это и буддизм и китайский термин “небо” и воля мистической пещеры Агарты, которую исполняют кочевники-монголы. Старый мир должен рухнуть, точно как говорят большевики.

“Мы наш, мы новый мир построим”, – поется в их гимне “Интернационал”, – сказал я.

– Большевики, – сказал барон, – Ленин и Троцкий, конечно, наши заклятые враги. Однако они понимают, что такое эрос власти. Того, к несчастью, не понимают наши, так называемые белые вожди. Ни Колчак, ни Деникин, ни Врангель, ни прочие. Эрос власти. Они, кремлевские властители, признают за пролетариатом роль могильщика старого мира. А я верю в кочевников Азии. Старый мир должен рухнуть при столкновении Востока с Западом, после чего обновится лицо земли. В грандиозной космогонической битве двух враждебных рас – желтой и белой – первая несет в себе божественное начало, вторая – дьявольское. Старый мир рухнул навсегда. В этом кремлевские вожди правы. Возврата не будет, начинается новая эра не только национальной, но и всемирной истории. Об этом говорится где-то в Священном Писании, но не знаю, где именно. Отыщите, есаул, это место. Суть его в следующем: желтая раса должна двинуться на белую частью на кораблях, частью на огненных телегах. Желтая раса соберется вкуче, будет бой, и в конце концов, желтая раса осилит.

– Ваше превосходительство, – может быть, вы имеете в виду мысль о Гоге и Магоге у пророка Иезекиля, но там сказано иначе.

– Значит, не то, – сердито сказал барон, – ищите!

65. Сцена

В лагерь мы возвратились на рассвете. В штабе барона ждала депеша. Он распечатал, прочел и сказал после паузы:

– Несколько циничное содержание. Это депеша от атамана Семенова, а он, как известно, циник. Семенов сообщает мне, что Колчак захвачен большевиками и расстрелян в Иркутске. Одновременно он приглашает меня на свою свадьбу. Первое известие меня, при-

знать, не огорчает, даже радует. Колчак – мягкотелый позер, я ненавижу его как либерала, японофоба и западника. Те, кто верили в него как в диктатора, способного спасти Россию, давно разочаровались. Первое известие радует, но второе настораживает. Мой собственный брак с китайской принцессой – акция сугубо политическая. А Семенов, я уверен, женится как частное лицо. Он женится на той цыганке Машке? – спросил он у офицера, доставившего депешу.

– Никак нет, ваше превосходительство, – ответил офицер, – атаман Семенов женится на барышне Терсицкой.

– Кто такая? – удивился барон. – Впервые слышу про некую Терсицкую.

– Не могу знать, ваше превосходительство, – ответил офицер. – Знаю лишь, что ей семнадцать лет и она служит в походной канцелярии атамана.

– Хорошо, я поручу по своим каналам узнать, кто такая Терсицкая. Это важно, потому что атаман – человек влюбчивый и подвержен влиянию женщин. А подобное опасно для нашего дела. Неплохо, что цыганка получила отставку, но прелесть семнадцати лет может сыграть над атаманом еще более злую шутку. Во всяком случае надо схватить. Сейчас атаман в Чите?

– Никак нет, ваше превосходительство, ответил офицер, – бронированный поезд атамана на станции Оловянная Забайкальской железной дороги.

– Свадьба в бронированном поезде, – сказал Унгерн, – видно дела не слишком хороши. Японцы лишь охраняют железнодорожную магистраль, без крайней нужды они в боевые действия ввязываться не будут. А на свое воинство большой надежды у атамана нет, в большинстве это бывшие колчаковцы.

– Без помощи колчаковцев, ваше превосходительство, – сказал я, – атаману Семенову вряд ли удалось бы отбить прошлое наступление красных на Читу.

– Это так, – согласился барон, – но тем не менее особенно доверять им нельзя. У многих из них иные идеи, совершенно не совпадающие с нашими. Об идеях, есаул, продолжим разговор в поезде.

66. Сцена

Моя идея фикс, – говорил барон, сидя у вагонного окна, за которым мелькал каменный-песчаный монгольский пейзаж, – в создании громадного азиатского кочевого государства от Амура до Кас-

пийского моря. С выходом в Монголию я намерен осуществить этот план. При создании этого государства я кладу в основу ту идею, что желтая раса должна воспрянуть и победить белую. Существует не желтая опасность, как утверждает философ Владимир Соловьев и ему подобные, а белая, поскольку белая своей культурой вносит разложение в человечество. Желтую расу я считаю более жизненной и более способной к государственному строительству. Победу желтых над белыми считаю желательной и неизбежной.

– Но, ваше превосходительство, – сказал я, – такая идея противоречит целям белого движения, чтобы не сказать разрушает их. Это идея Азии для азиатов не вяжется даже с евразийством.

– Вы неправильно меня понимаете, – ответил барон, – в своей дивизии я хочу создать китайский дивизион из пленных китайцев, маньчжур и корейцев, которые должны стать ядром будущей китайской монархической армии. Эмблема этого дивизиона – соединение дракона с двуглавым орлом. Это символизировало бы единство судеб рухнувших, но подлежащих возрождению империй. Я не пожалею двух пудов ямбового серебра для кокард и трафаретов на погонах. Двуглавый орел и дракон, осененные тибетской свастикой, буддистским символом. Эта идея воссоздания державы Чингиз-хана должна противостоять западной культуре и мировой революции, и влиянию еврейства. Это государство должно состоять из отдельных автономных племенных единиц и находиться под моральным законодательным руководством Китая – страны со старейшей и высшей культурой. В этот союз азиатских народов должны войти китайцы, монголы, тибетцы, афганцы, киргизы, калмыки и прочие племена. Цель объединения – создать оплот против революции.

– А какую роль в этом объединении будем играть мы, русские? – спросил я.

– Русские, как и немцы, включая моих земляков, австрийцев, принадлежат к восточному корню, угнетаемому западной оевреившейся цивилизацией. Но основа основ – создание федерации кочевых народов Центральной Азии. Когда я говорю о желтой культуре, которая образовалась три тысячи лет назад и до сих пор сохранилась в неприкосновенности, то имею в виду не так традиционную культуру Китая и Японии, хоть и они важны, как неподвижную, в течение столетий подчиненную лишь смене годовых циклов стихию кочевой жизни. Ее нормы уходят в глубокую древность, что свидетельствует о божественном происхождении.

– Но, ваше превосходительство, вряд ли мы, русские, станем кочевниками. Для нас это все-таки отвлеченные идеалы, они рассыпятся при столкновении с действительностью.

– Наоборот! – вскричал барон. – Они из действительности возникают. Кочевой образ жизни для меня идеал отнюдь не отвлеченный. Он не разочаровывает меня, поклонника Данте, Леонардо да Винчи и Достоевского. Впрочем, у Достоевского идеи слишком внешни, как и у вас, есаул.

Барон в зависимости от момента и душевного настроения обращался ко мне то на “вы”, то на “ты”.

– Слишком внешни, – продолжал барон. – Я имею в виду не только внешний кочевой образ жизни, но и его внутреннее содержание, которое должно стать близким русским, если они хотят спастись от революционной заразы. В кочевой системе ценностей грамотность и гигиенические навыки значат несравненно меньше, нежели воинственность, религиозность, простодушная честность и уважение к аристократии. Наконец, важно, что во всем мире только одни монголы остались верны не просто монархии, но высшей ее форме – теократии. Монголы и тибетцы, – добавил барон и указал на Тубанова, вошедшего в вагон на одной из станций. – Вот такие молодцы, как он.

– Ваше превосходительство, – сказал Тубанов, прикрыв дверь купе, – получены важные сведения. Атаман Семенов вступил в переговоры с большевиками.

Он протянул бумаги. Барон торопливо схватил их.

– Это меняет дело! – вскричал он. – Письмо писано самим Семеновым от руки, – сказал он, просматривая листы, – на бланке его походной канцелярии, но без регистрационного номера и печати, дабы обеспечить абсолютную тайну.

– Писано все-таки под копирку, – сказал я, – это второй или третий экземпляр.

– Бурят из канцелярии атамана добыл, – сказал Тубанов, улыбаясь.

– Выйдите, господа, в коридор, – сказал барон. – Я должен прочесть это наедине, чтобы составить первое впечатление. Я очень доверяю первому впечатлению.

Мы вышли в коридор, и барон плотно запер за нами дверь купе. За окном несли уже не монгольский пейзаж, а поросшие лесом холмы Забайкалья. Наконец, барон позвал нас. Он был мрачен.

– Так и есть, – сказал барон, – в предвидении своего возможного поражения атаман Семенов сделал предложение правительст-

ву советской России. Впрочем, письмо без адреса. Каким образом оно должно найти дорогу к одному из тех, чье мнение важно для хозяев Кремля? Конечно, он пишет в Верхнеудинск, в бифер, дальневосточным большевикам, а они все евреи: Шумятский, Краснощочков – это господа масонства! – в ярости закричал барон. – Это попытка обращения в лоно Авраама, Исаака и Иакова.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – что атаман предлагает большевикам конкретно?

– Атаман обязуется с верными ему частями оставить Читу, покинуть Забайкалье и уйти в Монголию и Маньчжурию для их завоевания. Он предлагает Москве финансировать всю его деятельность на востоке в первое полугодие до ста миллионов йен, а также оказывать помощь всем необходимым, включительно до вооруженной силы, если его деятельность будет совпадать с интересами Кремля. Но главное, господа, Семенов берет на себя обязательство не более не менее, как полного вышиба японцев с материка и создания независимой Маньчжурии и Кореи. Конечно, в данном случае под протекторатом красных.

Барон нервно заходил взад и вперед по узкому купе.

– Это опасные планы, господа. Не говоря уже об их утопичности. Конечно, атаман хитрит, его идея – спасти себя любой ценой.

– Что атаман просит у Москвы? – спросил я.

– Просит скромно: лишь предоставить право свободного проезда в торжественной обстановке своего поезда с маньчжуро-многольской делегацией по всем железным дорогам Сибири и России. Атаман хитрит, но с Антихристом хитрить нельзя. Георгий Победоносец не хитрил со змеем, а поразил его. Может быть, у Семенова давно созрел этот план. Посылая меня на Ургу, он начинал его осуществление, но мне и в голову не приходило, что знаменем, осеняющим мой поход, может быть красное. Пытаться поставить меня под большевистское знамя – высшая форма цинизма. Однако я знаю, что мне делать. Надо спровоцировать большую войну с большевиками, надо идти в Забайкалье, идти на Сибирь. Спровоцировав большую войну, я заставлю Семенова разорвать с большевиками.

67. Сцена

Свадебный стол был накрыт в большом салоне бронепоезда, стоявшего у перрона станции Оловянная. Семенов не был по обычаю прежних застолий пьян, сидел скромно рядом со своей юной,

действительно прелестной невестой. Выйдя из— за стола и обнимая барона, он сказал тихо, словно извиняясь:

– Вот, женюсь. Влюблен впервые в жизни. Не можешь себе представить, как это меняет жизнь. Тебе б тоже надо жениться.

– Вам, ваше превосходительство, ведь известно, – сухо сказал барон, – что я женат на Елене Павловне, китайской принцессе.

– Знаю, что ты женат, но не живешь с ней. Однако не буду вмешиваться в дела интимные, я рад, что ты приехал поздравить меня.

Семенов возвратился на место рядом с невестой и под крики “Горько!” страстно поцеловал ее.

68. Сцена

Позднее, ложась спать в отведенном нам купе, барон мрачно говорил:

– Невеста и все окружение атамана – вот причина опасных про-большевистских болезней. Эта Терсицкая пришла в Читу со своим двоюродным братом, капелевским офицером. Она уроженка Орловской губернии, по слухам, она просила жениха послать крупную сумму денег интернированному в Сянзине атаману Дутову. Кажется, это даже предварительное условие, лишь при исполнении которого она согласилась отдать атаману руку и сердце.

– И атаман исполнил условия своей невесты? – спросил я.

– Да, исполнил. У меня сведения, что Семенов, который никогда не отличался щедростью, отправил Дутову сто тысяч рублей золотом. А кто такой атаман Дутов? Я всегда считал его полубольшевиком. Дутов тоже вел переговоры с большевиками, но получил отказ. Боюсь, что такое ждет и Семенова. Думаю, он это понимает. Уверен, что на личные нужды он уже переправил значительные суммы в Японию, куда после окончания медового месяца отошлет и Терсицкую. Но у меня, господа, совсем другая дорога и другая судьба, я постараюсь ясно дать это понять атаману.

69. Сцена

Встреча атамана и барона состоялась на следующий день в пустом салоне, где накануне праздновалась свадьба. Я присутствовал и вел записи.

– Колчака расстреляли вместе с его премьером Виктором Попеляевым и китайцем— палачом, который известен был особой жестокостью при правлении белых, – сказал Семенов. – Говорят, Кол-

чак просил не унижать его смертью рядом с этим человеком, но ему отказали.

– Мякотелый диктатор, – произнес барон с презрением. – Смерть китайца, беспощадно боровшегося с большевиками, вызывает у меня большее сожаление.

– Твои суждения всегда категоричны, – ответил Семенов. – По-человечески мне жаль Колчака. Но его планы нам совершенно чужды. Борьба с красными на Урале и на Волге в наши планы не входит.

– А где борьба с красными входит в наши планы? – спросил барон. – Некоторые, по слухам, мечтают о союзе с большевиками. Например, атаман Дутов мечтал. Но только ли Дутов?

– Мусульмане говорят: руку, которую нельзя отрубить, надо целовать, – сказал Семенов. – Знаешь, летом 1917 года в Петербурге я, тогда неизвестный есаул, намеревался с помощью двух военных училищ организовать переворот, занять здание Таврического дворца, арестовать Ленина и членов петроградского совета и немедленно их расстрелять и тем самым обезглавить большевистское движение. Может быть, тогда история бы пошла другим путем, но обстоятельства помешали мне. Возможно, они помогут мне теперь. Колчак перед своим пленением успел передать командование войсками Сибири мне. Я намереваюсь создать дальневосточную русскую армию, но независимую, ни в коем случае не подчиняться Врангелю.

– А большевики? – спросил барон.

– Что большевики?

– Ваше превосходительство, – ответил барон, – имеются сведения о ваших контактах с большевиками, и это очень тревожит.

– Моя цель – прежняя, барон, – сказал Семенов. – Утвердить себя в Монголии и Маньчжурии. Неужели ты думаешь, барон, что я согласился бы стать послушным вассалом Кремля? Лавируя между японцами и красными, надо стараться в итоге не зависеть ни от кого. Во всяком случае, эта цель начала осуществляться походом на Ургу.

– Поход на Ургу только начало, атаман, – сказал барон. – Или мы пойдем на Сибирь, или большевики задушат нас в Монголии.

– Никогда не надо сжигать за собой мосты, – сказал Семенов. – Создание особого государства должно оставаться постоянной идеей на крайний случай. Меня называют блудный сын Московии. Но в минуты отчаяния и усталости возникает часто желание все бросить и вернуться, наконец, в материнскую утробу, в родную стихию Мон-

голии. В Монголии даже власть может быть сопряжена с удовольствием и покоем, чего нет и никогда не будет в России.

– Для меня Монголия не крайний случай, пригодный при неудаче, а основная идея, – ответил барон. – Я предпочитаю буддийскую экспансию на Запад. Покорение кочевниками Сибири возможно лишь при проникновении буддизма в среду русских. Колесо учения Будды прокатится по всему миру, и народы объединятся под скипетром единого праведного властителя, каким был в прошлом Чингиз-Хан. А начало всему – наступление на Сибирь.

– Начнем подготовку наступления на Сибирь, – сказал Семенов.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

70. Сцена

– Наступление на Сибирь – дело решенное, – сказал мне барон в купе поезда.

Снова неся за окном монгольский пейзаж, мы возвращались в Ургу.

– В такие переломные моменты особенно хочется нащупать точку опоры за пределами видимого мира, мне требуется потустороннее подтверждение истинности задуманных идей.

По знаку барона ординарцы внесли нечто порошкообразное и трубки.

– Это кокаин, смешанный с опиумом, – сказал барон. – В Южной Америке, где растет кока, его листья при жевании у туземцев уменьшают потребность в пище, питье и увеличивают способность к умственной и мышечной работе, также и половую способность. Подобные факты установлены.

– Кем установлены, ваше превосходительство?

– При чем тут наука? – сказал барон. – Тут кончается власть эллинизированного разума. Попробуйте, есаул. Как участник вагонной вечеринки с курением опиума и кокаина вы обретете новое ощущение. – Барон затянулся. – Попробуйте, есаул.

Я затянулся. Очень скоро почувствовал сильное возбуждение, дыхание мое стало частым, усилилось сердцебиение, возникла потеря чувствительности в ногах, тело стало легким. Голос барона то доносился откуда-то с большой высоты, то звучал, подобно грому, совсем рядом.

– Я вижу шатер или храм, – говорил барон, – наполненный ласкающим глаз светом. Вокруг алтаря с жертвенными свечами на шелковых подушках восседают те, кто отдал свою жизнь за праведное дело, перед ними блюдо с дымящимся мясом, вино, чай, печенье, сушеный сыр, изюм и орехи. Герои курят золоченые трубки и беседуют друг с другом, видите, есаул?

– У меня затемнено зрение, – слабым голосом ответил я.

– Это с непривычки, – ответил барон. – Вглядитесь, вглядитесь. Смотрите, я вижу огромные многоцветные лагеря, стада скота, табуны лошадей и синие юрты предводителей. Над ними развеваются старые стяги Чингиз-Хана. Смотрите, небо на севере и на западе, где только видит глаз, покрыто красным заревом. Слышен рев и треск огня и дикий шум борьбы. Кто ведет этих воинов, проливающих свою и чужую кровь под багровым небом? Знаете ли, есаул?

– Нет, не знаю, ваше превосходительство, – ответил я с трудом, едва шевеля языком.

– Этим человеком буду я сам, – ответил барон. – Великий дух мира поставил у порога нашей жизни карму, судьбу, которая не знает ни злобы, ни милости. Расчет будет произведен сполна, и результатом будет голод, разрушения, гибель культуры, славы, чести и духа, гибель государств и народов среди бесчисленных страданий. Я вижу эти картины развала человеческого общества. Иоанн Богослов, Данте, Гете, Достоевский и Тибетский Лама предвидели эти картины, но теперь я вижу ясно: сначала будет побеждать лало-зло, но конечная победа останется за буддистами и воинством Желтой религии. Желтая религия распространится по всей земле, после чего сойдет в мир ламский мессия Будда, Майтрэя, владыка будущего.

Голос барона звучал все глуше и глуше, словно с большой высоты, с неба, потом он вовсе замолк, я погрузился в небытие.

71. Сцена

Очнулся я совсем в другом месте: не в вагоне, а в юрте. Был день, светило солнце, за столом сидела Вера Голубева и печатала на пишущей машинке.

– Вера, это вы? – слабо произнес я.

– Я, – обернувшись ко мне, улыбнулась Вера. – Вас принесли утром совершенно в беспамятстве. Барон велел Вас не будить.

В этот момент вошел барон.

– Очнулся, есаул, – сказал он. – И со мной такое случалось вначале. А все-таки, признайтесь: велики ощущения потустороннего мира. Я не могу без предсказаний. Жена хорунжего Немчинова, того самого, который хотел меня отравить, каждый день гадает по картам о моей судьбе и ежедневно сообщает мне по телефону через дежурных офицеров сюда, в штаб дивизии, о результате этих гаданий. Но, конечно же, это гадание по телефону не очень серьезно. Ночью ко мне в юрту придет настоящая гадалка, полумонголка-полубурятка. Вы, есаул, будете здесь и все увидите.

72. Сцена

Ночью в юрте я, Вера и барон пили чай, когда вошел дежурный офицер и доложил о прибытии гадалки. Гадалка медленно вышла из-за кушака мешочек и вытащила из него несколько маленьких плоских костей и горсть сухой травы. На подносе она разожгла

небольшой огонь. Гадалка, бросая время от времени траву в огонь, принялась шептать отрывистые и непонятные слова. Юрта постепенно наполнилась благовонием. Я ясно почувствовал, что сердце мое опять, как после курения опиума, учащенно бьется и голова окутывается туманом. После того, как вся трава сгорела, гадалка положила на жаровню кости. Когда кости почернели, она принялась их внимательно рассматривать. Вдруг лицо ее выразило страх и страдание. Она нервным движением сорвала с головы платок и забилась в судорогах, выкрикивая отрывистые фразы:

– Я вижу! Вижу бога войны! Его жизнь идет к концу. Ужасно. Какая-то тень, черная, как ночь, тень. Сто тридцать шагов остается еще. За ними тьма, пустота. Я ничего не вижу! Бог войны исчез.

Бьющуюся в судорогах гадалку ординарцы вынесли из юрты.

– Что, – сказал барон, – я умру? Я умру, но дело восторжествует. Я буддист, и для меня смерть – новое возрождение. Сто тридцать – роковое для меня число. Удесатеренное тринадцать. Мы сейчас же поедem в монастырь Гандан. Глубокая ночь – самое подходящее время для его посещения. Мне хочется все знать до конца.

73. Сцена

Я, Вера и барон на автомобиле ночью подъехали к монастырю. Автомобиль с шофером оставили у ворот и в темноте сквозь лабиринт узких проходов между кумирнями, юртами и двориками с трудом добрались к вершине холма.

– Это храм Мажид Жанраисиг, – сказал барон.

У входа горел единственный фонарь, обитые железом и бронзой тяжелые двери были заперты. Но барон ударил в висевший рядом большой гонг, и со всех сторон сбежались перепуганные монахи. Увидав барона, они пали ниц, не смея поднять головы.

– Встаньте, – сказал барон, – и впустите нас в храм.

Как во многих ламийских храмах тут висели многоцветные флаги с молитвами, символические знаки, рисунки. С потолка спускались шелковые ленты с изображением богов и богинь, по обе стороны алтаря стояли низкие красные скамейки для лам и хора. Мерцающие лампы бросали обманчивый свет на золотые и серебряные сосуды и подсвечники, стоящие на алтаре, позади которого висел тяжелый желтый шелковый занавес с тибетскими письменами и знаками тибетской свастики.

– Согласно ритуалу надо ударить в гонг, – сказал барон, – чтобы обратить внимание бога на свою молитву.

Барон ударил в гонг и бросил пригоршню монет в большую бронзовую чашу. Я и Вера сделали то же. Барон закрыл лицо руками и стал молиться. На кисти его левой руки висели черные буддийские четки. Вера молча подошла к алтарю и стала на колени, я также подошел и стал на колени рядом с ней. Серебряная лампада над головой Будды освещала алтарь, отбрасывая тени на стены и пол. Вдруг Вера припала головой к ногам Будды, и я услышал нашу православную молитву “Отче наш”:

– Отче наш, иже еси на небесах... – шептала Вера, смачивая слезами ноги Будды.

– Да святится имя Твое, – продолжил я.

Вера осторожно протянула мне ладонь, я взял ее ладонь, холодную и дрожащую. Мы молились вместе православной молитвой в буддийском храме.

– Я не люблю этого храма, – сказал барон, когда молитва окончилась. – Он новый и сооружен недавно, после того, как ослеп живой Будда. Прошло слишком мало времени, чтобы на лице бога запечатлелись все слезы и печали, нужды и благодарности молящихся. Но место это священное. Тут, в храме, особо важное божество Майдари.

Барон указал на одно из божеств.

– Обратите внимание, из всех божеств ламийского пантеона один Майдари изображен сидящим на троне по-европейски: с ногами, не поджатыми под себя, а спущенными вниз, в знак готовности сойти на землю. Майдари должен появиться на земле после победы Желтой религии. Эта поза Майдари вполне свидетельствует о западном происхождении, таком же, как мое. Истинный буддист может исповедовать разные религии одновременно, может быть лютеранином, кальвинистом, исповедовать католицизм или быть последователем Магомета.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – в какого же Бога вы верите?

– Я верю в Бога, как протестант, по-своему. Интерес к буддизму пробужден у меня через Шопенгауэра.

– Но ведь основополагающая заповедь Гаутаммы Будды: “Щади все живое!”, – сказал я. – Можно ли, будучи истинным буддистом, носить оружие и убивать?

– Вы так говорите, оттого что плохо знаете буддизм, – сказал барон. – Заповедь “Щади все живое” остается нетронутой. Но рядом существует культ восьми Ужасных, восьми главных Докши-тов – божеств, призванных карать врагов буддизма. Спросим у джа-

ламы, – указал барон на одного из молящихся лам. – Он прошел все ступени монастырского послушничества и может толковать религиозные доктрины.

И барон начал говорить с ламой по-монгольски. Выслушав барона, лама ответил длинной тирадой, которую барон переводил:

– Почтенный джалама, на мой вопрос, может ли буддийский монах носить оружие, сражаться и убивать, соблюдая при этом заповедь "Щади все живое!", отвечает: "Щади все живое!" – это истина для тех, кто стремится к совершенству, но не для совершенных. Как человек, взойшедший на гору, должен спуститься вниз, так и совершенные должны стремиться вниз, в мир. Стремиться на благо других принимать на себя и грехи других. Если такой совершенный знает, что какой-то человек может погубить тысячи себе подобных и причинить беду народу, такого человека он может убить, чтобы спасти тысячи и избавить от бедствия народ. Убийством он очистит душу грешника, приняв его грехи на себя.

Поклонившись ламе, барон позвал нас к настенной живописи.

– В буддийской иконописи это докшиты – буддийские божества. Хотя докшиты стоят на страже светлого начала мира, изображаются они так, чтобы вызвать страх. Это докшит Ижимсаран, коронованный пятью черепами. В правой руке, испускающей пламя, он держит меч, упираясь им в небо. Этим мечом он пресекает жизнь нарушающих обет. На левой руке висит лук со стрелами, в пальцах он сжимает сердце и почки врагов веры. Его рот страстно открыт, четыре острых клыка обнажены, брови и усы пламенеют, как огонь при конце мира. Рядом с ним восседает на бешеном волке Бурхан Амийен Эцзен с сетью в руке, которой он улавливает грешников. Другие спутники Ижимсарана, небесные меченосцы и палачи, облаченные в кожи мертвецов, держат в зубах печень, легкие и сердце врагов буддизма, лижут их кости, высасывают из них мозг.

Выйдя из храма, барон сказал:

– Существование Восьми Ужасных я воспринимаю как оправдание насилия по отношению к врагам всякой религии, не только буддизма. Но в способности христианства спасти мир от революционного наваждения я не верю. Расправы с евреями, китайскими республиканцами или зараженными большевизмом сибирскими мужиками есть не преступление, а культовый ритуал истинной веры, ибо на страже человеколюбивого учения Будды стоят страшные божества. Перед тем, как пойти на Сибирь, я хочу пожертвовать ургинскому ламству десять тысяч долларов. В благодарность за предска-

ния, за совершенные молитвы, которые должны привлечь ко мне благосклонность богов. Неподалеку от нового, недавно выстроенного храма Мажид Жанраисиг есть древняя часовня пророчеств, я хочу повести вас туда.

Часовня была небольшим, почерневшим от времени, похожим на башню зданием с круглой, гладкой крышей и висевшей над входом медной доской, на которой изображены были знаки зодиака. В часовне оказались два монаха, певшие молитвы. Они не обратили на нас никакого внимания. Барон подошел к ним.

– Бросьте кости о числе моих дней, – сказал он.

Монахи принесли две чашки с множеством мелких костей. Барон наблюдал, как они покатались по столу, и вместе с монахами стал подсчитывать.

– Сто тридцать! – вскричал он. – Опять сто тридцать!

Барон отошел к алтарю, где стояла старая индийская статуя Будды, и снова принялся молиться.

74. Сцена

Когда мы возвращались из монастыря, было уже светло и многолюдно на улицах Урги. Огромного Будду ламы везли на зеленой колеснице, вырывая друг у друга оглобли. Барон велел остановить автомобиль и сказал:

– Сегодня праздник круговращения, доброго Будду везут на колеснице. Они вырывают друг у друга оглобли, ибо кому посчастливится хоть несколько шагов провезти Майдари, тот впоследствии возродится для вечной жизни в будущем царстве. Мне такое блаженство недоступно, я предопределен к Восьми Ужасным, – добавил барон то ли с сожалением, то ли с насмешкой.

75. Сцена

Очень скоро и в очередной раз мне пришлось убедиться в принадлежности барона к Восьми Ужасным. Мы сидели в юрте и вели мирную беседу, я записывал.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – вы человек верующий, но ведь буддизм – религия без Бога, наподобие социализма.

– Я это понимаю, – ответил барон. – Однако это формальное сходство. Я вижу формальное сходство между ламизмом как стер-

жнем всей жизни кочевников и социализмом, претендующим на ту же роль.

В это время в юрту вошел Бурдуковский, командир комендатской сотни, и доложил:

– Ваше превосходительство, на границе захвачены шесть красноармейцев и доставлены сюда.

Барон мгновенно преобразился: только что он вел задушевно беседу, теперь же глаза его засверкали, все лицо передергивалось. Он вышел из юрты и остановился перед выстроенными в ряд шестерыми пленными. Некоторое время барон стоял неподвижно, не произнося ни слова. Затем так же молча отошел и сел на ступеньки соседней фанзы. В полной тишине прошло еще несколько минут. Наконец, барон поднялся. Теперь лицо его было решительным. Выражение сосредоточенности исчезло. Касаясь тростью-ташпуром плеча каждого из пленных, барон разделил их на две группы. В первой оказалось четверо, во второй – двое.

– Этих двоих обыскать.

Двоих обыскали и нашли партбилеты.

– Коммунисты, комиссары, – сказал барон. – Тех четверых отправить служить в обоз, этих двоих забить палками насмерть.

– Монгольским способом, ваше превосходительство? – спросил Бурдуковский.

– Монгольским, ты ведь, Жень, владеешь монгольским способом?

– Так точно, ваше превосходительство, – радостно ответил Бурдуковский. – На спине у человека мясо отстает от костей, но сам он еще остается жить.

Бурдуковский засмеялся. Одного из комиссаров уволокли для порки, но второй начал шептать молитву, нечто, похожее на буддийскую молитву.

– Что ты шепчешь? – спросил барон, – Почему не кричишь большевистские лозунги?

– Я буддист, – ответил комиссар.

– Ты буддист? – удивленно сказал барон. – Большевик-буддист?

– Да, – ответил комиссар, – я большевик-буддист. Гаутам-ма Будда дал миру законченное учение коммунизма.

– Кто же твой вождь – Будда или Ленин? – спросил барон.

– Ленин высоко ценит истинный буддизм, – ответил комиссар.

– В чем же, что-то моему, истинный буддизм? Разве не в мистицизме, отвергаемом большевиками, истинный буддизм?

– Силы, которыми обладает Будда, не чудесные, его мощь согласуется с вечным порядком вещей, система ленинских заветов восходит к учению Будды, а через него к неизменным основам мироздания.

Барон был явно взволнован.

– Вы студент? – спросил он комиссара.

– Да, до революции я учился в Московском университете.

– Так и думал, – сказал барон. – Профессора подобным материалистическим образом излагают философию буддизма. Что ж буддизм, по-вашему, материалистическое учение? – закричал барон.

– Буддизмом как философией я не занимаюсь, – ответил комиссар, – я не имею для этого настоящей подготовки. Мне мало знакома оккультная сторона буддизма, а я изучал иконографию буддизма. Для занятий всесторонних я не знаю языков: ни санскрита, ни других.

– А оракулов буддизма вы признаете? – спросил барон.

– Буддийские оракулы, ламы-предсказатели не более, чем ворожеи, гадалки, им нельзя верить. Действительно ученые буддисты гаданиями не занимаются.

– Чем же занимаются действительно ученые буддисты? Иконами и изваяниями, как простым материалистическим искусством? Нет, меня в иконах интересует нечто иное, недоступное глазу. Вы не верите оракулу, но ламы-предсказатели умеют находить врагов веры, распознавать их под любым обликом, даже под обликом ученых буддистов. Я свято уверен, что научен у этих оракулов с одного взгляда различать убежденных большевиков от случайных и невольных пособников. Уведите его! – приказал барон.

– Сколько дать ему палок? – спросил Бурдуковский.

– Палками не бить, – ответил барон, – просто застрелить.

76. Сцена

Барон был очень взволнован.

– Я понимаю, что то, что основал Ленин, есть религия, – говорил он вслух, расхаживая по юрте. – Необязательно, чтобы был Бог. Если вы знакомы с восточными религиями, они представляют собой правила, регламентирующие порядок жизни и государственного устройства. Отсюда и смысл моей войны с большевиками как религиозной с обеих сторон. В этой борьбе христианство уже дока-

зало свою неспособность противостоять сатанинской псевдорелигии. Остается уповать на буддизм, который принесут с собой в Сибирь монголы. У меня есть план обращения сибирских мужиков в лоно учения Будды. Это не должно казаться несбыточным и фантастичным уже по одному тому, что религию того же толка, только с обратным знаком, они приняли без особого сопротивления, поддерживав большевиков. Большевиков, запретивших частную торговлю. Мы должны лишить большевиков их преимущества, полностью запретить частную торговлю, к сожалению, невозможно. Уже здесь, в Урге, мне нужны твердые принципы защиты бедных. Пишите, – обратился он к Вере и начал диктовать:

– “Установить твердый максимум цен на продовольствие и предметы первой необходимости в интересах ургинской бедноты и солдат. Все служивые переводятся на паек, мужчины должны служить в отряде, женщины во всевозможных швальных, прачечных и так далее. Кто работает, тот ест.”

– Но это принцип большевиков, ваше превосходительство, – сказал я.

– Что же, – ответил барон, – надо заимствовать полезное даже у врага.

– Ваше превосходительство, заимствуя подобные принципы, мы заимствуем не только полезное. Цены на товары придется установить низкие, но никто не захочет торговать себе в убыток. Торговля практически прекратится. Уже и сейчас некоторые ваши соратники пользуются всеобщим страхом: закупают товары по твердым ценам, а затем перепродают по более высоким. Спекуляция у нас процветает, как у большевиков.

– Спекуляция есть смертельное преступление, – ответил барон. – Мы искореняем и будем искоренять ее беспощадно. Как раз сейчас мы заняты делом скупщика пушнины Носкова. Позвать Сипайлова, – обратился он к дежурному офицеру. – Пусть доложит о деле Носкова. Впрочем, нет, пойдемте в комендатуру, я сам хочу допросить. Монголы называют его “росчорт”, – говорил барон, – “русский черт”, он постоянно чертыхается. В телефонной книге так и значится “Росчерт”, так называемый Носков. Он представляет в Урге лондонскую фирму Баддермана.

77. Сцена

Носков оказался маленьким, щупленьким человеком, хотя ныне человеком назвать его было трудно. В подвале на полу лежало кровавое месиво

– Молчит? – спросил барон Сипайлова.

– Молчит, ваше превосходительство, – ответил Сипайлов. – Восьмой день пытаем. За пальцы подвешивали к потолку и секли бамбуками, жгли железом.

– Носков, где спрятали деньги? – спросил барон.

– Нет у меня денег, – прохрипел Носков.

– Врешь, Носков, – сказал Сипайлов, – мы знаем, ты связан с Лондоном и с большевиками, где деньги?

– Нет денег, – ответил Носков, – нет наличных денег. Деньги не мои, Баддермана.

– Пытать его еще, – сказал барон.

Носкова принялись жечь железом, но он лишь чертыхался, а потом вдруг громко закричал:

– Пей мою кровь, барон, пей вместо денег, пей со своей компанией, солнце уже восходит, солнце, беги, кровавый барон! – и он дико захохотал.

– С ума сошел, – сказал Сипайлов.

– Застрелить его! – приказал барон. – Труп выбросить на свалку возле берега реки. Надо выявить всех сообщников Носкова, – говорил барон Сипайлову, который пошел вслед за нами в штаб. – Пушкину со складов – конфисковать.

Возле штаба стояла плачущая женщина.

– Это жена Носкова, – сказал Сипайлов. – Каждый день преследует меня. Твой муж застрелен! – закричал он женщине. – Труп его на свалке.

– Позвольте взять и похоронить тело, – сказала плачущая женщина.

– Хочешь валяться рядом – бери, – ответил Сипайлов, хихикая.

78. Сцена

Дело Носкова вызвало новую волну репрессий. Барон перед строем объявил:

– Мы будем беспощадно бороться со всеми спекулянтами и их сообщниками. Связанный со спекулянтом Носковым офицер Архипов увезен в Сопки с семьей и казнен.

– Господин генерал, за что семью казнили? – выкрикнул из строя один офицер. – Ведь это террор, подобный большевистскому.

– Молчать! – затрясся от ярости барон.

– Большевики берут заложниками семьи, – сказал другой офицер. – И у вас, господин генерал, жены, дети, родители отвечают за преступление одного из членов семьи.

– Это бунт! – закричал барон. – Бунтовщика схватить! В карцер! На крышу! Без еды и питья! Сечь, особо опасных казнить!

Комендантская сотня Бурдуковского бросилась по рядам искать бунтовщиков.

– Убийство членов семьи за преступление, совершенное ее главой, это не террор, а обычай Востока, – сказал барон.

– Так и большевики казнили жену и детей государя! – вдруг громко выкрикнул молодой прапорщик. – Господа, я потрясен всем увиденным и услышанным здесь! Господа, я недавно с трудом пробрался сюда из Сибири бороться с большевизмом. Я мечтал о белом рыцарстве, я бежал из Иркутска от красного террора.

– Это студент-медик Энгельхарт-Эзерский, – тихо сказал Сипайлов барону. – Мы подозреваем, что он подослан большевиками.

– За связи с красными сжечь студента живьем в стоге сена, – объявил барон.

Стражники бросились к прапорщику, но он оттолкнул их, подбежал к берегу реки и бросился вниз головой с кручи.

– В огне не сгорел, так в воде утонул, – захихикал Сипайлов.

Офицеры мрачно молчали.

79. Сцена

– В дивизии беспокойно, – говорил Сипайлов барону в штабе. – Есть сведения о конспиративной офицерской организации и стремлении к дезертирству.

– Это все колчаковцы, – сказал барон. – Все мои военные неудачи связаны с тем, что у меня плохие офицеры. Но найти хороших нелегко. У Семенова таковых не имеется. А осевшие в Китае колчаковские капитаны, поручики и прапорщики ни на какую войну идти больше не желают. Под моим командованием тем более. Семеновский режим агонизирует. Всюду меня подстерегают враги, жаждущие моей крови. Надо начинать действовать, пока войско окончательно не разложилось. Пора начинать поход на Сибирь. Тех, кто отказывается подчиниться дисциплине, расстреливать. Тех офице-

ров, кто стремится к дезертирству и подбивает к дезертирству солдат, – в первую очередь расстреливать.

80. Сцена

Ко мне зашел полковник Дмитриев, один из тех, кто присоединился к дивизии в Урге.

Господин Миронов, – сказал он, – я хотел бы вас пригласить сегодня ко мне на небольшую вечеринку. Мы, бывшие колчаковцы, хотим почтить память адмирала. Придете?

– Приду, – ответил я.

– Но дайте честное слово офицера, что вы не станете о том распространяться.

– Я обещаю, честное слово офицера.

81. Сцена

Вечером небольшая квартира Дмитриева была переполнена. Было не менее сорока офицеров. Я несколько запоздал и застал вечеринку уже в разгаре. Все были возбуждены.

– Мы, офицеры Колчака, с радостью, энтузиазмом встретили появление Унгерна в Урге, – говорил один из офицеров. – Но восторги наши быстро прошли. Здесь, в Монголии, сосредоточены сотни белых, для которых возвращение на Родину возможно только с оружием в руках. Впереди Родина, здесь страна, где население боготворило нас, русских. Степи изобилуют скакунами, баранами, быками, а что нужно всаднику-партизану? Конь, трава, мясо. Господа, успех был возможен, но Унгерн в корне задушил нас, задушил успех. Сумасшедший барон не стремится к освобождению Родины, а хочет в Монголии ставить эксперимент по улучшению человеческой породы...

– ...в соответствии со своими дикими представлениями, – сказал другой офицер.

– Нас постоянно унижают. Мы, офицеры, точно стая голубей должны сидеть на крышах. Люди жмутся друг к другу, кутаются в халаты. Одежд не полагается, пищу раз в день протягивают на веревке. Даже большевики не посмели нас так унижать.

– Печальнее всего, – сказал полковник Дмитриев, – что воля наша подавлена. Все парализованы страхом перед сумасшедшим бароном, никто не смеет бежать.

– Но ведь побег – это дезертирство, – несмело заметил какой-то поручик. – Это на руку большевикам.

– От кого дезертирство, господа? – сказал Дмитриев. – Барон сам большевик. Так его воспринимают в белых кругах. Антибольшевистские крестьянские восстания вселяли надежды, но тупая жестокость заставляет крестьян уходить в сопки. Семенов и Унгерн всегда интриговали против покойного Колчака. Семенов не послал на фронт ни одного солдата, когда армия наша истекала кровью на Урале и под Тобольском. Покойный Колчак, господа, говорил, что Унгерн бросает тень на белое движение, – сказал Дмитриев. – Служить Унгерну – значит служить врагу белого движения. Я лично служить ему отказываюсь. Ни ему, ни Семенову.

– Господа, – сказал я, – но ведь сам Колчак произвел Семенова в генерал-лейтенанты, вплоть до соединения с Деникиным назначил главнокомандующим всеми вооруженными силами и походным атаманом всех восточных российских окраин. Я знаю, этот приказ многие восприняли с недоумением, а то и с возмущением, но надо подчиниться ему как последней воле покойного адмирала.

– Была ли последняя воля? – сказал Дмитриев. – Не сфальсифицирована ли она? Те, кто совершил ледяной поход, не без удивления узнали, что, пока мы с боями прорывались по тайге, у нас появился новый верховный вождь, в это время спокойно отсиживавшийся в тылу, не нюхавший порох иначе, как с мужиками, делающими пушки из водопроводных труб.

– Я, господа, согласен со многими высказываниями, – сказал я, – но все-таки остаюсь исполнять свой долг. Главное, господа, – борьба с большевиками. Мой долг не позволяет мне следовать за вами. Разумеется, все сказанное здесь не будет мною разглашено, даю честное офицерское слово дворянина.

Раскланявшись, я вышел.

82. Сцена

О заговоре все-таки стало известно, точнее, это был не заговор, а массовое дезертирство. Барон, как разъяренный зверь, метался по штабной комнате, видеть его было страшно.

– Какое чудовищное предательство! – кричал он. – Когда дезертируют солдаты – это преступление, но когда дезертируют офицеры – это еще и кошунство!

– Ваше превосходительство, – сказал Сипайлов, – как вы велели, вызваны хорунжий Тубанов и монгольский князь Буяргун.

– В погону! – закричал барон вошедшим Тубанову и Буяргуну. – Никого из беглецов не щадить! За каждую голову плачу по десять золотых империалов.

– Есть сведения, что беглецы отправились на восток, – сказал Тубанов. – Так говорят пастухи.

– Далеко им уйти не удастся, – сказал князь Буяргун.

– Их покарает небо! – закричал барон. – Я буду о том молиться.

83. Сцена

Во время вечерней молитвы в дивизии барон, как мне показалось, действительно молился особенно усердно. В дивизии заведен был ежевечерний ритуал: на заходе солнца все сотни выстраивались по национальному признаку, и каждая хором читала свои молитвы. Барон объезжал строй, подхватывая то христианскую, то буддийскую, то мусульманскую молитву.

– Какое величественное зрелище, – сказал барон, слушая молитвенный хор. – Я, человек, верящий в Бога и Евангелие, как лютеранин, молось, но в жизни я придерживаюсь принципа: Бог один – веры разные. Ныне у меня в дивизии нет ни походной церкви, ни священника. Тех, кто были, я уволил. Я понял: между настоящим воином и богом нет и не может быть никаких посредников. Молитва, пропетая в строю, вернее достигает небес, нежели произнесенная в храме любой религии.

И он вновь принялся неистово молиться разными молитвами. Перед самым концом вечерней дивизионной молитвы послышался конский топот и показались тибетцы и монголы. Впереди скакали Тубанов и князь Буяргун. У князя в руках был огромный мешок. Подскакав и осадив коня перед бароном, князь поклонился и высыпал из мешка головы.

– Мои джахары настигли их на привале, – сказал князь. – Здесь тридцать восемь отрубленных голов.

Я узнал голову Дмитриева и других офицеров, с которыми вместе был на квартире Дмитриева. – “Моя голова могла быть среди них”, – подумал я.

84. Сцена

В штабе барон диктовал приказ о выступлении на Сибирь. Я и новый адъютант барона, поручик Михаил Ружанский, записыва-

ли. Ружанский был совсем еще молодой человек, лет девятнадцати-двадцати, стройный красавчик, но выглядел он еще моложе, наподобие резвого гимназиста: розовощекий, с тонкой мальчишеской шеей, на которой видна была золотая цепочка. Он, конечно же, был страстно влюблен в Веру, и Вера явно нравилась страсть красивого мальчика. Стоило барону отвернуться, как они тайно перешептывались, улыбались друг другу, старались незаметно касаться друг друга. А однажды, наклонившись, словно диктуя подробнее, Ружанский осторожно прикоснулся губами к Вериным волосам. Это, безусловно, меня коробило, сказывалась и ревность, однако, в еще большей степени опасения, что барон, обнаружив подобное, может распорядиться очень круто. Когда барон по какой-то причине вышел из комнаты, я сказал:

– Господин Ружанский, вы человек еще очень молодой и, судя по всему, склонный, как гимназист, влюбляться без оглядки. Его превосходительству вряд ли это понравится.

– Простите, господин есаул, но мои личные отношения с женщинами не должны касаться кого бы то ни было. Даже его превосходительства. Так, по крайней мере, происходит в приличном обществе, – сказал Ружанский.

– Николай Васильевич, – сказала Вера, – вы просто ревнуете. А между тем у меня с Мишелем обычные дружеские отношения. Однако не удивительно, если мы начнем испытывать друг к другу симпатию. Мы оба из хороших петербургских семей, у нас обнаружилась масса общих знакомых. Мишель был студентом петербургского политехникума, я окончила Смольный институт. Я просто-напросто стеснялась по прежнему обществу.

– Тем не менее, прошу вас быть осторожными, – сказал я. В этот момент вошел барон, и разговор прекратился.

– Пишите приказ номер пятнадцать, – сказал барон и начал диктовать. – Я начинаю движение на север и на днях открою военные действия против большевиков. Как только мне удастся дать сильный и решительный толчок всем отрядам и лицам, мечтающим о борьбе с коммунистами, и когда я увижу планомерность поднятого в России выступления, а во главе движения преданных и честных людей, я перенесу эти свои действия в Монголию и союзные с ней области для окончательного восстановления династии Циней, которую я рассматриваю как единственное орудие в борьбе с мировой революцией.

Барон диктовал, расхаживая по комнате, а когда он останавливался и поворачивался спиной, Вера и Ружанский по-прежнему

незаметно, как им казалось, перемигивались, а то и просто томно смотрели друг на друга. Моему предупреждению они явно не вняли. Хуже всего, что и барон заметил эти любовные игры. Несколько раз он хмуро косился в сторону Ружанского и Веры, но продолжал диктовать.

— Россия создавалась постепенно из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии особенностью государственных начал. Пока не коснулись России непримиримые с ней по составу и характеру принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплоченной империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего русла народной мысли и надежд.

Барон вынул карманные часы.

— Мне, однако, пора на смотр мобилизованных. Поручик Ружанский, сможете продолжить диктовку без меня? — и протянул листы.

Ружанский взял листы, просмотрел их и сказал:

— Так точно, ваше превосходительство, я в политехникуме и в юнкерском училище считался специалистом по чужим почеркам. Вашего превосходительства почерк я свободно разбираю.

— Начните, я послушаю, — сказал барон.

— Народ, руководимый интеллигенцией, как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, — диктовал Ружанский, — сохранил в душе преданность вере, царю и Отечеству. Он начал сбиваться с прямого пути, указываемого всем складом души и жизни народной, теряя прежнее давнее величие и мощь страны, устоял, перебрасываясь от бунта к анархической революции и потерял самого себя.

— Отчего вы улыбаетесь, Ружанский? — вдруг резко прервал диктовку барон.

— Простите, ваше превосходительство.

— Вы диктуете святыя слова и при этом улыбаетесь какой-то блудливой улыбкой.

— Я, ваше превосходительство, ...этого больше не повторится, ваше превосходительство.

— Хорошо, — сказал барон, — я вернусь — проверю.

85. Сцена

Барон в моем сопровождении сел в автомобиль и поехал на площадь.

– В этот приказ я вложил свою душу, – сказал барон. – Сама победа над красными в Забайкалье для меня не цель, а средство. Главным по-прежнему остается план возрождения империи Чингиз-Хана и реставрации Циней. Ведь я знаю, война в Сибири, на русских равнинах должна продолжаться без меня. Долго воевать в России я не хочу. Походом собираюсь прежде всего укрепить свое положение в Урге, где последнее время нетвердо себя чувствую. Среди монголов недовольство, а также появились красные монголы. Есть монастыри, где прячут монгольских большевиков. Кроме того, дезертирство. Слухи о походе вызвали новую волну дезертирства. Нужны решительные действия, нужна, пусть небольшая, но война, оттого так долго занимался я приказом номер пятнадцать, в нем идейный и тактический план войны.

– Ваше превосходительство, – спросил я, – но почему пятнадцать? Насколько я помню, в дивизии никогда раньше письменных, а тем более печатных, приказов не издавалось. Были инструкции, но не приказы, Этот единственный, и он почему-то получил порядковый номер пятнадцать.

– Почему пятнадцать? – усмехнулся барон. – В монгольской астрологии все числа от одного до девяти имеют цветовые эквиваленты. Единица есть знак белого цвета, пятерка – желтого. Число пятнадцать соединяет два знаменательных для меня цвета: я белый генерал и поклонник желтой религии.

– Значит, цифра пятнадцать выбрана по мистическим соображениям? – спросил я.

– Да. Кроме того, днем выступления на север я наметил двадцать первое мая. По монгольскому календарю двадцать первое мая приходится на пятнадцатый день четвертой луны. Число пятнадцать ламами определено как счастливое для меня. Я надеюсь на мистику и на лам. А более мне не на кого надеяться, я испытываю нужду буквально во всем, но к Семенову не обращусь. Личных отношений между нами теперь нет практически никаких. Я мог бы поддерживать связь с Семеновым по радио, но я не делаю этого – сейчас же посыпятся советы, приказания, указания – все это не нужно. Что нужно – денег – все равно не дадут.

– Но, ваше превосходительство, атаман Семенов несколько раз присылал курьеров.

– Присылал, – сказал барон раздраженно, – присылал со всякими глупостями: то не трогать евреев, торгашей, то не обижать бурятских беженцев, его родственников по отцу, то не вмешиваться в дела Монголии, дабы не раздражать китайцев. Ныне я веду абсо-

лотно самостоятельную политику, хотя по-прежнему ношу на погонах литеры АС - Атаман Семенов.

86. Сцена

На площади выстроены были мобилизованные. Среди них много пожилых людей, даже стариков. Барон пошел вдоль строя, расспрашивая о возрасте, занятиях, военных навыках. Я делал пометки в блокноте.

– Выгребаем остатки способных носить оружие, – сказал барон, когда мы ехали назад в штаб, – из двухсот мобилизованных годных не более полусотни.

87. Сцена

Когда я вошел в штабную комнату, Вера и Ружанский быстро отпрянули друг от друга. Вера торопливо поправила прическу. К счастью, барон задержался, вступив в какой-то разговор с казначеем дивизии Бочкаревым. Войдя в комнату, он сел на стул и спросил:

– Кончили работу?

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил Ружанский.

– Читайте.

– Революционная мысль, льстя самолюбию народному, – начал читать Ружанский, – не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству и грабежу.

– Вы читайте, – прервав Ружанского, обратился барон к Вере, – текст вами напечатан, читайте по печатному тексту.

– Тысяча девятьсот пятый год, – начала читать Вера, – а затем шестнадцатый и семнадцатый годы дали отвратительный преступный урожай революционной свободы. Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздалыми. Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, дело разрушения было доведено до конца. Россию надо строить заново по частям.

Вера замолкла.

– Продолжайте, отчего вы остановились? – недовольно спросил барон, который слушал свой текст, закрыв глаза ладонью.

– Дальше на другом листе, – сказала Вера.

Она начала искать напечатанное в ворохе бумаг.

– Ну, в чем дело? – раздраженно спросил барон. – Нашли, наконец?

– Нашла, – сказал Вера, – тут у вашего превосходительства не совсем понятно...

– Текст вашего превосходительства в этом месте правился, – сказал Ружанский.

– Читайте! – раздраженно повторил барон

– Россия должна принять за образец родоплеменной строй, – прочла Вера.

– Вы пропустили целую фразу, – сердито сказал барон. – “Что касается общих принципов государственного строительства, то, учитывая прошлый печальный опыт, Россия должна...”, – читайте!

– Простите, ваше превосходительство, фраза впечатана сверху, – испуганно сказала Вера и прочла: “Что касается общих принципов государственного строительства, то, учитывая прошлый печальный опыт, Россия должна принять за образец родоплеменной строй кочевников и устроить внутреннюю жизнь по рекам...”

– Что?! – завопил барон и, подбежав, вырвал лист. – По рекам?? Что вы напечатали? Если бы я не проверил, этот абсурд распространился бы как мои мысли. Обо мне и так уже пишут всякие пробольшевицкие газеты в Харбине как об утописте с безумной логикой.

– Ваше превосходительство, – попробовал вмешаться Ружанский, – в тексте тяжелая правка.

– Правка?! – кричал барон. – У меня было написано *по родам*, я исправил *по расам*, “устроить внутреннюю жизнь *по расам*”, вы напечатали по рекам, вы любовными шашнями занимались, а не работой!

И вдруг он несколько раз изо всей силы ударил Веру ладонью по лицу. Из носа полилась кровь.

– Я научу вас дисциплине, негодяи! – яростно вопил барон. – Тебя! – переходя на “ты”, обратился барон к Вере, – отправлю назад в госпиталь сиделкой, а тебя, – повернулся он к Ружанскому, – в строй на фронт. У нас старики в строю, а ты, молодой здоровяк, устроился в штабе, тоже, кстати, по ходатайству окружения Семенова. Он какой-то родственник жены Семенова. В строй! – закричал барон. – Вон пошли оба!

Ружанский и Вера торопливо вышли.

– Мне известно позорное стремление многих офицеров и солдат устраиваться при штабах, на нестроевые должности, а также в тыловые войсковые части, – сердито продолжал барон. – Против

этого необходимы самые неуклонные меры пресечения. В штабы и на нестроевые должности назначать по возможности лиц действительно неспособных к бою. Это надо вписать в приказ особым пунктом. Вы, есаул, займитесь приказом.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – ответил я.

88. Сцена

Все случившееся было вполне в духе барона. Но никто, в том числе и сам барон, не предполагал, что кончится очередной скандал новой ужасной трагедией. Восстановить отдельные подробности этой трагедии можно лишь частично и предположительно. Впрочем, начало я слышал весьма явно. Ружанский жил в небольшой комнатушке рядом со мной, и, вернувшись вечером из штаба, я услышал доносившиеся оттуда истеричные женские рыдания, судя по всему, принадлежавшие Вере.

– Сил моих нет, – сквозь рыдания говорила Вера, – меня секли, как последнюю девку. Теперь по лицу хлещут, муж от позора убил себя, я тоже не могу больше, я убью себя.

– Вера Аркадьевна, – слышался прерывистый голос Ружанского, – Вера, Верочка, я люблю тебя страстно. Надо выдержать, я постараюсь добиться перевода в Читу к Семенову. Я по матери Терсицкий, жена Семенова – моя кузина, мне помогут, надо потерпеть.

– Сколько терпеть?

– Месяц, два.

– Месяц-два? Это целая вечность. Два месяца жить среди палачей. И потом еще я знаю обстановку – нас не выпустят живыми. А так хочется жить, – она заговорила шепотом по-французски.

Он отвечал ей по-французски также шепотом, видно, догадались, что я вернулся домой. Затем голоса вовсе замолкли. Утомленный, я лег спать. Но сцена у Ружанского продолжалась. Ее отчасти удалось в дальнейшем восстановить мне по рассказам.

– Вырваться б из Урги в Китай, – говорила Вера, – к цивилизации, к морю, к железным дорогам, поехать в Шанхай, оттуда в Европу, я давно мечтала об этом... Многие русские беженцы мечтают об этом, но сумасшедший барон под страхом смерти никому не разрешает покидать Монголию.

– Я помогу тебе, Верочка, мы уедем.

– Как ты мне поможешь, Мишель, нет иного пути спасения, кроме самоубийства.

– Не говори так, Вера, ты терзаешь мне сердце. – Он обнял ее и начал страстно целовать.

– Вера, ради тебя я готов на все. У меня есть идея. Смотри, вот у меня имеются две написанные карандашом записки барона, записки о получении со склада продовольствия и фуража. Я оставлю только подписи барона, все остальное я сотру.

Он торопливо присел к столу и принялся за работу: вытер резинкой текст и осторожно вписал новый.

– Я умею подделывать почерк, не правда ли почерк барона?

– Правда, не отличишь, – сказала Вера.

– Теперь в одной записке предписывается выдать мне крупную сумму денег, а в другой – оказывать всяческое содействие в моей командировке в Китай вместе с госпожой Голубевой.

Ружанский засмеялся.

– Вера, мы будем с тобой жить в Париже, будем ходить в ресторан “Максим”.

– Господи, неужели кончится кошмар? – сказала Вера. – Мишель, надо спешить, ты должен сейчас идти. К Бочкареву, зная его характер, лучше всего идти вечером, он побоится так поздно беспокоить штаб.

89. Сцена

Бочкарев долго хмуро разглядывал записку.

– Отчего писано карандашом? – спросил он.

– Это узнаете у его превосходительства, – ответил Ружанский. – Его превосходительство часто пишет карандашом.

– Распишитесь, – сказал Бочкарев и полез в сейф за деньгами.

90. Сцена

Вернувшись домой, Ружанский высыпал деньги на стол перед Верой.

– Милая, – сказал он, радостно обняв ее, – милая, Бог нам помог, мы спасены. Любимая, славная моя, роскошная моя женщина, прекрасная моя.

Он начал жадно целовать ей руки, ноги, лицо.

– Мишель, – сказал Вера, освобождаясь из его объятий, – у нас впереди будет много времени, теперь надо спешить. Лучше всего, если мы выедем из лагеря порознь. Я поеду в госпиталь и буду

там тебя ждать. Это не вызовет подозрений, барон меня туда послал. Ты заедешь за мной.

– Я уеду после дивизионной вечерней молитвы, – сказал Ружанский. – Если меня не будет на вечерней молитве, то это вызовет подозрение. Выпьем за удачу, у меня остался коньяк.

Он вынул бутылку из шкафа, разлил.

– За удачу и нашу любовь, – сказала Вера.

Они выпили и поцеловались.

91. Сцена

Утром, придя в штаб, я застал скандал в разгаре. На барона страшно было смотреть. Перед ним стоял Бурдуковский и бледный Бочкарев.

– Бежали? – кричал барон. – Подлецы, дураки, я тебя велю сечь до крови, – кричал барон казначею.

– Ваше превосходительство, – бормотал казначей Бочкарев, – опасался ночью беспокоить ваше превосходительство.

– Утром он прибежал ко мне, – сказал Бурдуковский, – доложил о своих подозрениях. Подлог раскрылся. Однако, ваше превосходительство, записка, верно, мастерски подделана.

– Фальшивомонетчики, воры, подлецы, – чуть ли не стонал от ненависти барон, – схватить подлецов!

– Ваше превосходительство, – сказал вошедший Сипайлов, – по какой дороге искать беглецов выяснилось быстро. Ружанский не может миновать поселок Бравенхат, там его ждет Голубева.

– Арестовать ее немедленно! – закричал барон. – Арестовать ее и Ружанского и доставить их в штаб! Я клянусь порадовать своих людей такой казнью предателей, что сам дьявол в своей мрачной преисподней содрогнется от ужаса.

92. Сцена

Мне пришлось по приказу барона участвовать в аресте Веры Голубевой. Точнее, арестовывали Сипайлов и Бурдуковский, я же присутствовал. Вера восприняла свой арест спокойно, так показалось, во всяком случае: села на стул, опустив голову.

– Будем ждать вместе твоего женишка, – захихикал Сипайлов. – Давно уж должен быть. Видно, в темноте заплутал, сбился с дороги. Полтора часа ждем.

Наконец, показался Ружанский, его окружили, сбили с коня, связали. Связали Веру. Обоих, бросив в телегу, повезли.

93. Сцена

– Зачем ты это сделал, щенок? – закричал барон Ружанскому, когда того поставили перед строем дивизии. – Ты изменил своему Отечеству, ты изменил присяге, ты изменил государю.

– Я это сделал ради любимой женщины, – пробормотал разбитыми губами Ружанский.

Перед строем дивизии выстроили женщин.

– Ваше превосходительство, – сказал Бурдуковский, – я велел привести всех служащих в госпитале и в швальне и прочих местах женщин, чтобы они смогли в желательном смысле влиять на помышляющих о побеге мужей и прочих мужчин.

– Кара будет ужасной, – сказал барон. – Перебить ему ноги, чтоб не бежал.

Ружанскому прикладом перебили ноги.

– Перебить ему руки, чтоб не крал.

Ружанскому перебили руки. Первый раз Ружанский только застонал, а второй раз страшно закричал. Вера лишилась сознания.

– Привести ее в чувство, – велел барон. – Пусть присутствует при казни любовника.

На Веру вылили ведро воды и силой заставили подняться на ноги. Стоять она не могла, ее держали.

– Повесить Ружанского на вожжах в пролете Китайских ворот, – велел барон.

– Ваше превосходительство, какую петлю делать, – спросил Сипайлов, – чтоб сразу умер или чтоб помучился перед смертью?

– Пусть мучается! – крикнул барон.

Ружанский дергался, захрипел в петле. Тело извивалось в конвульсиях.

– Бедный мальчик, – прошептал стоящий рядом со мной Гущин, – еще одна жертва этой дьявольской женщины.

– Но ведь и несчастная женщина страдает, – возразил я.

– Пусть страдает, мне ее не жалко, она получила свое.

– Преступную соблазнительницу отдать казакам и вообще всем желающим, – объявил барон. – В принципе, я никогда не попустительствовал изнасилованиям, однако эту женщину ничем иным наказать нельзя.

– Увести в юрту, – распорядился Бурдуковский.

Возле юрты образовалась очередь казаков. Выходящие из юрты казаки застегивали ширинки и перекидывались шуточками с ожидающими.

– Я тоже воспользуюсь своим правом, – сказал Гушин.

– Ты, Володя?! Ты хочешь стать насильником, – удивленно спросил я.

– А чем я хуже других? – ухмыльнулся Гушин.

– Но ведь это скоты, – сказал я. – Тебя я считал порядочным человеком, тебя я считал своим другом.

– Эта женщина погубила многих и должна быть наказана, – сказал Гушин, направляясь к очереди.

– Я не желаю тебя больше знать, – крикнул я ему вслед. – Как дворянин и как офицер, я вызываю тебя на дуэль. Ты подлец и негодяй еще хуже, чем остальные.

– Я принимаю твой вызов. Стреляться будем после окончания войны.

Насвистывая, он пошел к юрте.

Первоначально из юрты доносились крики Веры. Потом она затихла. Умолкли и шуточки казаков. Все происходило в тишине. У юрты оставалось всего несколько человек из тех, кто воспользовался правом насилия. Большинство солдат и офицеров остались в строю. Я подошел к юрте и, когда настала моя очередь, вошел. Первое, что я увидел, были расширенные безумные глаза Веры. Она лежала на койке растерзанная. Глядя молча куда-то вверх мимо меня, тяжело с надрывом дышала. Подойдя, я стал перед ней на колени и прикоснулся губами к ее сухой горячей руке. Вера продолжала смотреть мимо меня и тяжело дышать. Я одел Веру и, обняв за плечи, как ребенка, вывел из юрты. Подбежал Бурдуковский.

– Куда ты Голубеву ведешь? Барон приказал немедленно преступницу пристрелить.

– Я забираю ее к себе, – сказал я и вынул маузер. – Застрелю всякого, кто захочет помешать мне воспользоваться своим правом, всякого! – закричал я, ибо нервы мои не выдержали.

Видно, в лице моем было нечто, Бурдуковский уступил мне дорогу. К тому же многие солдаты и офицеры смотрели на меня явно одобрительно, а один из офицеров сказал:

– Ваше превосходительство, есаул Миронов может распоряжаться своим правом, как ему хочется.

– Ну и черт с тобой, – сказал барон. – Бери ее себе, если тебе хочется. Если ты не сконфужен этой опозоренной дрянью. Остальным разойтись, приготовиться к занятиям.

И он ускакал, сопровождаемый Сипайловым и Бурдуковским.

– Господин Миронов, – подходя, сказал доктор, – позвольте пожать мне вашу руку. Я увезу госпожу Голубеву в госпиталь.

– Спасибо, доктор, но я хочу отвести госпожу Голубеву к себе домой.

– Понимаю, – сказал доктор, – я приеду туда.

94. Сцена

Всю ночь Вера металась в бреду. Я сидел возле ее постели.

– Светло как, – бормотала она, – жарко, луна светит, дождь, я хочу дождя...

Я мочил в воде тряпочку и клал ей на горячий лоб.

– Дождь, – говорила она, – дождь, мама, помоги мне, я хочу гулять под дождем.

Я снова смачивал тряпочкой ее воспаленный лоб.

Заехал доктор с медицинскими препаратами. Тело Веры было все в синяках и кровоподтеках. Я впервые видел тело Веры обнаженным, но не испытывал никаких вожделений, а лишь жгучее чувство сострадания, как к больному ребенку. Под утро Вера, наконец, заснула, тяжело дыша. Я прикорнул рядом на стуле. Проснулся, словно от толчка. Вера смотрела на меня осмысленным взглядом. Лоб ее был в испарине.

– Николай Васильевич, – прошептала она слабым голосом, – как я хотела умереть в эту ночь, отчего вы не дали мне умереть, для чего, Николай Васильевич?

– Для нашей новой жизни под новым небом, как сказано у пророка Исайи, – ответил я.

– Коля, я большая грешница, достойна ли я этого нового неба? Я великая блудница, разве ты не брезгуешь мной?

Я поклонился и поцеловал ее в лоб.

– Поцелуй меня в губы, – сказала Вера.

Я поклонился и поцеловал ее в холодные губы.

– После матери моей ты теперь самый близкий мне человек, – сказала она. – Но неужели Господь простит мои великие грехи?

– Господь милостив, – ответил я, – все мы, живые люди, грешны, за исключением злодеев, которые не чувствуют сердцем своим греха. Злодеям нет Божьего прощения.

95. Сцена

Через несколько дней, когда Вера окрепла, я проводил ее в небольшой монастырь при русской консульской церкви.

– Будь осторожна, оставайся незамеченной, – сказал я ей на прощанье. – Барон может опомниться и передумать.

– Ты будешь приходить ко мне? – спросила Вера.

– Пока я в Урге. Скоро мы выступаем в поход на Сибирь.

– Я буду ждать тебя.

– Я вернусь к тебе, если меня не убьют.

– Я буду горячо молиться за тебя.

– Я тоже буду молиться за нас.

Мы обнялись и долго стояли обнявшись. Слезы наши смешались.

96. Сцена

– Ваше превосходительство, – докладывал в штабе Бурдуковский, – в Монголии создано монгольское революционное правительство. Премьер Бодо, переводчик при русском консульстве, военный министр Сухэ из ургинской офицерской школы.

– Монголы – большевики? – закричал барон. – Абсурд! Монголы понятия не имеют о подлом учении Маркса. Это действуют бурятские беженцы с помощью русских большевиков и местных либералов.

– Есаул! – обратился он ко мне. – Записывайте циркуляр: “Выгнать бежавших из России бурят числом шестьсот юрт. Они совершенно развращены большевиками и распространяют их подлое учение.” Я тут их кончу, а стада отберу для войска, – добавил барон. – Особо громить те монастыри, где ламы и послушники развращены большевизмом, проповедуют дьявольское учение. Вы, есаул, будете при карательном отряде Тубанова.

97. Сцена

Опять, как во время еврейского погрома, пришлось мне присутствовать и стать свидетелем кровавой бойни. Тубанов разгромил

один из монастырей и вырезал или повесил поголовно всех лам, не пощадил даже монголов-послушников, стоявших перед ним на коленях. До сих пор звучат их раздирающие вопли о пощаде. Мальчики-послушники, упав на колени, протягивали руки с искаженными ужасом смерти лицами:

– Найон, найон, – кричали они, – пощади, найон!

Горяча коня, Тубанов сказал на ломаном русском языке:

– Вешай всех и резай.

Сверкнули клинки. Я отвернулся. Некоторые офицеры от-
вернулись, другие уставились в землю, один офицер шепнул мне:

– Надо положить конец этому кошмару.

98. Сцена

В Кяхте, в глухом дальнем монгольском городе, Сухэ принимал парад.

– Красномонгольские церики, – говорил он, – всякий, кто беззаветно любит наш несчастный народ, должен подняться против барона. Монгольский скот угоняют для прокорма белому барону. Тех монголов, кто приехал в Ургу по торговым делам или поклониться ургинским святыням, белый барон велит хватать прямо на улице в свое войско, белые бароновцы разоряют кочевья, грабят наши караваны. У нас, у монголов, белый цвет – знак несчастья и траура. Белые дьяволы обречены. Мы приступаем к созданию красных кочевий и отрядов под красным знаменем революционного буддизма.

Вперед выехал знаменосец с красным знаменем, на котором была изображена черная свастика. Приволокли захваченного в плен, связанного казачьего вахмистра.

– По древнему обычаю белый казак своей кровью освятит наше революционное красное монгольское знамя, – сказал Сухэ.

Закричав, монголы подняли вверх сабли. Один из монголов рассек казаку грудь, вырвал трепещущее сердце и съел его. Знаменосец обмакнул древко знамени в текущую кровь.

– Послушаем, что скажет нам представитель Коминтерна в Монголии товарищ Борисов, – объявил Сухэ.

Борисов, стараясь, не смотреть на человеческое жертвоприношение, произнес несколько слов дрожащим голосом:

– Красные монголы! По всей территории аймаков надо провозгласить революционный строй. Революционная Монголия, ми-
нуя прежние века с их темнотой и суевериями, смело шагнет в век

двадцатый. После победы над бароном Унгерном надо сместить Богдо Гэгена и установить социалистическую республику.

– То, что я сейчас слышал, я не хочу слышать второй раз, – сказал Сухэ. – Красная Халка останется монархией, товарищ Борисов. Она останется с Богдо Гэгеном. А если русские большевики думают иначе, то придется обойтись без ваших услуг.

– Мы лишь предлагаем, – сказал Борисов, – решать будет монгольский народ.

– Во всех бедствиях Монголии виноват не Богдо Гэген, а белый барон, – сказал Сухэ. – Под Улясутуем люди барона сдвинули с места древний камень и выпустили на свободу придавленных им злых духов. Этих духов загнал туда один из прежних Богдо Гэгенов, но белый барон своротил этот камень. Белые совершили возле него убийство, чем разрушили заветное. Духи разлетелись по Монголии, сея смерть и разрушение. Наступившие смутные времена доказали, что пришествие Майдари не за горами. Красная Монголия станет страной Майдари.

– Пусть вечно живет Красная Монголия! – хором закричали церики.

– Я поздравляю вас с новыми чувствами, – сказал Сухэ.

Заиграла монгольская музыка. Церики двинулись парадом мимо Сухэ и Борисова, стоявших под красным знаменем с черной тибетской свастикой.

99. Сцена

– Я красномонгольские части Сухэ за противника не считаю, – говорил в штабе барон. – Большевики не решатся на прямую интервенцию в Монголию, пока белые владеют Приморьем. Москва не осмелится вступить в открытый военный конфликт с Пекином, неизбежный при вторжении в Монголию. В Китае Цан Жолин в конце концов придет к мысли объединиться со мной для совместной борьбы с южнокитайскими революционерами. Но почва под ногами у нас колеблется. Почва колеблется из-за другой проблемы. Это вечная проблема завоевателей, которую два столетия назад выразил шведский король Карл XII. Когда шведский король гонялся за королем польским, он вынужден был прекратить погоню из-за недостатка продовольствия. Он в ярости упал с коня на землю, вырвал клоч травы и начал ее жевать, крича: “О, если бы я мог научить моих солдат питаться травой! Я был бы властителем мира.” Я испытываю ныне такие же чувства. Жалование солдатам и офицерам мож-

но платить, когда деньги есть, но кормить их надо всегда. Во сколько обходится суточное содержание всадника с конем? – обратился он к Сипайлову.

– Не могу знать, ваше превосходительство, – ответил Сипайлов. – Мы проводим реквизиции.

– Проводишь реквизиции? Чтобы еще больше ухудшить мои отношения с монголами, такие безоблачные вначале. Болван! – яростно закричал барон и ударил Сипайлова по лицу.

– Дедушка сердится, – угодливо захихикал Сипайлов. – Мне скрыться негде. Если прогонит дедушка, одна дорога – пуля в лоб.

– Это правда, – помятче сказал барон, – тебе, как и мне, петля грозит везде. У колчаковцев, у красных, у китайцев. Приказываю тебе, как коменданту Урги, приготовить вместе с казначейством финансовую стоимость содержания войска. Я поеду к Богдо Гэгену. После взятия Урги правитель Богдо Гэгена обязалось бесплатно снабжать нас, но сроки оговорены не были. Монголы не предполагали, что мы останемся здесь надолго. Надо оговорить сроки с министрами. С министрами я хочу говорить о деле. А Богдо нанести визит без определенной цели. Просто проверить нашу душевную близость.

100. Сцена

На автомобиле барон в моем сопровождении прибыл к воротам зимней резиденции на берегу Толы. Ламы провели нас в тронную залу Зеленого дворца. В большой палате царил полумрак, в глубине ее стоял трон, сейчас пустой. На сидении лежали желтые шелковые подушки. Обивка трона была красной с золотой каймой. По обеим сторонам тянулись ширмы с резными рамками из черного дерева, а перед троном находился низкий длинный стол, за которым сидели министры.

– Восемь благородных монголов слушают тебя, белый барон, – произнес лама, сопровождавший барона. Министры и высшие князья Халки. Среди них Джалханцы-Лама, премьер-министр.

– Белый барон, садись рядом со мной, – сказал премьер-министр, – садись в это кресло.

Барон уселся в кресло. Я уселся в стороне на стул. Сев, барон произнес речь.

– В ближайшие дни, – сказал барон, – покидаю я пределы Монголии для борьбы с большевиками и поэтому призываю вас, министров, самим защищать свою свободу, добытую мной для потомков Чингиз-Хана. Ибо душа великого Хана продолжает жить и

требует от монголов, чтоб они снова стали народом могучим и самостоятельным, соединив в одно целое среднеазиатские государства, которыми некогда правил Чингиз-Хан.

Во время речи министры с застывшими лицами смотрели на барона. После окончания речи они остались неподвижны. Наступила длительная пауза.

– Джалханцы-Лама, – сказал, наконец, барон, – тут расчеты по снабжению моего войска.

Он взял у меня бумаги.

– Суточное содержание всадника с конем обходится по местным ценам в один китайский доллар. Для трех тысяч всадников это сто тысяч долларов ежемесячно, – сказал министр, – такая ноша для монголов тяжела, белый барон. Мы благодарны тебе, однако мера благодарности давно исчерпана.

– Но ведь кормиться надо... – не выдержал барон, – дивизия не может сидеть без мяса, придется грабить. Если бы я мог прокормиться сам или одеть на мародеров шапки-невидимки.

– У нас есть сообщения, что казаки давно мародерствуют и грабят кочевья, – сказал министр. – Этим пользуются большевики и красномонголы в своей агитации.

– Я и мое войско всегда были опорой престола, – сказал барон. – Здесь же среди столичных служащих без всякой заинтересованности относятся к моим планам. Деньги и гурты скота заслонили великие задачи Монголии и угрожающую ей опасность. Богдо Гэгену следует иметь вблизи себя безусловно честного, горячего, любящего Монголию и ее народ человека. Таким человеком был я сам со своим отрядом, верной, безукоризненной в своей стойкости опорой престола.

– Благословляю тебя, белый барон, – сказал Джалханцы-Лама и возложил на голову барона руки. – Проводите гостей в рабочий кабинет Богдо Гэгена.

101. Сцена

В кабинете Богдо нас встретили два ламы-секретаря. Комнаты были обставлены просто: китайский лакированный столик с письменным прибором и шкатулкой, где хранились государственные печати, низкое кресло, бронзовая жаровня с железной трубой, за креслом маленький алтарь с позолоченной статуей Будды. Пол устлан пушистым желтым ковром, на стенах изображения знаков свастики, тибетской свастики, монгольские тибетские надписи.

– Его высокопреосвященство молится в соседней комнате, – сказал лама-секретарь. – Там происходит беседа между Буддой земным и Буддой небесным.

Мы ждали полчаса. Наконец, появился Богдо, одетый в простой желтый халат с черной каймой. Он вошел, как входят слепые, подняв голову.

– Кто здесь? – спросил Богдо у секретаря.

– Хан дзянь-дзинь, барон Унгерн и с ним сопровождающий, – ответил лама-секретарь.

Богдо подошел к барону и о чем-то заговорил с ним шепотом по-монгольски.

– Ваше высокопреосвященство, – сказал барон после того, как они пошептались, – прошу вас вместе со мной прочесть молитву “Ом мани надме хум”.

Оба вслух прочли молитву. Затем барон встал и склонился перед Богдо. Тот возложил руки ему на голову, продолжал говорить молитву. Потом снял с себя тяжелую иконку и, повесив ее на шею Унгерну, сказал:

– Ты не умрешь, а возродишься в высшем образе живого существа. Помни об этом, возрожденный бог войны Хан благородной Монголии.

– Я начинаю поход на Север по примеру Чингиз-Хана, – сказал барон.

– Возьми этот рубиновый перстень со свастикой, – сказал Богдо. – Его носил сам Чингиз-Хан.

Богдо одел перстень на палец барону.

– Твоя слава возвысилась наравне со священной горой Сумбурулы, столпом мироздания, местом обитания богов, – сказал Богдо.

Богдо вместе с нами вошел в зал к министрам и сел на трон.

– Когда ты двинешься к русской границе, во всех храмах Цогзина и Гандана будут служить молебны о даровании тебе победы.

Барон еще раз поклонился и, сопровождаемый ламами, вышел из дворца. Я на короткий срок задержался, чтоб взять некоторые из бумаг по снабжению дивизии у монгольского чиновника. Вдруг чиновник этот резко и грубо спросил меня:

– До каких пор русские будут сидеть у нас на шее? – и, обернувшись к Богдо, спросил. – Ваше превосходительство, сколько это будет продолжаться?

– Надо молиться за победу белого барона, – ответил Богдо. – В победе белого барона – единственный способ избавиться от него. От поражения барона ничего хорошего Монголии ждать не приходит-

ся. В таком случае или он сам вернется обратно, или на смену ему придут красные. Победив, белый барон навсегда останется в России.

Я понял, это начало конца. Мы больше здесь не нужны. Азия говорит грубо и резко только в том случае, если чувствует за собой силу.

102. Сцена

Перед строем дивизии барон читал приказ номер пятнадцать: “Силами моей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков, уничтожены их вооруженные силы, оказана сильная помощь объединению Монголии и восстановлению ее законного державного главы Богдо-Хана. Монголия по завершению указанных операций явилась естественным исходным пунктом для начинающегося наступления против красной армии советской Сибири. Отряды дивизии должны находиться вдоль всей русско-монгольской границы. И таким образом наступление будет проходить по широкому фронту. Скоро в уссурийском крае выступит атаман Семенов при поддержке японских войск. Я подчиняюсь атаману Семенову. Сомнений нет в успехе, так как он основан на строго продуманном и широком политическом плане. Наша Родина должна быть освобождена. Врагов ее: комиссаров, коммунистов и евреев – уничтожать вместе с семьями. Все их имущество конфисковать, суд над виновными может быть или дисциплинарный, или в виде применения разнородных степеней смертной казни. В борьбе с преступными разрушителями и осквернителями России, помните, что по мере совершенного упадка нравов в России, полного душевного и телесного разврата нельзя руководствоваться старой оценкой. Мера наказания может быть лишь одна: смертная казнь разных степеней. Старые основы правопорядка изменились. Нет “правды и милости”. Теперь должна существовать “правда и безжалостная суровость”. Зло, пришедшее на землю, чтобы уничтожить божественное начало в душе человеческой, должно быть вырвано с корнем. Ярости народной против руководителей и преданных слуг красных учений не ставить преград, помнить, что перед народом стал вопрос – быть или не быть. Единичным начальникам, карающим преступников, помнить об искоренении зла до конца и навсегда и о том, что справедливость – в неуклонности суда.”

Мы, солдаты и офицеры, молча слушали приказ. Особого энтузиазма на лицах видно не было. Когда чтение окончилось, один из офицеров сказал мне:

– Приказ слишком длинен, лучше бы сказал старый лозунг: “За веру, царя и Отечество!”

103. Сцена

Ночью в штабе на военном совещании барон говорил, склонившись над картой:

– Выступление против красных начать по следующим направлениям: Моденском направлении вдоль Яблоневого хребта, вдоль реки Селенги, затем вниз по реке Енисею и вниз по реке Иртыш. Конечным пунктом являются большие города, расположенные на магистрали Сибирской железной дороги. Удар в иркутском направлении наносит бригада Резухина.

– Ваше превосходительство, – сказал Резухин, – я предлагаю увеличить мою бригаду за счет монгольских и татарских частей, довести ее до численности дивизии, образовав тем самым ударную группу, которая будет двигаться по левому западному берегу реки Селенги через Селенгинск. Вы, ваше превосходительство, со всеми оставшимися у вас силами должны двигаться по западному берегу реки Орхон на Кяхту, где засели красные монголы Сухэ, потом на Троицкосавск, Верхнеудинск и далее в Забайкалье.

– Нет, – подумав сказал барон, – я отвергаю этот план. Перейдя границу, дивизия разделится на несколько отрядов. Каждый отряд будет действовать самостоятельно. Господа, наша надежда на успех – повсеместное восстание против советской власти. Будет громадный приток добровольцев.

– Ваше превосходительство, что делать с красными бойцами? – спросил один из офицеров.

– Командиров со взводного и выше – расстрел на месте, – ответил барон.

– Ваше превосходительство, – сказал полковник Марков, – подобные инструкции увеличат сопротивление красных.

– Мы идем, чтобы подавить такое сопротивление, господин полковник, – сказал барон.

– Ваше превосходительство, – сказал Марков, – вы слабо информированы о нынешней силе красной армии. Ныне она великолепно оборудована и технически оснащена. А у нас даже походных

кухонь и котлов нет, не говоря уже об артиллерии. Пушки только горные, многие негодные, при установке прицела на пять верст снаряды ложатся в версте. Пулеметов десятка два, винтовок и патронов хватает, но нет ни радиостанции, ни полевых телефонов. Штабных карт тоже нет.

– Когда мы брали Ургу, китайцы были побеждены моей вдесятеро меньшей армией. Это показывает бессмысленность ваших расчетов.

– Однако теперь мы объявили войну всей России, – сказал Марков.

– О какой России вы говорите, полковник? – сказал барон. – Я получил свежие газеты из Харбина. Там говорится, что в Красноярске женщин по карточкам выдают, и тому подобные сведения.

– Ваше превосходительство, можно ли, готовясь к военной операции, пользоваться сведениями харбинских газет? Вы в это верите? – спросил Марков.

– Все может быть, – неопределенно ответил барон. – Прежде всего я надеюсь не на русских мужиков-безбожников, а на казацкие станицы и бурятские улусы.

– В казачьих станицах и бурятских улусах к новой власти относятся без симпатии, но силу ее знают, – сказал Марков. – Воевать с ней никто не хочет, особенно в страдную пору.

– Кто не хочет, того мы заставим, – резко сказал барон. – В войне всегда надо верить случайности. Я не нуждаюсь в прочности, я нуждаюсь только в военном счастье. Я верю в случайность и удачу.

И, обернувшись к Сипайлову, добавил:

– Тебе, как остающемуся в Урге коменданту города, будет дан список лиц, подлежащих уничтожению после того, как войска покинут столицу. Перебить всех оставшихся в живых евреев и всех тех, кто не выказал должного патриотического усердия.

– Будет исполнено, ваше превосходительство, – хихикнул Сипайлов.

104. Сцена

Дивизия шла на север несколькими колоннами по речным долинам. В разгаре была монгольская весна, преобразившая суровые хребты северной Монголии. Ковер из белых и лиловых цветов покрыл склоны гор. Даже сам барон, вечно суровый, казалось, оттаивал от весеннего солнца.

– Погода чудесная, – сказал он мне, скакавшему рядом с ним. – Солнце, но не жарко. Из лощин тянет прохладой.

И он по-волчьи глубоко вдохнул воздух.

– До реки один переход, – добавил он, глядя на карту. – Надо выслать вперед квартирьеров для подготовки лагеря. Вы поедете с нами, есаул.

105. Сцена

Среди схавших в авангарде офицеров и солдат, несмотря на предстоящие бои, возможную смерть или ранение, царило хорошее настроение. Слышался смех и шутки.

– Что теперь будет делать барон? – сказал один из офицеров. – Как наказывать провинившихся? В Урге он сажал на крышу, в Забайкалье на лед, в пустыне ставил виновника за триста шагов от лагеря.

– В нынешней обстановке барон ничего не выдумает, – смеясь, ответил другой офицер.

Приехали на место у реки и начали разбивать лагерь.

– Однако, господа, – сказал офицер, – что-то гниет, запах тяжелый.

Начали искать и нашли павшую корову.

– Срочно закопать, – распорядился я.

– Ваше благородие, лопат нет, – ответил вахмистр. – Надо ждать прихода дивизии с обозом.

Барон подъехал в ином настроении, чем перед нашим расставанием, мрачный и злой.

– Срочно послать депешу Резухину, – сказал барон. – Тубанов разбит. Едва успел отступить. Он первый пересек границу и попал в засаду. Будем пробиваться всей дивизией в двух направлениях.

Вдруг он понюхал воздух и яростно закричал:

– Дежурного офицера ко мне!

Офицер подскочил к барону.

– Вонь! – снова заорал барон.

Офицер молчал.

– Бурятов ко мне!

Явились буряты.

– Выпороть его! – указав на офицера, закричал барон. – Двадцать пять ударов.

Офицера начали пороть. Чтоб не видеть в очередной раз такого зрелища, я ушел в свою палатку.

– Будешь теперь знать, что такое гигиена, – сказал барон.
– Я не виноват, – ответил офицер, – старшим был комендант бригады Миронов.

– Миронова ко мне! – понеслось по лагерю.

У меня замерла душа. Я быстро надел мокрые сапоги и пошел к барону.

– Заразу разводишь?! Понятия о санитарии не имеешь?

– Ваше превосходительство, корова павшая, ее зарывают.

– Марш на куст.

Около палатки барона стояло дерево. Я бросился к нему, стал быстро взбираться, скользя обратно, падая и снова взбираясь.

– Если ты сейчас же не залезешь, я пристрелю тебя, как котенка, – сказал барон.

Наконец, я забрался на самую вершину. Барон не унимался, продолжал кричать. Вскоре на соседних деревьях оказалось еще несколько офицеров, весь штаб. Наступил вечер. В лагере сыграли зорю. Провели проверку. Бивуак стал постепенно затихать. Штаб продолжал сидеть на деревьях. Наконец, Унгерн вышел из палатки.

– Миронов!

– Я, ваше превосходительство.

– Слезай и иди спать!

Обессиленный, я начал слезать, сорвался и упал.

– Ты ушибся? – спросил барон.

– Не извольте беспокоиться, – мрачно ответил я и, прихрамывая, пошел от дерева.

106. Сцена

Дивизия с боем прорвалась через границу. Красные отступали, но барон был зол и упрямым. Нас встречали пустые села.

– Рассылаются ли вербовщики? – обратился он к Бурдуковскому.

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил Бурдуковский. – Во все стороны рассылаются вербовщики, но волонтеров нет. Все, способные носить оружие, или мобилизованы, или скрываются в горах. В лучшем случае в селах остаются женщины, дети и старики.

– А казачьи станицы? – спросил барон. – Там живут самые верные казаки. На Селенге.

– И там, ваше превосходительство, ни один человек не присоединился.

– Не хотят воевать за правое дело, – сказал барон. – Народами завладел социализм, злейший враг мира на земле, так как смысл социализма – борьба. На борьбу мы ответим борьбой. В зависимости от исхода этой борьбы будущее поколение будет или славить или проклинать наши имена.

Впереди послышались частые выстрелы и оружейная пальба.

– Красные укрепились в селе Гусиноозерского монастыря, – доложили барону. – Силы их до двух батальонов с орудиями.

Барон выехал на холм и начал осматривать местность в бинокль.

– Обозу двигаться по дороге! – приказал он.

– На виду у красных? – удивленно переспросил один из офицеров.

– Да, на виду у красных.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – в обозе госпитальные подводы с ранеными...

– Исполнять приказ! – заорал барон. – Бурдуковский, взять в шашки каждого, кто не исполнит приказ. Обозу двигаться, чтоб отвлечь артиллерийский огонь от боевых частей.

Обезумевшие от выстрелов лошади понеслись галопом. С госпитальных подвод слышались крики и стоны раненых. Один из снарядов попал прямо в санитарный фургон.

– Теперь бросить вперед конницу, – сказал барон. – Большевики не успеют развернуть орудия.

Конница, скрытая за холмами, ворвалась в село. Начался рукопашный бой. Прижатые к берегу комиссары и командиры стреляли в себя. Командир батальона застрелился, войдя по горло в воду.

– Шикарно, – сказал барон. – Стреляют до последнего, а потом стреляют в себя. Берите пример. Этими людьми владеет дьявольская идея, но они ей преданы до конца. Как бы к ним ни относились, самоубийство – поступок человеческой чести.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – в данном случае это единственный способ избежать пытки. Четвертования или поджаривания на костре. Красный командир батальона застрелился, войдя по горло в воду, чтобы не надругались над трупом.

– Что ж, – ответил барон, – между нами идет беспощадная борьба, и они это знают, потому и стреляются на глазах у победителей. Каковы трофеи? – обратился он к Резухину.

– Нам досталась вся артиллерия, три пушки, – ответил Резухин, – захвачено около четырехсот пленных.

– В госпитале есть потери?

– Некоторое количество раненых убито шрапнельным огнем.

– Это неизбежные потери. Пленных построить. Я хочу по глазам и лицам определить, кто из них является красным добровольцем и коммунистом, а кто достаточно надежен, чтобы вступить в наши ряды.

Пленных построили, и барон молча прошел вдоль шеренги, указывая тростью то на одного, то на другого.

– Бурдуковский, – объявил он, – этих тут же уничтожить, изрубить шашками.

Началась расправа.

107. Сцена

В селе на площади перед оскверненной церковью без креста стояли на коленях жители села. Унгерн и Резухин подъехали верхом.

– Безбожники! – яростно закричал барон. – Большевиками осквернен ваш Божий храм, вы ж не послали ко мне ни одного добровольца!

– Ваше превосходительство, – сказал какой-то старик, – село не могло выставить никаких добровольцев, все, способные носить оружие, либо мобилизованы большевиками, либо отосланы на работы.

– Резухин, разберись с ними, – обратился барон к Резухину и поскакал прочь.

– Немедленно выдать коммунистов и членов сельсовета! – закричал Резухин.

– Господин генерал, – сказал старик, – все, кто связан с сельсоветом, скрылись при первых звуках боя.

– А ты кто?

– Я, ваше превосходительство, староста села.

– Староста села? – яростно закричал Резухин. – Бить его палками! Он тайный большевистский агент и шпион.

– Ваше превосходительство, – забормотал старик, – мой зять и два племянника служат добровольцами в Приморье у белых.

Это вызвало особую ярость Резухина.

– Послал к колчаковцам!? К нам не послал! Бить его, пока не лишится сознания!

Наступила ночь. В темноте были слышны крики и стоны. Мы молча слушали их в палатках.

– Резухин старается подражать барону, – сказал один из офицеров. – Недаром его называют *бледная тень барона*.

– Все помощники и прихвостни барона стараются ему подражать, стараются превзойти своего хозяина в жестокостях и зверствах, – сказал Марков. – Это позор служить с ним вместе белой идее.

– А ей ли они служат?

– Тихе, господа, Бурдуковский неподалеку, – сказал я.

Действительно, скоро послышались шаги и голос Бурдуковского.

– Господа, нами захвачена учительница местной школы, коммунистка по данным контрразведки. Генерал Резухин приказал зарубить ее, но перед смертью изнасиловать, не желаете ли, господа?

– Насилуй сам со своими контрразведчиками, – ответил Марков.

– Как хотите, – сказал Бурдуковский, удаляясь.

– Палачи, – сказал Марков, – никакого понятия о солдатской чести. Мы же, профессиональные военные, дворяне, Георгиевские кавалеры, должны им прислуживать да еще брать на себя пролитую ими безвинную кровь.

– Крики старика стихли, – сказал я, – пойду, может, чем-то помогу несчастному.

То, что я увидел, выглядело картиной сатанинского кошмара. Голое тело старика лежало на тлеющих углях лагерного костра. Рядом стоял Веселовский с ординарцами.

– Отливали водой, – усмехаясь, сказал Веселовский, – но в чувство не привели. Тогда его превосходительство велели положить в костер.

– Веселовский! – послышался крик Резухина.

– Я, ваше превосходительство.

– Оттащить тело подальше в кусты и там прикончить! – Он зевнул. – Устал однако. Спать пойду.

На рассвете раздался крик часового. Мы выскочили из палаток. Обгоревшее, лишенное кожи тело ползло по дороге. Нас всех, не исключая Резухина, охватил невольный суеверный ужас. Наконец, Резухин, опомнившись, закричал:

– Прикончить и закопать старика!

Старика застрелили.

– Веселовскому за невыполнение приказа три часа провести на сосне, – добавил Резухин.

Веселовский полез на сосну.

108. Сцена

Минуло несколько месяцев. Дивизия двигалась в глубь Забайкалья. В начале августа на одном из привалов, разглядывая штабную карту, барон говорил:

– Отсюда, от северной оконечности Гусиного озера до Верхнеудинска верст семьдесят. Два дневных перехода. По сведениям, там у большевиков начинается паника. Город объявлен на осадном положении. Однако, прежде всего я стремлюсь перерезать транссибирскую магистраль. Моя цель не Верхнеудинск, а станция Мысовая.

– Ваше превосходительство, – сказал полковник Марков, – но к станции Мысовая ведет узкая долина. В сопках по обеим сторонам ее засела красная пехота. Красные уже опомнились, и теперь они не спеша нас окружают. Сзади Щетинкин со своими конными партизанами, с севера движутся шесть пехотных полков, кубанская дивизия в тысячу сабель, отряд ЧК и еще новые части перебрасываются по железной дороге из Иркутска.

– Сколько всего? – спросил барон.

– До пятнадцати тысяч, – объявил Марков. – Соотношение то же, что и при взятии Урги. Но противник, ваше превосходительство, далеко не тот. В этом вы имели возможность убедиться.

Послышался рев моторов.

– Аэропланы! – закричали вокруг. – Японские аэропланы!

– Вы не учитываете Семенова и японцев, – сказал барон.

– Ура японцам! – кричали казаки.

Аэропланы развернулись, и вдруг оттуда посыпались бомбы и ящики со стрелами. Началась паника, особенно среди монголов. Ряды дивизии смешались. С сопки открыла ружейный и пулеметный огонь красная пехота. Барон с ташуром в руке пытался остановить бегущих и был легко ранен в руку. Лишь к ночи стрельба стихла.

109. Сцена

В лесистой местности, примерно в двадцати верстах от сражения, у костра собрались офицеры штаба. Гарон с перевязанной левой рукой утрюмо сидел на древесном пеньке. Докладывал начальник штаба Марков.

– Ваше превосходительство, дивизия уменьшилась на несколько сот человек. Точные потери подсчитываются. Потеряна часть обоза и вся артиллерия. Мы зажаты меж сопками, конница развернуться не может на узком пространстве и бессильна против стрел-

ков на горных склонах. Красные, притворно отступая, заманили нас в сопки. Свою ошибку мы поняли слишком поздно. Однако, ваше превосходительство, можно еще отступить.

– Нет, – подумав сказал барон, – я не сделаю этого принципиально. Будем атаковать, прорываться к магистрали, откуда должны подойти японцы.

Между тем, рассвело.

– Жара и ясное небо сменились густой облачностью. Аэропланы не летают, разведка затруднена. Воспользуемся этим. Готовьтесь к конной атаке. Большевики не ожидают, что, окруженные, мы атакуем.

110. Сцена

Конная атака опрокинула красные стрелковые цепи. Сам барон, скакавший впереди, уже видел, как перепуганные красные артиллеристы в панике рубят постромки орудий. Однако, внезапно появились бронемашины и открыли огонь по всадникам Унгерна.

111. Сцена

Остатки дивизии стремительно уходили от преследования.

– Только теперь я понял, что один, – говорил барон. – Со слов перебежчиков, пленных и местных крестьян мне стало окончательно ясно то, что я в Забайкалье один, как перст. Ни Семенова, ни японцев.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – по некоторым сведениям, Семенова и японцев нет и в Чите. Чита капитулировала. Сам атаман бросил свою еще сражающуюся армию и на японском самолете улетел в Маньчжурию.

– Я этому вполне могу поверить, – сказал барон, – это похоже на Семенова. Признаться, только теперь я несколько упал духом. Тем не менее нас большевики окружить не смогли. Главное – вовремя достичь переправ и уйти в Монголию.

– Есть сведения, ваше превосходительство, красные монголы Сухэ движутся к Урге.

– Только бы вовремя добраться в Монголию, – сказал барон. – После чего не составляет труда свергнуть Сухэ с его коминтерновскими помощниками.

112. Сцена

Следующим утром дивизия достигла пограничной реки.

– Переправляться вплавь на спинах лошадей! – приказал барон.

Сотня за сотней кидалась в реку.

– Ваше превосходительство, – сказал полковник Марков, – нельзя ли разыскать лодки-дубленки? Бойцы просят ими воспользоваться. Некоторые тонут.

– Я сказал: переправляться на лошадях вплавь! – закричал барон.

– Ваше превосходительство, – сказал Марков, – как начальник штаба я не могу отдать такое распоряжение, это означает гибель многих.

– Переправляться на лошадях! – закричал барон и, подняв ташур, ударил Маркова по голове. Показалась кровь. – Ты больше не начальник штаба, ты рядовой, пошел вон! Кто не хочет переправляться вплавь, получит бамбуки. Это полулюди, – добавил барон, глядя на переправу. – Они способны жить и воевать, только пока их бьют. Переправа на лодках затянула бы переход границы, а красные могут появиться в любой момент.

113. Сцена

В лагере на другом берегу реки к барону вернулась его обычная самоуверенность. Полулежа в своей палатке, по обыкновению положив под голову седло, он говорил мне:

– За пять лет русские не научились воевать. Если бы я так окружил красных, ни один не ушел бы.

– Нам просто повезло, ваше превосходительство, – сказал я. – Как известно от пленных, красные пользовались старой, составленной еще в 1881 году сорокаверстной картой Монголии, схематичной и неточной. На ней пограничная река течет на несколько десятков верст восточнее, чем на самом деле. С этой картой в руках красные полагали, что мы задержались на переправе, и преследователи наши упустили момент.

– Что ж, – сказал барон, – может быть, нас действительно спас случай? Но что такое случай? Все можно объяснить случайностью и судьбой. Однако, говоря о судьбе, я имею в виду не столько западноевропейское, из античности идущее представление о безли-

чном надмирном фатуме, сколько мистическую буддийскую карму, оттого и в моем походе не следует искать политической логики, а скорее его причиной была история рода и моя собственная жизнь, прочно связанная с Востоком.

114. Сцена

Сухэ вступал в Ургу. Первый министр торжественно поклонился Сухэ и сказал:

– Сухэ-батор, мы встречаем тебя на расстоянии десяти верст от Урги, как встречали раньше пекинского наместника. Живой Будда готов признать революционное правительство, и поэтому вручил Сухэ саблю.

Сухэ поцеловал саблю и сказал:

– Живой Будда Богдо Гэген не противоречит программе и дисциплине народной революции, ибо буддийское монашество – это преданность старшим.

Сухэ, осененный красным знаменем с тибетской свастикой, сопровождаемый непрерывно трубящим трубачом и верховными цэриками, проехал по главной улице Урги, называемой Широкой. Навстречу ему под желтым знаменем с тибетской свастикой выехал Богдо Гэген в сопровождении своей свиты и монгольских музыкантов. Вдоль домов скромно тянулась цепочкой красная пехота.

– Своим вторжением в Забайкалье Унгерн дал повод красным вступить в Монголию, – шепотом сказал один из русских, наблюдавших церемонию.

115. Сцена

Была уже осень. Ночью подмораживало. Как-то ранним свежим сентябрьским утром в воздухе послышались гусиные крики. Я вышел из палатки и, задрав голову, долго смотрел на летящих птиц. Множество солдат и офицеров также стояли и смотрели. Общее чувство, владевшее нами, – услышанное в гусином крике чувство прощания. Его выразил пожилой казак, сказавший дрогнувшим голосом:

– Прощай, матушка Русь, к теплу потапшусь...

И перекрестился. Один из бурятов вынес кожаный бурдюк с верблюжьим молоком и брызнул молоком в траву.

– Так велит обычай, – сказал он, – мы в бурятских улусах брызгаем молоком вслед птичьим караванам. Выстилаем им счастливую белую дорогу, чтоб по ней они весной легко вернулись назад.

– А наша-то дорога куда? – сказал один офицер. – Нам куда потащиться? Нет нам белой дороги назад. Прощай, матушка Русь!

И он вытер увлажнившиеся глаза. Об этом думали все: куда идти? Эта мысль была теперь главной. Думал о ней и барон.

– Я отправил с монголом письмо к Богдо Гэгену, – сказал мне барон в палатке. – Выражаю ему соболезнования по поводу занятия столицы красными, предсказываю наступление черных дней для Монголии и желтой религии и предлагаю ему бежать из Урги.

– Куда, ваше превосходительство? – спросил я.

– Куда? – переспросил барон. – В Тибет. Но вряд ли он согласится. Вообще, сам факт, что Богдо Гэген поддержал правительство Сухэ, лишает всякой надежды на Монголию как на оплот в борьбе с мировой революцией. Наследники Чингиз-Хана оказались недостойны своей великой миссии. Многие князья уже перекрасились в красный цвет, из моих друзей превратились во врагов, предательски перешли на сторону большевиков. Даже ламы позабыли, что недавно провозгласили меня богом войны. Нет, оставаться в Монголии для меня не имеет смысла.

– А Маньчжурия, ваше превосходительство? – спросил я. – Ведь вы женаты на маньчжурской принцессе...

– В Маньчжурию меня тянет еще меньше, – ответил барон. – Кроме того, в Маньчжурию можно прорваться из Владивостока... В Маньчжурии в худшем случае меня ждет китайская тюрьма, суд и каторга. В лучшем случае – тюрьма русская, суд и расстрел. Если колчаковцы во Владивостоке не позволили Семенову даже сойти с японского корабля, а когда он все-таки высадился, едва не арестовали его, то со мной и подавно церемониться бы не стали. Признаться, временами мной овладевает отчаяние: куда деваться?..

– А Европа, ваше превосходительство? – спросил я. – Ведь вы уроженец Австрии.

– Ах, Европа, – сказал барон, – я думал об этом. Не так давно я получил через одного немецкого коммерсанта письмо от моего друга детства Альфреда Розенберга. Помните, я как-то вам о нем говорил? Он приглашает меня приехать. Конечно, и в духовном поле Европы есть свои привлекательные стороны, которые тесно связаны с тибетской магией. Особенно, если речь идет о наших древнегерманских мифах. Вы когда-нибудь слышали о древней стране Туле?

– Нет, ваше превосходительство.

– Иногда ее отождествляют с Атлантидой, но это ошибка. Туле – блаженная страна древних германцев. Альфред пишет, что вместе со своим новым другом Адольфом Гитлером, кстати, тоже моим земляком, австрийцем, он посетил баварский город Байройт, где жил и умер Рихард Вагнер. Они встречались там с обществом Туле, и разговор шел о возрождении немецкого рейха на принципах расы и романтического древнегерманского оккультизма. Общество Туле возглавляют весьма уважаемые люди, такие как профессор Карл Гаусгоффер, книжку которого по проблемам расы я читал еще в юности. Или шведский этнограф и лингвист Свен Гедин, известный путешественник по Тибету. В Тибете еще сохраняются остатки арийской культуры. Именно там предполагается таинственное царство Агарты. Вы слышали о царстве Агарты?

– Нет, ваше превосходительство.

– Странно, – сказал барон, – я думал, что в петербургском университете, где вы изволили учиться, вас хоть понаслышке знакомят со всевозможными теософскими идеями. Хотя чего можно ждать от проповедников либерализма, всех этих либеральствующих, жидовствующих профессоров, – с презрением усмехнулся барон. – Царство Агарты, – назидательно сказал барон, – это страна могущественных магов, носителей древней эзотерической культуры, народа, обитавшего некогда на месте нынешней Гоби. После неких геологических катаклизмов, изменивших климат в этой части земного шара, они ушли с поверхности земли, поселились в пещерах под Гималаями и оттуда контролируют весь ход мировой истории через избранных ими народоводителей верхнего надземного царства... Вы записываете, есаул?

– Так точно, ваше превосходительство, – ответил я, делая пометки в блокноте.

– Я просматривал ваши прежние записи и нахожу, что они достаточно точны.

– Ваше превосходительство, вы намерены издать их?

– Да, пожалуй, – сказал барон, – но только после моей смерти. Печатать только после моей смерти. Пока я жив, имя мое должно быть связано с делами, а не с теориями. Итак, продолжим.

– Речь шла о легендарной Туле, ваше превосходительство, – сказал я.

– Для меня Туле не легенда, – сказал барон, – я надеюсь, что вскоре научная экспедиция нашего германского общества Туле найдет научное подтверждение тому, что Центральная Азия, Монголия, особенно Тибет, является прародительницей германцев. Тибет – это

начало всех начал. В Тибете я вижу потаенное мистическое сердце мира. Обладатель Тибета в конечном итоге обретет власть над всей планетой. Именно здесь начнется строительство нового мира. Здесь и на германских землях. Из всевозможных вариантов, куда мне идти, я выбрал только два: мою германскую родину и мою тибетскую родину. В конечном итоге я все-таки склонен выбрать Тибет.

– Отчего же не Европу, ваше превосходительство?

– По всяким причинам. Путь в Европу лежит через Владивосток, а я слишком заметная фигура, чтобы раствориться в массе беженцев. Но при самом удачном стечении обстоятельств мне, может, удастся сохранить жизнь и свободу, но не дивизию. При самом благоприятном исходе я обречен стать частным лицом, прозябающим в нищете и неизвестности. Мой друг Альфред Розенберг небогат, он сам беженец из России. А стать при нем приживалом я тем более не намерен. Это, Николай Васильевич, можете не писать, – назвал меня вдруг барон по имени-отчеству впервые за все время нашего знакомства. – У меня нет ведь никаких личных средств. Две смены белья, пара запасных сапог, я беднее последнего мужика. Мое личное имущество в Харбине и на станции Маньчжурия пушено с молотка, чтоб возместить убытки пострадавших в Монголии еврейских коммерсантов и китайских купцов. Семей я не обзавелся. Брак с маньчжурской принцессой чисто политический. Единственное мое сокровище – это власть над двумя тысячами вооруженных людей, пока еще покорных мне. И этот мой капитал я собираюсь использовать с наибольшей для себя выгодой.

– Ваше превосходительство, а захваченное у большевиков золото?! – спросил я.

– Это золото мне не принадлежит, – резко оборвал меня барон. – Оно предназначено для борьбы.

– Значит, это государственное достояние?

– Нет, это не государственное достояние, каким был золотой запас Колчака. Оно не украдено, а завоевано и хранится не в казначействе. Может быть, под землей, может быть, на дне реки, как сокровища Нибелунгов. Я лично не хозяин этого золота. В настоящее время я сам, к сожалению, без хозяина. Семенов меня бросил, но у нас остались деньги и оружие. Осталось две тысячи вооруженных людей, и я поведу их туда, куда мне подсказывает моя мистическая идея. Никакого разгрома, в дивизии две тысячи человек.

– Однако, ваше превосходительство, у каждого из этих людей есть свои желания, страдания и надежды, – сказал я.

– Я думаю об идее, – резко оборвал меня барон, – о самих этих людях вне идеи я думаю меньше всего. Их личные желания, страдания и надежды мной в расчет не принимаются.

И лицо его, апатичное и задумчивое, мгновенно приобрело свирепые и энергичные черты, взгляд яростно засверкал.

116. Сцена

Барон вообще часто переходил от апатии к припадкам патологической энергии. Монгольская осень характерна холодными ночами и дневным зноем. Среди дневной страшной жары дивизия продолжала двигаться на юго-запад. Барон, свесив голову на грудь, молча скакал впереди своих войск. На его голой груди, на ярком шнура висели бесчисленные монгольские амулеты и талисманы. Он был похож на древнего обезьяноподобного человека. Люди даже боялись смотреть на него. Время от времени им овладевали приступы бешенства, и тогда он становился попросту невменяем. Почерневший от загара, исхудавший, он сумасшедшим галопом носился вдоль растянувшейся в цепи колонны, избивая всякого, на ком останавливался его взгляд. Многие офицеры ходили с перевязанными головами. Полковнику Маркову, которого барон вынужден был вновь вернуть из рядовых в начальники штаба, он, придравшись к чему-то, вторично разбил голову ташуром. Перед генеральским ташуром были равны все: от рядового до генерала. Однажды барон избил даже Резухина, застав его греющимся у лагерного костра.

– Я тебя ишу, а ты здесь греешься! – яростно закричал барон.

Произошло столкновение и со мной по поводу, для меня неожиданному. Барон обнаружил в обозе телегу с деревянными и могильными крестами.

– Откуда кресты? Кто велел? – закричал он.

– Его благородие есаул Миронов, – испуганно ответил ездовой.

– Есаула Миронова ко мне! – закричал барон.

Я подъехал.

– Ты велел делать кресты?

– Я, ваше превосходительство.

– Здесь, в монгольской степи, дерево стоит дорого! – закричал барон. – Деревья необходимы для переправы через реки и болота пушек и пулеметов, а ты сколачиваешь кресты? В Монголии во все не хоронят мертвецов, предоставляя это делать силам природы.

– Ваше превосходительство, – сказал я, – мы христиане, не буддисты, каждый гавший христианин достоин христианского погребенья.

– Ах, ты еще пререкаешься! – закричал барон и поднял та-шур.

– Ваше превосходительство, – сказал я, положив правую руку на кобуру, – я царский офицер. Если вы меня ударите, я за себя не отвечаю.

Барон молча отъехал прочь, однако не успокоился, ища новую жертву. И скоро нашел ее в докторе Клингенберге.

Со стороны двигавшихся в обозе госпитальных повозок все время доносились стоны, а иногда вопли раненых. Слышать это было весьма тягостно. Барон приказал:

– Доктора ко мне!

Подъехал доктор на своей маленькой монгольской лошади.

– Отчего раненые у тебя все время стонут? – спросил барон.

– Помощи им не оказываешь?

– Ваше превосходительство, у нас ранено сто сорок человек, – ответил доктор. – Многие из них тяжело. Запряженные полудикими монгольскими лошадьми госпитальные двуколки без ресурса. Другого транспорта нет у госпиталя. Дорога дурна, с колдобинами, камнями и рытвинами. Оттого раненые при движении испытывают боль и страдания.

– Дай им наркотики, чтобы замолчали, – приказал барон. – Их стоны дурно влияют на боевой дух воиска.

– Ваше превосходительство, – сказал доктор, – страдания от тряски слишком велики, чтобы заглушить их инъекцией наркотиков. Если раненые будут оставлены в таких условиях, большинство из них неизбежно умрет. Уже не менее двадцати раненых умерло от истощения. Раненых, по крайней мере, тяжело раненных, надо отправлять в монастырский лазарет, где им будет обеспечен нормальный госпитальный уход.

– Об этом поговорим, – буркнул барон. – Сейчас постараюсь им дать наркотики, чтоб не так сильно стонали.

117. Сцена

Привал дивизия устроила лишь к ночи. Ночь была темная, дождливая и ветреная. Костры гасли от дождя и ветра. После дневного зноя люди дрожали от холода. Бурдуковский доложил барону:

– Ваше превосходительство, монголы Бояргуна, которых вы направили, чтоб сдержать наступление красных, сделать это не смогли.

– Потери велики? – спросил барон.

– Потери не велики, ваше превосходительство, – сказал Бурдуковский, – попав под огонь пулеметов, монголы вовремя отступили.

– Попросту разбежались? – сказал барон.

– Так тоже можно сказать, – согласился Бурдуковский. – Некоторые раненые монголы уже прибывают в лагерь.

Ничего не ответив, барон начал молча ходить по лагерю, злой, как сатана. Один из монголов случайно попался на глаза Унгерну.

– Ты чего? – спросил барон.

– Та, ваше превосходительство, та, эта, я ранен.

– Ну так иди к доктору.

– Та...эта... он не хочет меня перевязывать.

– Что? – закричал барон. – Доктора Клингенберга ко мне!

– Ваше превосходительство, – попытался я вмешаться, – монгол пьян, говорит ли он правду?

– Молчать! – заорал на меня барон. – Саботажников покрываешь?

Доктор явился к барону.

– Ты, мерзавец, почему не лечишь раненых? – закричал Унгерн. – Вот отчего они у тебя стонут.

– Ваше превосходительство, – начал говорить доктор, – я без сна работаю в перевязочной.

– Врешь, – закричал барон и ударил доктора тростью по голове.

Доктор упал. Тогда барон стал бить хрипящего доктора ногами.

– Ваше превосходительство, – едва сдерживаясь, сказал я, – доктор уже без сознания

Барон посмотрел на меня диким взглядом и быстро ушел в палатку.

– Унесите доктора в перевязочную, – велел я солдатам.

118. Сцена

Утром к барону пришла сестра милосердия.

– Ваше превосходительство, разрешите отвезти доктора в монастырский лазарет.

– Почему? – резко спросил барон.

– Вы ему вчера сломали ногу, и его положение очень серьезно, – со вздохом объяснила медсестра.

– Хорошо, отправьте его и тяжело раненных тоже, они стонут и подрывают боевой дух войска. Но мы уходим, и все эти люди могут оказаться у красных в плену.

Когда медсестра вышла, барон обернулся ко мне.

– Есаул, наш разъезд задержал караван из восемнадцати верблюдов. Это часть золота, отправленная Колчаком в город Харбин в Русско-азиатский банк. Возьмешь двадцать бурят, примешь караван, разъезд отоплешь, а сам зароешь ящики с “патронами”.

– Слушаюсь, – ответил я.

119. Сцена

Я с бурятами выехал к небольшому ущелью на берегу реки, как было указано. Подошел караван, начали сгружать ящики.

– Это не патроны, – сказал один из бурят, – банковская упаковка с печатями.

– Скорее делайте, как приказано, и не разговаривать, – сказал я.

Буряты сгружали ящики, но я видел, что глаза их блестят. Вдруг один из ящиков упал на камни или его выронили нарочно. Ящик разбился, и в нем оказался мешок с золотом.

– Золото! – заговорили буряты. – Золото, много золота, как крупы.

– Этой крупы хватило бы на кашу для всех племен мира, – пошутил один из бурят.

– Каждый мог бы купить двадцать тысяч баранов, несколько гуртов лошадей, – сказал другой.

– Помните, – сказал я, – что барон не пощадит никого, если вы совершите противозаконное.

– Мы не воры, ваше благородие, – сказал бурят, – мы просто так говорим.

Золото зарыли в ущелье и собирались возвращаться. Но в этот момент прискакал Бурдуковский с конвоем.

– Есаул, – сказал Бурдуковский, – немедленно к начальнику дивизии, а буряты останутся со мной.

Я не успел еще отъехать, как увидел, что конвой разоружает бурят. Вскоре послышались выстрелы. Бурят расстреляли. Взволнованный, я приехал к барону.

– Ваше превосходительство, – сказал я, отчего вы не предупредили меня, чем должно закончиться ваше поручение? Вы знаете, что я категорически против подобных жестокостей.

Говоря это, я ожидал, что барон схватится за ташур, чтобы избить меня. Но на этот раз барон не вспыхнул.

— Есаул, — сказал он, — это не жестокость, а суровая необходимость войны. Золото нам нужно для продолжения борьбы с башевиками. Никто не должен знать его места нахождения. После неудач, которые мы потерпели, верность бурят и монголов шаткая. Я окончательно принял решение уходить из Монголии в Тибет. Но до поры до времени это должно оставаться секретом. Пусть люди думают, что мы идем в богатую скотом западную Монголию. Так будет спокойнее. Вызови ко мне Резухина и помалкивай, иначе — сам понимаешь, что тебя ждет за разглашение военной тайны.

120. Сцена

С Резухиным барон разговаривал наедине, но мне удалось, находясь возле палатки, подслушать почти весь разговор.

— Я решил идти не в Маньчжурию, — сказал барон. — И даже не на запад Монголии, как должно быть объявлено по дивизии, а на юг, в Тибет. Я собираюсь пересечь пустыню Гоби, привести дивизию в Лхасу и поступить на военную службу к Далай-Ламе. Согласен ли ты с этим планом?

— Ваше превосходительство, -- осторожно возразил Резухин, — я выражаю сомнение в осуществимости плана. Без запасов продовольствия, без воды едва ли удастся пройти через Гоби. Это приведет к большим людским потерям.

— Людские потери меня не пугают, — сказал барон. — Мое решение окончательное. Помни, Резухин, что в Маньчжурии и в Приморье нам обоим появляться небезопасно.

— Но ваше решение идти в Тибет столь неожиданно, — сказал Резухин.

— Оно неожиданно только на первый взгляд, — ответил барон. — Если под натиском революционного безумия пала Монголия, исполнявшая роль внешней стены буддийского мира, нужно перенести линию обороны в цитадель желтой религии Тибет. Я написал письмо Далай-Ламе, я надеюсь, что он с радостью примет меня как борца за веру и врага китайских республиканцев, которые после свержения Циней все активнее заявляют свои права на Тибет. Когда на юге Китая всюду расплзается краснота, наша дивизия могла бы пригодиться Далай -Ламе.

— Но поймут ли люди, когда они узнают цель похода?

– Люди должны понять: другого пути нет. В России правят комиссары: Шумятские, Розенгольцы, Фанимовичи и прочие чесноки.

– Но все-таки... тяжесть похода, ваше превосходительство.

– За мной пойдут те люди, которые потеряли представление о границах, не желающие знать пределов, они пойдут, пожирая пространства Азии, впитывая в себя ветры Гоби, Памира и Такла-Мака-на, несущие великие беззакония и дерзновенную отгаку древних завоевателей.

121. Сцена

Едва дождавшись ночи и убедившись, что за мной не следят, я разбудил полковника Маркова.

– Барон принял окончательное решение идти в Тибет, – сказал я. – Надо немедленно действовать.

– Я переговорил с несколькими надежными офицерами, – сказал Марков. – В дивизии созрел заговор против барона. Даже старые сподвижники Унгерна готовы, если не убить, то во всяком случае покинуть его и идти в Маньчжурию.

122. Сцена

Заговорщики собрались в лесу при свете костра.

– Солдаты и офицеры, – сказал я, – план барона сулит лишения и смерть, не говоря уже о том, что люди простятся с надеждой когда-либо увидеть своих близких, попасть на родину или хотя бы вернуться к нормальной жизни в Маньчжурии.

– Тибет для казаков, – сказал один из офицеров, – и вообще для всех нас, русских, это дикая горная страна, где русскому человеку совершенно нечего делать.

– Сама идея этого похода вызывает ужас, – сказал Марков. – Это полнейшее безумие. Летом и осенью Гоби совершенно непроходима для крупных караванов верблюдов, не то что для двух тысяч всадников, большинство которых будет обречено на гибель в безводных каменистых равнинах.

– Пусть погибнет лучше барон! – вскричал один из офицеров.

– Итак, решено, – сказал Марков. – Вы, офицеры, постановили барона убить, а командование передать Резухину при условии, что он поведет дивизию на восток.

– Не рискованно ли втягивать в заговор Резухина? – спросил я.

– Если Резухин откажется, ему придется разделить участь барона, – ответил Марков. – В таком случае командование приму я как начальник штаба, но начинать надо с Резухина, а когда там произойдет переворот, мы сможем обороняться, если начнется схватка с людьми Бурдуковского и прочими верными барону.

– Господа, надо бросить жребий, кто застрелит барона, – предложил молодой хорунжий.

Бросили жребий. Жребий пал на меня. Тут же при свете ко-стра я вынул маузер и проверил его.

– Но, господа, – сказал я, – вряд ли это можно будет сделать сегодня ночью. Последнее время охрана никого не пропускает ночью к барону. И вообще, может быть, обойтись без убийства барона? Просто уйдем от него.

– Убить его, убить! – закричали несколько офицеров.

– Но для есаула это верная смерть, – сказал Марков, – охрана застрелит его. Нет, начинать надо с Резухина.

123. Сцена

Бригада Резухина уже сидела в седлах, собираясь выступить, когда один из наших офицеров-заговорщиков выехал из строя и сказал:

– Господин генерал, мы знаем, что барон Унгерн хочет нас вести в Тибет, что будет означать нашу гибель. В частях преобладает настроение идти не в Тибет, а в Маньчжурию. Поэтому мы хотим посоветовать вам, ваше превосходительство, принять командование и вести бригаду на восток.

– Заговор? – закричал Резухин. – Кто еще в заговоре? Пусть предатели посмеют обнаружить себя.

В ответ несколько офицеров выехали из рядов, а один из них сказал:

– Мы не предатели, мы хотим защищать свои земли и бороться с большевиками за Россию, а в Тибете нам нечего делать.

– Веселовский, Безродный, арестовать негодяев! Немедленно стрелять!

В ответ из рядов бригады загремели выстрелы. Резухин, раненный в ногу, упал с коня. Затем вскочил и, прихрамывая, побежал с криком:

– Четвертая сотня, ко мне!

Четвертая сотня, в которой служили татары и китайцы, окружила лежавшего на земле Резухина. К ним подходили и некоторые иные, слушая генерала.

– Это большевистский заговор! – кричал Резухин. – Вас хотят выдать большевикам. Всех заговорщиков ждет страшная расправа после соединения нашей бригады с бароном.

Из толпы послышались возгласы:

– Большевики ранили генерала, смерть большевикам.

– Момент критический, – шепнул мне один из заговорщиков, – дело сорвалось, пора скрываться.

В этот момент какой-то казак вышел вперед со словами:

– Ох, что сделали с голубчиком! Что сделали с нашим генералом-батюшкой! Пропустите меня, я простой оренбургский казак, хочу видеть нашего генерала.

Толпа расступилась перед ним, казак склонился над Резухиным и со словами:

– Будет тебе пить нашу кровь, хватит, пей теперь свою! – выхватил маузер, выстрелил в упор и разнес Резухину голову.

Толпа в страхе разбежалась, но один из заговорщиков, подполковник Кастерин, скомандовал:

– В седла!

Веселовский, Безродный и некоторая часть комендатской команды поскакали прочь. Остальные, сев на лошадей, снова построились.

– Надо немедленно покончить с бароном, – сказал полковник, – или бросить его и идти бродом по Селенге.

– Покончить! – сказал один из офицеров. – Расплатиться с бароном за его жестокость так же, как с Резухиным.

– Господа, все ж надо по-христиански закопать тело Резухина, – сказал я. – Он в последний раз проявил свою преданность барону и даст за свои дела ответ Богу.

– Так и сделаем, – ответил полковник. – Вы, есаул, скачите в лагерь к барону. Надо предупредить его действия раньше, чем он узнает о случившемся здесь.

124. Сцена

Ночью офицеры, участвовавшие в заговоре, собрались в палатке у полковника Маркова. Все были взволнованы. Я едва сдерживал нервную дрожь

– В любом случае, – сказал я, – будет ли покушение на барона удачным или нет, надо двигаться обратно с отрядом к Селенге. Кастерин просил передать, что он два дня будет ждать нас на правом берегу, потом уйдет.

– Не будем терять время, господа, – сказал Марков. – Вы, есаул, и еще трое пойдете к палатке барона. Остальные пусть разойдутся по своим частям и начнут поднимать людей. Ну, с Богом!

Мы перекрестились и вышли, была чернильная тьма, так что почти наощупь пришлось добираться к палатке барона, возле которой горел небольшой костер. Часовой окликнул нас:

– Кто идет?

– К его превосходительству, – ответил один из нас.

В этот момент кто-то выглянул из палатки.

– Барон! – нервно закричал молодой подпоручик и выстрелил, но от волнения промахнулся. Он хотел еще стрелять, однако я схватил его за руку.

– Это не барон, – сказал я, – мы выдали себя преждевременно.

Часовой выстрелил в ответ. Пришлось скрыться.

– Надо бежать, – испуганно сказал один из офицеров, – выдав себя, мы не смогли убить барона. Его исчезновение грозит нам арестом и мучительной смертью.

– Только без паники, – ответил я, – погубим себя и дело. Барон может быть в палатке у лам.

К счастью, Унгерн обнаружил себя. Он, действительно, сидел в палатке с ламами и высунулся из нее, услышав стрельбу. Тотчас же мы начали стрелять в него из темноты. Барон по-звериному упал на четвереньки и быстро пополз в кусты.

– В крошечной тьме искать его не имеет смысла, – сказал я. – Скорей возвратимся в бригаду.

Бригада уже была поднята по тревоге. Распоряжался полковник Марков. Я увидел Бурдуковского и еще несколько человек из его команды, окруженных конвоем.

– Куда нас ведут? – непрерывно испуганно спрашивал у всех Бурдуковский. – Доктор, – заметив Клингенберга, обратился к нему Бурдуковский, – куда нас ведут?

– Туда, куда ты отправил столь многих, – ответил доктор. Бурдуковского и его команду увели.

– Их уводят на смерть, – сказал мне доктор, который после избиения все еще ходил с костылем. – Но, признаться, не нахожу в себе ни малейшего сочувствия к этим насильникам и душителям де-

тей. Они своими жизнями должны заплатить за то, что были палачами при главном садисте и маньяке. А что с самим бароном?

– Не знаю, – ответил я. – Мы стреляли в него, но нельзя с уверенностью сказать, что с ним случилось, что он может предпринять, если останется жив.

– Да, истинно так, – ответил доктор, – ходят слухи, что история с Тибетом тоже придумана. Поговаривают, что барон потому так зверствует, что решил перейти к красным и таким образом зарабатывает прощение. Сипайлова он послал сопровождать золото для большевиков.

– Это совсем уж несуразные слухи, – ответил я. – Но то, что Сипайлов послан перепрятать золото, похоже на правду.

125. Сцена

Меж тем дивизия выстроилась в походный порядок и, изменив маршрут, двинулась к переправе. Я ехал впереди рядом с полковником Марковым.

– Мы прошли верст восемь, – сказал Марков, – дальше невозможно двигаться в темноте по узкой дороге среди сопок. Дождемся утра. Выставим в оцепление сотню казаков и пулеметы на случай, если барон жив и с помощью монголов попытается переломить ход событий.

Никто не знал, где барон. И всеми владело страшное возбуждение. Вдруг послышался стук копыт по каменной дороге. Шепот пронесся по рядам, перешедший в крик:

– Барон, барон с монголами!

Но барон был один.

Ночь несколько прояснилась и появилась луна. И в лунном свете барон, как призрак, появился на своей белой кобыле. Он спустился по склону холма и направился к войску.

– Что ты здесь делаешь? – спросил барон одного из казаков в оцеплении.

– Я должен палатки собирать, ваше превосходительство, – ответил казак.

– А где войско? – спросил барон.

– Дальше уходит.

– Отчего уходит?

– Красные наступают.

– А много ли красных? – спросил барон другого казака.

– Не знаем, – ответил казак.

- Барон поехал дальше, подъехал к артиллерии.
- Кто приказал двигаться? – спросил барон.
 - Приказ из вашего штаба, – ответил артиллерийский офицер.
 - А кто посыльный?
 - Не знаю.
 - Что вы за офицер, если не знаете? – возвысил голос барон.
- Красные рядом, в меня стреляли, а вы не знаете.
- Барон поехал дальше и едва не наткнулся на меня.
- Это ты, есаул?
 - Я.
 - Доложи обстановку. Что происходит? Я лежал в палатке ночью, вдруг стрельба, думал красный разезд, но кто-то крикнул: “Ваше превосходительство, берегись!” Я скрылся, затем поехал к лагерю, но войска уже не было на месте. Есть ли сведения о Резухине?
 - Резухин убит, – ответил я.
 - Убит?! – вскричал барон. – И я ничего не знаю! Убит красными?
 - Нет, своими.
 - Значит, бунт? Предательство? Я это предчувствовал.
- Он тронул коня и поехал к войску.
- Господа офицеры! – сказал барон, указывая на небо. – Видите звездочку, господа? Это Альфа из созвездия Центавра. В здешних местах ее можно видеть только в мае. Я это знаю, господа. Астрономия – моя слабость. Явление Альфы сейчас, осенью, знак потусторонних мистических сил. Идите со мной, и вы будете спасены. Иначе – гибель. Очаров! – обратился барон к командиру бурятской сотни. – Вам, бурятам, знакома тибетская магия, звезда указывает нам путь. Идем со мной.
- Нет, – ответил Очаров, – мы с вами не пойдем.
 - Не пойдешь, Очаров? А куда ты идешь, что задумал? Я приказываю тебе вернуться обратно в лагерь.
 - Я и мои люди не пойдем назад, – твердо ответил Очаров, – мы хотим идти на восток и защищать наши собственные кочевья. Нам нечего делать в Тибете.
 - Казаки, – обратился тогда барон к казачьим сотням, – вы послушали смутьянов и предателей.
 - Мы хотим идти в Маньчжурию, – ответил один из казаков.
 - Солдаты, – сказал барон, – возвращайтесь и продолжайте поход. Если вы пойдете в Маньчжурию, будет голод. Вам придется

глодать кости друг друга. Красные завтра же истребят вас всех до одного. Без меня красные уничтожат вас всех до последнего. Оставайтесь со мной и продолжайте войну. Полковник Марков, я приказываю тебе вернуть людей обратно в лагерь. Доктор, поворачивай госпиталь и раненых, поворачивайте обоз. Всех предателей, негодяев ждет страшная смерть! – закричал барон.

Люди угрюмо молчали.

– Мерзавцы! – закричал барон. – Войско подчиняется своему командиру. А тебя, Марков, как изменника, я повешу. Пулеметная команда, взять на прицел предателей!

Барон резко развернул лошадь и при этом толкнул меня.

– С ума сошел? – закричал барон. – Мало я тебя тростью бил?

– Хватит, господин барон, – ответил я. – Я царский офицер и запрещаю меня бить.

– Слепая собака! – закричал он мне и размахнулся.

Я, словно очнувшись, выстрелил в барона в упор, но от волнения промахнулся. Барон пригнулся, его белая кобыла одним прыжком взлетела на вершину холма и унесла Унгерна от пулеметов, которые вели по нему огонь.

– Его теперь не догонишь, – сказал я.

– Он теперь на пути к Альфе Центавра, – добавил доктор, усмехнувшись. – А ведь я уже приготовился выпустить себе мозги из своего старого кольца, чем подвергнуться пыткам в случае, если барону удастся уговорить войско.

– Барон будет пытаться уговорить монголов, – сказал Марков. – Есаул, вы поедете к князю Сундай-гуну и постараетесь его убедить не поддерживать барона.

Я быстро переоделся в монгольскую одежду и поехал.

126. Сцена

Я приехал к монголам под утро. В дивизионе не спали. Видно, монголы уже были осведомлены о случившемся. Сам князь Сундай-гун еще с несколькими старшинами сидел на корточках, о чем-то тихо говоря. Все они курили трубки. Я поклонился.

– События, происшедшие у русских, удивляют нас, – сказал князь.

– Мы не хотим служить барону, – ответил я. – Вы тоже не должны ему больше служить.

– Отчего же, – спросил князь, – разве он больше на Цаган-
бурхан, бог войны?

– Он сошел с ума, он погубит нас и погубит вас.

– Разве барона укусила бешеная собака? – спросил князь и,
вынув изо рта трубку, далеко сплюнул.

– Однажды в монастыре и меня укусила бешеная собака, –
сказал один из монголов, – я прожег рану раскаленным железом до
кости, для того чтобы не стать безумным.

– Многие люди похожи на бешеных собак или на коварных
хорьков. Они губили нашу Монголию, особенно русские и китайцы.
Больше мы этого не хотим. Вы, русские, что камыш, подожжем – и
вас не останется здесь, как не осталось и китайцев, – сказал князь.

Вдруг монголы, стоящие в карауле, закричали:

– Цаганбурхан! Цаганбурхан! Бог войны!

– Я знал, что он придет к нам, – сказал князь. – Пастухи
сообщили, что он мечется по горам недалеко. Стреляйте в него!

Монголы начали стрелять, но барон продолжал ехать, не
обращая внимания на пули.

– Цаганбурхан! – кричали монголы. – Бог войны! Пули не
страшны ему.

Когда барон подъехал, монголы пали перед ним ниц и стали
просить прощения.

– Князь, не говори барону, что я здесь, – сказал я.

– Хорошо, – ответил князь, – ты наш гость, я тебя не выдам.

Я отъехал подальше в толпу монголов, продолжая наблю-
дать. Барон подъехал к князю и сказал:

– Князь Сундай-гун, я обстрелян своим войском, подстре-
каемым мятежниками. Но зачем здесь вы, монголы, стреляете в меня?
Разве у монголов тоже мятеж?

– Прости, мы стреляли в тебя по ошибке, – вежливо ответил
князь. – Мы, монголы, не посмели бы убить Цаганбурхана, своего
бога войны. К тому же мы твердо верим, что не в силах это сделать.
Ты не можешь быть убит, только что мы получили верное тому до-
казательство.

– Ночью в меня стреляли, – сказал барон, – я думал, крас-
ный разъезд, вижу, пули около меня. Тогда я понял, в чем дело, и
поехал к вам, монголам, но в ночной темноте я проскочил. Вы огней
не держите. Когда стало рассветать, я вас нашел. Князь, помоги мне
подавить мятеж.

– Хорошо, я посоветуюсь с храбрейшими, и, может, мы по-
едем за тобой по старым следам.

– Мое войско плохое, – сказал барон, – надо многих перебить.

– Русские все, вообще, плохой народ, – сказал князь.

Барон все время был настороже, оглядывался и держал правую руку за пазухой.

– Барон, не хочешь ли с нами выкурить трубку мира? – сказал, улыбаясь, князь и протянул кисет.

Барон невольно вытащил из-за пазухи правую руку с револьвером, хотел взять кисет, но в этот момент один из монголов сзади прыгнул барону на плечи и вместе с ним упал с коня на землю. Подбежавшие со всех сторон монголы навалились на барона.

– Сундай-гун! – сказал схваченный барон спокойно. – Позаботься о моей лошади. Мне вели дать жбан воды.

Принесли большое деревянное ведро с водой. Барон долго пил, выпил чуть ли не полведра. Потом сказал:

– Дайте мне водки.

Принесли водку. Он выпил.

– Теперь я буду спать, – сказал барон.

Он, пошатываясь, пошел в палатку и тотчас же уснул. Тогда монголы по кивку князя бесшумно вползли в палатку, накинули барону на голову тарлык, скрутили руки и ноги и, отдавая поклоны, оставили его одного. Простершись на земле, монголы начали совещаться, что с ним делать.

– Пули его не берут, – сказал один из монголов. – Но его можно убить ножом, а голову и печень отвезти в Ургу к Сухэ. Новая власть приговорила барона к смерти. И этим убийством мы заслужим прощение.

– Нет, – сказал другой монгол, – отдадим его белым казакам. И пойдем с ними в Маньчжурию. Там неплохо можно жить возле дороги с торговыми караванами.

– Барона надо выдать китайцам, – сказал третий, – китайцы обещали за него, мертвого, серебра столько, сколько весит его тело. А за живого – столько же золота, сколько весит его тело.

– Посадим его в телегу и будем двигаться.

Барона посадили в телегу и поехали. Я ехал среди монголов, стараясь держаться подальше. Мне не хотелось, чтобы барон узнал меня.

– Снимите с меня тарлык, – сказал барон.

Тарлык слегка приподняли, но не сняли. Барон беспокойно оглядывался, шумно вдыхая воздух. Уже всходило солнце.

– Князь, вы взяли неверное направление, – сказал барон. – Так можно нарваться на красных.

Монголы ничего не ответили, один из них опять натянул барону тарлык на лицо.

– Зачем ты едешь с нами? – спросил меня князь. – Возвращайся к своим казакам.

– Мне надо в Ургу, – ответил я.

– У тебя там родные?

– Жена, – ответил я.

– Красные! – вдруг закричал ехавший впереди монгол.

– Сколько их? – спросил князь.

– Немного, – сказал монгол. – Будем стрелять?

– Нет, – ответил князь. – Мы, монголы, возвращаемся к своему народу для мирной жизни.

Красных было человек двадцать и они поскакали в атаку с криками “Ура”. Но, увидав, что монголы бросили оружие, красный командир сказал:

– Поедем в наш лагерь.

По дороге красноармейцы все время пели. Один из красноармейцев подъехал к телеге и спросил:

– А это кто в тарлык закутанный?

– Я барон Унгерн фон Штернберг, – ответили из-под тарлыка.

– Врешь!! – воскликнул красноармеец. – Товарищ командир, этот в тарлыке врёт, что он барон Унгерн.

Командир подъехал, сорвал тарлык и невольно отшатнулся. На него смотрело помятое красное лицо с рыжими усами и небритым подбородком. На плечах виднелись старые помятые генеральские погоны, а на груди поблескивал Георгиевский крест.

– Кто вы! – спросил красный командир.

– Я барон Унгерн.

– Доставить его к товарищу Щетинкину, – приказал командир.

127. Сцена

В старой китайской фанзе, которая служила штабом полка, Щетинкин сидел за столом и ел суп из котелка. Рядом с ним сидел представитель коминтерна Борисов и, жуя хлеб, что-то писал в блокнот.

– Товарищ Щетинкин, – доложил командир, – наш конный разъезд захватил группу монголов и среди них человека, который называет себя бароном Унгерном.

– Унгерн? – удивленно спросил Щетинкин и вышел из фанзы вместе с Борисовым. – Этот сидящий на подводе тощий и грязный человек в поношенном монгольском халате и есть кровавый барон?

– Сомнений нет, это Унгерн, – сказал Борисов, – я узнаю его по имеющимся у нас фотографиям.

– Я представлял его иным, – сказал Щетинкин, – эдаким пожилым, холеным, в генеральском мундире, как у старорежимного генерал-губернатора.

– Вы Унгерн? – обратился Щетинкин к барону.

– Я начальник азиатской дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн фон Штернберг, – ответил барон, – я сделал все, что мог в борьбе с красным насилием. Много крови лилось, я многих ненавижу. Но не бойтесь больше моей ненависти. Мертвые не могут ненавидеть.

– Благодарю за службу, – сказал Щетинкин и пожал руку командиру разъезда. – Теперь отправляйтесь в казарму на отдых.

– Служу революционному народу! – ответил командир и, отдав честь, ушел.

– Товарищ Щетинкин, – сказал Борисов, – захват кровавого барона ни в коем случае не должен выглядеть случайным. Это подвиг! Подвиг красных бойцов.

– Не будет ли это некоторым преувеличением, товарищ Борисов? – сказал Щетинкин.

– Не преувеличением, а возвеличиванием, – ответил Борисов. – В обстановке ожесточенной классовой борьбы партия учит нас использовать каждую возможность для всенародной агитации и пропаганды. Надо сообщить в газеты, что вместе с бароном захвачены девятьсот всадников и три боевых знамени.

Затем Борисов обратился к нам:

– Монголы, ныне в вашей стране основана народная республика. Революционное правительство заменило старых чиновников революционерами. Приветствую вас от имени коминтерна. Весь скот и все пастбища теперь принадлежат трудовому народу.

Неожиданно один из красноармейцев закричал:

– Барон удавился!

Во время речи барон каким-то образом со связанными руками просунул голову в конский повод и вращая шеей пытался этот повод затянуть. Хрипящего барона вытащили из петли.

– Приставить к нему большой конвой! – кричал Борисов. – Отвезти в Троцкосавск в штаб армии к товарищу Блохеру. Знаете ведь, что еще в начале боев на монгольской границе по войскам был

разослан приказ штаба, предписывающий в случае поимки Унгерна беречь, как самую драгоценную вещь.

Барона окружили и повезли. Мы ехали следом.

– Я голоден, – сказал барон.

– Напείτε кофе и накормите, – приказал Борисов, – но только не развязывайте. Особенно на переправах следите. Он может броситься в воду при какой-нибудь переправе.

Барона, как ребенка, начали кормить с ложки. Он ел и пил, морщась, видно, болело горло после петли.

– Куда вы меня везете? – спросил он, поев. – Что, бабам хотите меня показывать? Лучше бы здесь расстреляли, чем напоказ возить.

– Я бы расстрелял, – сказал Щетинкин, – но не велит начальство. Что ж сам не покончил до пленения?

– Я искал смерти и мечтал о ней, – сказал барон. – В момент пленения, когда монголы набросились, хотел отравиться, сунул руку в карман, где всегда лежал яд, но ампула куда-то пропала. Очевидно, незадолго до мятежа была вытряхнута денщиком, пришивавшим к халату пуговицы. Теперь хотел удавиться конским поводом, но тоже неудачно: повод оказался слишком широк. В результате, произошло то, чего я больше всего боялся. Я не погиб в бою, как восемнадцать поколений моих предков, а живым попал в плен.

– Начальство приказывает носиться с тобой как с писаной торбой, – сказал недовольный Щетинкин. – С тобой, кровавым врагом и убийцей.

– Если велено, то и носись, – сказал барон и усмехнулся впервые за время пленения.

Подъехали к переправе. Барона, связанного, погрузили на барку. Мы поплыли верхом на лошадях.

– Товарищ Щетинкин, – доложил командир батальона Перцев, – здесь у Усть-Лякты мелководье. Из-за мелководья барка не может причалить.

– Барона ни в коем случае не развязывать, – сказал Борисов.

– Ты, комбат Перцев, перенесешь связанного барона на закорках на берег, – сказал Щетинкин.

Барона посадили Перцеву на плечи.

– Последний раз сидишь ты, барон, на рабочей шее, – назидательно сказал Перцев и по пояс в воде перенес барона к берегу. На другом берегу во время привала в сумерках мне удалось незаметно ускакать, уведя с собой еще одну верховую лошадь.

На ургинских улицах было шумно и суетно. Приближался какой-то монгольский праздник, и множество всадников и всадниц везли подарки и снедь для праздничных пирушек. Возле лавок мясники вывешивали бараньи туши, в китайских харчевнях шипели в масле на сковородах пампушки и пирожки. Всюду развевались флаги: желтые буддийские с тибетской свастикой и красные революционные с тибетской свастикой рядом с большевистскими лозунгами, украшенными пятиконечной звездой. Над улицами протянуты были плакаты и транспаранты. На Площади поклонений у дворца Богдо-Гэгена, там, где раньше стоял большой портрет китайского императора Юань-ши-кая, теперь стоял точно такой же большой портрет узкоглазого лобастого человека в монгольском халате. Лишь ленинские усы и борода подсказывали, что это вождь мирового пролетариата. Всюду были большевистские и красномонгольские пешие и конные патрули. Но на меня, одетого по-монгольски, к счастью, не обратили внимания.

Маленький православный монастырь располагался за консульской церковью. Я привязал лошадь у дерева возле ограды и пошел тропкой, раздумывая, как сообщить Вере о своем приезде. Но едва войдя в калитку монастыря, я сразу увидел ее, сидящую у окна и смотрящую на меня. Это было так неожиданно, что я даже не поверил глазам. Я не успел опомниться, как она выбежала ко мне, держа в руках маленький саквояж, в котором петербургские барышнинститутки носят свои дамские принадлежности.

— Откуда ты узнала о моем приезде? — спросил я Веру, целуя ее мокрое от слез лицо.

— Я ждала тебя каждый день, — плача ответила Вера. — Каждый день по многу часов сидела я у этого окна. Милый мой, я знала, что ты придешь. Спаситель хранил тебя.

— У нас мало времени, — сказал я.

— Я готова, — отвечала Вера, — в этом саквояже все самое мне необходимое и дорогое: фотографии близких, немного еще оставшихся драгоценностей — все мое состояние.

Черное монашеское одеяние еще больше подчеркивало ее бледность.

— Поедем, — сказал я, — ты умеешь ездить верхом?

— Не слишком, — ответил она, — но постараюсь.

— Тебе надо переодеться, у меня монгольское платье. Вокруг большевистские патрули, но будем надеяться на удачу.

– Бог нам поможет, – сказала Вера. – Я молилась день и ночь. Надеюсь, Бог меня простил.

Губы ее задрожали. Она хотела что-то проговорить, но не смогла, лишь прошептала опять:

– Бог нам поможет.

129. Сцена

Бог нам помог. Мы благополучно выбрались из Урги и через несколько дней догнали бригаду, расположившуюся в поросших лесом сопках.

– Вы успели вовремя, – сказал мне полковник Марков, – завтра мы начинаем движение на восток, к китайской границе. Путь нелегкий и неблизкий.

Он покосился на Веру.

– Вера Аркадьевна – моя жена перед Богом, – сказал я.

– Я не буду в тягость, – сказал Вера, – я могу быть медсестрой.

– Медсестры нужны, – сказал Марков, – придется пробиваться с боями.

Нам отвели отдельную палатку. Мы были счастливы в эту ночь, как могут быть счастливы животные. Мы любили друг друга без слов, без мыслей. Только лишь телом и душой. Утром, правда, счастье наше было несколько омрачено встречей с Гушиным. С тех пор, как произошло по приказу барона массовое насилие над Верой, в котором Гушин принял участие, и последующей за тем ссорой, он исчез. Я слышал, он попросился в отдельный отряд хорунжего Немчинова, действовавшего в отдалении. И вот теперь появился опять в бригаде. Увидав меня с Верой, он остановился, улыбнулся непонятной и глупой улыбкой: то ли растерянной, то ли злобной.

– Мы давно не виделись, господин Миронов, – сказал Гушин, улыбаясь. – Эта наша встреча – дурное предзнаменование.

– Для кого, – спросил я, – для меня или для вас?

– Не знаю, – ответил Гушин, – наша дуэль не отменена. Во всяком случае, женщину вы выиграли, а выиграете ли жизнь, покажет будущее.

Он повернулся и пошел прочь.

– Трудно себе представить, что этот человек когда-то был моим другом, – сказал я.

– Он дурно смотрел, – сказала Вера. – Я беспокоюсь за тебя.

– Не стоит так всерьез принимать этого сумасброда, – ответил я. – Нам всем, в том числе этому сумасброду, угрожают более

серьезные опасности. По дороге к границе предстоят тяжелые бои с красными.

130. Сцена

В Троицкосавске начались допросы барона с протоколом. Допрашивали трое. Барон сидел в низком мягком кресле, закинув ногу на ногу, и курил.

– Унгерн фон Штернберг, – сказал Борисов, – это начальник разведки Зайцев и адъютант командарма Герасимович. Согласны вы отвечать на наши вопросы?

– Вначале я отказывался, но теперь передумал, – ответил барон.

– Отчего вы передумали? – спросил Зайцев. – Может быть, к вам применяли недозволенные методы?

– Нет, – ответил барон, – со мной обращаются вежливо, обслуживают хорошо. Вот, дорогие папиросы принесли, – добавил он, улыбнувшись, затянулся и выпустил дым. – Очень ароматные папиросы, в принципе, я должен был бы молчать до конца, так, как будто врагам досталось мое мертвое тело. Но с другой стороны, имею желание в последний раз поговорить о себе, о своих планах, идеях, толкнувших меня на путь борьбы. Поэтому буду отвечать, поскольку войско мне изменило, и я, следовательно, не чувствую себя связанным никакими принципами. Готов отвечать откровенно.

– Войско вам изменило, – сказал Борисов, – значит разуверилось в ваших идеях?

– Идеи тут ни при чем, – ответил барон, – обычные превратности войны. Ко мне переходили красномонгольские части. Пленные красноармейцы, зачисленные в мою азиатскую дивизию, сражались хорошо.

– Что вы можете сказать о репрессиях? – спросил Герасимович.

– Не помню, – глубоко затянувшись, ответил барон.

– Прошу напомнить, – сказал Герасимович одному из помощников. – Зачитайте факты.

– Расстрел в Новодмитриевке двух семей, девять человек с детьми, был совершен с ведома барона и по его личному приказанию. Также по его приказанию уничтожена семья в станице Концетранской, захваченные в Гусиноостровском комсостав и политработники расстреляны также по личному приказу. По его же приказу замучен пытками и расстрелян попавший в плен у Шабартуя помначштаба бригады товарищ Канихбах.

– Теперь вспомнили, барон, – спросил Герасимович, – или продолжать чтение о вашем терроре?

– Не надо, – ответил барон, – достаточно. Это не террор, а необходимость избавиться от вредного элемента.

– Семьи коммунистов расстреливались по вашему приказанию вплоть до детей, – сказал Борисов. – Вы отдавали такие приказания?

– Я отдавал общие приказания о борьбе с вредными элементами, – ответил барон.

– О детях вы давали приказания? – крикнул Герасимович. – Да или нет?

– Товарищ Герасимович, возьмите себя в руки, – сказал Борисов. – Вы, гражданин Унгерн, приказывали расстреливать детей?

– Это было сделано с моего ведома, – нехотя признался барон.

– Для чего? – спросил Борисов.

– Чтоб не оставалось хвостов, – ответил барон.

– Чтоб не было хвостов?! – крикнул Герасимович. – Твоих бы детей так, кровавый барон!

– У меня нет детей, – спокойно ответил барон, – я одинок.

– Вы не раскаиваетесь? – спросил Зайцев.

– Я исполнял свой долг.

– Долг убийцы! – крикнул Герасимович. – Чего с ним церемониться, расстрелять или пашками изрубить, как он велел изрубить Абрама Канихбаха.

В этот момент в комнату вошли двое, широкоплечий военный с орденом на гимнастерке и высоколобый с бородкой а la Троцкий в полувоенной тужурке. Допрашивавшие вскочили и встали по стойке смирно.

– Что тут за крики, товарищ Борисов? – спросил военный.

– Ведем допрос барона Унгерна, товарищ Блюхер, – ответил Борисов.

– Отчего же крики? – спросил высоколобый.

– Товарищ Шумятский, – сказал Герасимович, – трудно спокойно воспринимать циничные ответы убийцы. С комиссара Канихбаха он велел с живого содрать кожу. Абрам Канихбах был моим личным другом, – добавил он. – Кровавого барона тоже бы так по кускам резать.

– Мету наказания решит революционный суд, – сухо сказал Шумятский. – Мы не варвары. Такие, как барон Унгерн, должны

почувствовать на себе и продемонстрировать другим неумолимую справедливость революционного закона.

– Можете идти, товарищ Герасимович, – приказал Блохер, – вы здесь больше не нужны.

– Слушаюсь, товарищ командующий, – ответил Герасимович и вышел.

– Хороший командир, – глядя ему вслед, сказал Блохер. – Но после контузии нервы у него не в порядке. Нам нужны люди с крепкими нервами.

Затем он обратился к барону:

– Вот вы какой, барон Унгерн.

Блохер подошел и сел напротив барона.

– Я командующий армией Василий Блохер. Хорошо вы нас потрепали.

– Сил было маловато, – ответил барон, – если бы мне побольше артиллерии и бронемашин, никто бы из вас не ушел.

– Когда наши части повели наступление на расположение ваших войск, вы сразу отошли, отчего?

– Отошел на двадцать верст к устью пади Шабаргол, – ответил барон, – от пленных у меня были сведения, что отряд Щетинки-на заходит мне в тыл.

– Почему не оборонялись?

– Скажу честно, – подумав, ответил барон, – я не могу обороняться. У меня нервы не выдерживают. Атаковать же не было возможности по условиям местности: с одной стороны река Селенга, с другой – скалы, занятые красными войсками. Но я всегда был уверен, что вы с пехотой никогда не сумеете меня изловить. Пехотных частей я не боялся. Тыла и баз, к которым я был бы привязан, у меня не было. Ненужные обозы заранее были отправлены мной на запад. Я ни к чему не был привязан и всей своей кавалерийской массой мог атаковать в любом направлении в любое время. Мне странно было ваше намерение окружить меня пехотными частями.

– Да, у нас еще мало военных профессионалов таких, как вы, – сказал Блохер. – Отвергая ваши идеи, как военный профессионал я уважаю в вас достойного и храброго противника.

– Скажите, каково ваше отношение к коммунизму? – неожиданно спросил Шумятский.

– По моему мнению, – ответил барон, – Интернационал возник в Вавилоне три тысячи лет назад.

– Вы это серьезно или иронизируете? – спросил Борисов.

– Ответ абсолютно серьезен, – сказал барон, – ирония тут неуместна. Ирония мне не свойственна как проявление упадочничества западного мироощущения. Конечно, я имею в виду строительство Вавилонской башни, но не только. В христианской традиции Вавилон – символ сатанинского начала, мать всякого блуда и всех ужасов на земле, прародина апокалиптической вавилонской блудницы. Там был зачат Интернационал. И в то же время, три тысячи лет назад, возникла Желтая культура, которая с тех пор сохраняется в неприкосновенности.

– Откуда вы взяли эти цифры? – раздраженно спросил Шумятский. – Это сплошная доморощенная мистика. Откуда цифра “3000 лет”?

– Несущественно, откуда взялась эта цифра, – ответил барон, – важнее другое. Две полярные силы сотворены одновременно и теперь их трехтысячелетнее противостояние вылилось в открытый бой.

– Бой вами проигран, – сказал Шумятский.

– Бой продолжается, – ответил барон, – я уверен, что рано или поздно здоровые антисатанинские силы возьмут верх и внутри большевизма. Силы, противостоящие мировому еврейству.

– Каковы причины вашей ненависти к евреям? – спросил Борисов.

– Я считаю их главными виновниками совершившейся русской революции.

– Этим вы оправдываете еврейский погром в Урге?

– Да, чесноки всему виной. Революция руководима международным иудаизмом.

– Товарищи, – сказал Шумятский, – мы должны оставаться на классовом сознании. Думаю, в протоколе допроса следует опустить эти слова барона Унгерна.

– Товарищ Шумятский, – сказал Борисов, – разве вас не волнует страшная гибель ваших соплеменников в Урге?

– Видите ли, – смущенно произнес Шумятский и протер пенсне, – мы, коммунисты-евреи, не хотели бы обращать излишнее внимание на эту сторону взглядов барона. Проявить свой интерес к этой теме для коммуниста еврейского происхождения значит поставить под сомнение нашу объективность как выразителей исключительно классового мировоззрения. Тем более, имеются сведения, что, несмотря на свое юдофобство, барон Унгерн сотрудничал с еврейским капиталом. Китайские власти запретили ввоз и вывоз товаров из Монголии и в Монголию, но агенты Унгерна с помощью еврей-

ских коммерсантов вели торговые операции по сбыту в Китае товаров монгольского экспорта и захваченной в Урге добычи. Все упиралось в классовое сознание, товарищи, как учит нас великий Маркс.

– Не надо все-таки забывать, товарищи, с кем мы имеем дело, – сказал Борисов. – Убийства и конфискации производились также и по отношению к русским. От пленных известна его жестокость даже по отношению к своим подчиненным. Так ли барон?

– У меня было отрицательное отношение к купечеству из русских в Урге и русским колонистам. Оно основано на мысли, что это люди нехорошие, ибо хорошим людям и в России можно хорошо прожить. А из подчиненных я был жесток только к плохим офицерам и солдатам. Такое обращение вызывается требованиями дисциплины, как я ее понимаю.

– На сегодня допрос окончен, – сказал Блюхер, – дальнейшие допросы продолжим в Иркутске.

Когда барона увели, Блюхер сказал:

– Товарищи, барон, безусловно, враг, но нам не следует его оскорблять, напротив, оказывать всяческие знаки внимания, тем самым подчеркивая могущество нашего режима, которому нет нужды унижать побежденного врага. Этот пленник возвышает нас в наших собственных глазах. Прежние победы барона Унгерна над китайцами доказывают силу тех, кто победил его теперь. Его зверства должны подчеркнуть нашу великодушную мягкость.

131. Сцена

В мягком вагоне пульмановского купе лишь зарешеченное окно и шаги часового в коридоре указывали на положение барона как арестанта. Вошел официант, начал сервировать стол.

– Отчего на две персоны? – спросил барон.

– Так велено, – ответил официант, ставя на стол дорогое шампанское в серебряном ведерке со льдом, семгу, икру и прочие деликатесы. Вошел Блюхер.

– Я решил составить вам компанию, не возражаете? – спросил он по-немецки.

– У меня нет теперь права возражать, – ответил барон тоже по-немецки. – Вы немец?

– Нет, я русский, – ответил Блюхер, – русский из крестьян, наш помещик любил давать своим крепостным имена знаменитых людей. Моему деду он дал фамилию знаменитого немецкого мар-

шала Блюхера. – Командующий засмеялся. – Но к делу. Дело, барон, может показаться вам странным. Но так ли оно странно для разумного человека? После предательства ваших офицеров, убийства Резухина и вашего пленения Белая армия перестала существовать. Гражданскую войну можно считать оконченной. Остатки вашей дивизии бегут в Маньчжурию, но не сомневайтесь, что мы их настигнем и уничтожим.

– В ваших газетах пишут, – барон указал на пачку газет, – что меня захватили на поле боя вместе с моим штабом и охраной. Это ложь.

– Пропаганда, барон, пропаганда, – засмеялся Блюхер, – таким, как Шумятский или Борисов, тоже надо есть свой хлеб. Но мы с вами не пропагандисты, а солдаты. Выпьем за солдатскую храбрость.

Блюхер разлил шампанское. Они выпили.

– Итак, гражданская война окончена, – продолжил Блюхер, – и большое сопротивление еще оказывается в Приморье, но скоро будет ликвидировано. Однако война за пределами наших границ желательна. У вас есть опыт войны с Китаем. Мы нуждаемся в вашем опыте. Соглашайтесь, барон.

– Куда меня везут? – спросил барон. – Судить?

– Да, вас будут судить, следствие окончено, трибунал получил материалы допроса, свидетели не приглашены, они излишни, поскольку подсудимый не скрывает своих преступлений. Ваших, барон, признаний вполне достаточно для приговора, который может быть только смертным. Тем более, общественный обвинитель трибунала Емельян Ярославский.

– Конечно, еврей, – сказал барон.

– Не надо, барон, слишком заострять внимание на этом вопросе, тем более, ведь мы сотрудничали с еврейскими коммерсантами.

– Да, – сказал барон, – еврейские капиталисты участвовали в нашей работе. Это была наша беда. Обратите пристальное внимание на деятельность еврейского элемента. Я уверен, что вы столкнетесь в их лице с вездесущим, хоть очень часто и скрытым, врагом. Впрочем, я стою на расовом понимании отношений между людьми, вы же – на противоположном, интернациональном.

– Ах, барон, не стоит так однозначно понимать политику большевиков. Существуют временные, преходящие факторы и существуют постоянные национальные интересы. Недавно у меня на партконференции был спор с Кларой Цеткин, немецкой интернационалисткой. Мы не можем допустить, чтобы Россия стала жертвой

международного эксперимента, наша политика меняется, некоторые наши бывшие праги это уже поняли. Скоро я встречаюсь с японцами. России и Японии одинаково невыгодно, чтоб такие страны, как Америка, имели влияние в Китае. У вас, барон, крепкие связи с японцами. Кроме того, вы немец, у вас связи с Германией. Германия ограблена Версальским договором и должна понять, что у нее с Россией много общего.

– Это так, – ответил барон, – Россия, как и Германия, – восток, противостоящий западному разложению человечества.

– Если вы согласитесь, мы дадим вам некоторое количество хороших солдат...

– Чекистов?

– ...хороших солдат, остальных подберете по своему усмотрению. Нам вы больше не опасны, а косоглазых можете резать, как резали раньше.

Блюхер рассмеялся.

– А трибунал и приговор? – спросил барон.

– Вас приговорят к смерти, но не расстреляют. Мы поможем вам бежать из тюрьмы. Мы поможем вам перейти границу.

Он снова разлил шампанское.

132. Сцена

В Иркутске барона зачем-то возили на новом фордовском автомобиле по советским учреждениям.

– Это губисполком, – говорил приставленный гид, секретарь губисполкома, – это губнаробраз, это губпродснаб.

В учреждениях, одинаково украшенных портретами вождей, транспарантами, смотреть на барона сбегались советские служащие, особенно барышни. Барышни шептались между собой:

– Интересный мужчина, высок и тонок, белокурые волосы с хохолком сверху. Рыжие усы и борода. Совсем не жестокое лицо, как о том пишут в газетах. Кроткая, виноватая улыбка. Он очень мил.

Одна из барышень преподнесла барону букет цветов. Барон галантно поцеловал ей руку. Суетились фоторепортеры.

– Можно вас сфотографировать?

– Пожалуйста, пожалуйста, – отвечал барон, – хоть со всех сторон.

– Нравится вам у нас? – спрашивал гид-губсекретарь.

– Любопытно, – отвечал барон, – я помню митингующие анархичные советы, штабы в вагонах, а теперь у вас истинные при-

сутственные места. Порядок, советская бюрократическая машина работает полным ходом, на все смотрю с любопытством, но без восхищения.

– Отчего ж без восхищения? – ревниво спросил секретарь губисполкома.

– Чесноком сильно пахнет, – резко и громко ответил барон. Секретарь губисполкома визгливо заржал и сказал веселым шепотом сопровождающему его совслужащему:

– Это барон намекает на засилие евреев в наших учреждениях.

Вдоль улицы собирались обыватели, смотрели на барона.

– Генерал, – говорили они, – истинный “его превосходительство”, царский орден носит “Георгия”.

– Кровопийца! – крикнул какой-то рабочий. – Волк обратился в ягненка.

– Могу ли я посмотреть здание суда, – спросил барон у секретаря, – там, где меня будут судить.

– Вас не здесь судить будут, не в Иркутске, – словоохотливо ответил губсекретарь, – в Новониколаевске будут судить.

– Отчего же?

– Для большего эффекта. Новониколаевск стал теперь официальной столицей Сибири. Судебное заседание состоится в здании театра в загородном саду Сосновка. Уже сформирован состав чрезвычайного трибунала. – Он вынул бумагу. – Председатель – старый большевик Опарин, начальник сибирского отдела Верховного суда при ВЦИКе, члены – товарищ Кудрявцев от ЦК профсоюза, товарищи Габышев и Гуляев от пролетариата и крестьянства, от Красной армии знаменитый партизанский вожь товарищ Александр Кравченко. Защитник – бывший присяжный поверенный Боголюбов. Общественный обвинитель – товарищ Емельян Ярославский.

– Кто этот Ярославский? – спросил барон.

– О, Ярославский партиец с большим стажем. Он много пишет по вопросам атеизма.

– Тогда понятно, – сказал барон.

– Интерес очень велик, – вдохновенно продолжал губсекретарь, – входные билеты распределяются заранее. Я надеюсь получить через губисполком. Желающих много. Конечно, предпочтение отдается рабочим и красноармейцам. Много журналистов, разумеется, от газеты “Советская Сибирь” и прочих. Но ведущий московский журналист “Правды” и “Известий” товарищ Иван Майский тоже будет. Он уже назначен послом в Англию, но все-таки приедет, учи-

тивая, что репортажи будут читаться и в эмигрантском Харбине, и в белом Приморье, и переводиться для иноземных газет на разные языки.

– Куда мы едем? – спросил барон, чтоб как-то прервать вдохновенную болтовню губсекретаря.

– В наш городской музей, – ответил губсекретарь, – множество богатых экспонатов.

– Я утомлен, – перебил словоохотливого губсекретаря барон, – нельзя ли назад, в тюрьму?

133. Сцена

Судебное заседание открылось в полдень в новониколаевском здании театра в загородном саду Сосновка. У входа большая толпа. Шум, ропот. Вход охраняется. Администратор кричит толпе:

– Товарищи и граждане, все войти не могут.

В ложах и за ложами, в проходах скамьи набиты битком. На сцене душно и тесно. Лампы горят слабо. На сцене обычный лозунг “Да здравствует мировая революция!”, стол под красным сукном, на авансцене, на выдвинутом в зал помосте, скамья для подсудимого. Вокруг снуют люди с фотоаппаратами. Входит трибунал. Все встают и снова усаживаются. Тишина. Вводят Унгерна. В зале шепот:

– Каков! Смотрит больше вниз, утомленно, держится спокойно.

– Заседание открыто, – объявляет председатель Опарин. – Зачитываю обвинение из трех пунктов. Первый: действия под покровительством Токио, что выразилось в планах создания центральноазиатского государства; второй: вооруженная борьба против советской власти с целью реставрации Романовых; третий: террор и зверства. Признаете себя виновным по данному обвинению?

– Да, – ответил Унгерн, – за исключением одного – связи с Японией. Я марионеткой Японии не был и ничьей марионеткой не буду.

– Слово предоставляется общественному обвинителю товарищу Емельяну Ярославскому, – сказал председатель.

Емельян Ярославский с растрепанной копной волос, подвижный и самоуверенный, встал и начал:

– Товарищ председатель, уважаемые члены чрезвычайного трибунала, я хотел перевести данный процесс в особую плоскость. Это не политический процесс, как бы ни обвиняли нас в политичес-

ких преследованиях наши враги. Это процесс нравственный. Моя задача показать Унгерна типичным представителем не просто дворянства, а именно дворянства прибалтийского, самой эксплуататорской породы. Здесь, в зале театра Сосновки, витает призрак остзейских баронов, которые сосали кровь из России, но одновременно предавали ее Германии. Теперь они перекрасились в русских патриотов, потому что лишились имений. Подсудимый, – обратился Ярославский к барону, – прошу вас более подробно рассказать о своем происхождении и связи меж баронами Унгерн-Штернбергами, германскими и прибалтийскими.

– Не знаю, – ответил барон.

– Чем отличился ваш род на русской службе? – спросил Ярославский.

– Семьдесят два убиты на войне, – ответил барон.

– У вас были большие имения в прибалтийском краю и Эстляндии?

– Да, в Эстляндии были, но сейчас, верно, нет, – ответил барон.

– Лично у вас имения были? – спросил защитник.

– Лично у меня не было, но я по происхождению аристократ, землевладелец и воин.

– Сколько лет вы насчитываете в своем роду? – спросил Ярославский.

– Тысячу лет, – ответил Унгерн. – Но меня всегда интересовала не древность крови, но ее состав.

В зале послышались шепот и смешки.

– Ваши расистские взгляды нам известны, – сказал, тряхнув копной волос, Ярославский, – и прочие ваши нравственные пороки. Глядя на этого человека в мятом монгольском халате, невольно задаешь себе вопрос, как мог он быть знаменем и вождем сотен и тысяч людей. Но моментами, когда он поднимает лицо, сверкает такой взгляд, что жутко становится. Получается впечатление, что перед вами костер, который слегка прикрыт пеплом.

134. Сцена

Процесс шел уже несколько часов. Все устали, но голос Ярославского, умелого говоруна и демагога, продолжал греметь.

– Как последовательный атеист, опирающийся на наше марксистское атеистическое мировоззрение, я вижу важный элемент

патологической порчи барона Унгерна в его патологической религиозности. Изложите нам свои убеждения, подсудимый.

– Я человек верующий, – ответил барон, – я верю в Бога и Евангелие и практикую молитву. Предсказания Священного Писания, приведенные мной в приказе номер пятнадцать, я считаю своими убеждениями. Источник моей веры – Священное Писание. Идеи монархизма – вот, что толкнуло меня на путь борьбы.

– В приказе № 15, захваченном под Троицкосавском, есть призыв к жестоким расправам над людьми, которые вы постоянно осуществляли, – спросил член трибунала Кравченко. – Как эти жестокости сочетаются с евангельскими истинами, в которые вы верите?

– Народам нужен мир, высший дар неба, – ответил Унгерн. – Ждет от нас, верующих в подвиги в борьбе за мир, и тот, о ком говорит святой пророк Даниил в главе одиннадцатой, предсказавший жестокое время гибели носителей разврата и нечестия и пришествие дней мира.

– Вот вам и ответ, – оживленно подхватил слова барона Ярославский, – они, такие, как барон Унгерн, верующие фанатики, считают, что не только нужно установить некий ряд обрядов, они верят в какого-то бога, верят, что этот бог посылает им баранов и бурят, которых нужно вырезать, и что бог указывает им путь. Бог велит вырезать евреев, и служащих, и членов центросоюза, и комиссаров, и учителей школ.

– Надо подчеркнуть факт, – сказал Кравченко, – что, будучи патологическим антисемитом, с особым садизмом барон истреблял именно евреев.

– Нет, товарищ Кравченко, – сказал Ярославский, – я не стал бы подчеркивать. Товарищ Троцкий сказал: “Я по национальности не еврей, я по национальности интернационалист”. Присоединяюсь к словам товарища Троцкого. Барон Унгерн несколько раз пытался намекать на мое еврейское происхождение, но я, будучи убежденным атеистом, тем не менее отвечаю барону чисто по-евангельски. Для меня лично Унгерн просто несчастный человек, вбивший себе в голову, что он спаситель и восстановитель монархов и на него возложена историческая миссия. Суд над бароном Унгерном есть суд не над личностью, а над целым классом общества, классом дворянства, особенно остзейского дворянства, творившего жестокости от эпохи крестовых походов, к которым прямо причастны предки подсудимого. Жестокость барона Унгерна объясняется двумя причинами: классовой психологией дворянства и религиозностью, которая по сути набор кровавых суеверий. Якобы заботясь о судьбе России,

барон есть серьезный противоборец России и проводник захватнических планов Японии. Приговор должен быть приговором над всеми дворянами, которые пытаются поднять свою руку против власти рабочих и крестьян.

В зале раздались аплодисменты.

Затем выступил защитник Боголюбов.

– После великолепной и совершенно объективной речи обвинителя мне остается добавить немного. Согласен по сути с обвинителем, я не согласен с ним в деталях. “Серьезный противоборец России, проводник захватнических планов Японии” – но так ли это? Нет, уважаемый трибунал. При внимательном изучении следственного материала мы должны снизить барона Унгерна до простого мрачного искателя военных приключений. Одинокого, забытого совершенно всеми, даже за чертой капиталистического окружения. Уважаемый обвинитель Емельян Ярославский объявил Унгерна типичным представителем своего класса. Но разве может, хотя бы и прибалтийский барон, будучи нормальным человеком, проявлять такую бездну ужасов? Если мы, далекие от медицины и науки люди, присмотримся во время процесса, мы увидим, что помимо того, что сидит на скамье подсудимых представитель так называемой аристократии, плохой ее представитель, перед нами ненормальный, извращенный психически человек, которого общество в свое время не сумело изъять из обращения. Поэтому предлагаю два варианта приговора. Первый: было бы правильно не лишать барона Унгерна жизни, заставить его в изолированном каземате вспомнить об ужасах, которые он творил.

– Борьба с капиталистическим окружением делает этот вариант сугубо предположительным, – сказал Ярославский.

– Тогда остается второй: мгновенная смерть будет самым легким концом его мучений. Это будет похоже на то сострадание, которое мы оказываем больному животному, добывая его. В этом отношении барон Унгерн с радостью примет наше милосердие.

– Гражданин Унгерн, вам предоставляется последнее слово, – произнес председатель Опарин.

– Мне нечего сказать, – ответил барон.

– Объявляется перерыв, – заявил председатель трибунала. – Трибунал удаляется на совещание.

135. Сцена

После перерыва председатель зачитал приговор.

– Именем Российской Советской Социалистической Республики гражданин Унгерн Роман Федорович признан виновным по всем трем пунктам обвинения, включая сотрудничество с Японией, и приговорен к смертной казни, расстрелу. Приговор окончательный, обсуждению и обжалованию не подлежит.

136. Сцена

Утомленного Унгерна отвели в камеру. Он хотел вздремнуть, но дверь камеры открылась, и вошел Блюхер.

– Приняли решение, барон? – спросил он.

– Я устал, – ответил барон, – я хочу конца.

– Значит, отказываетесь?

– Я никогда ничьей марионеткой не был, тем более не хочу стать марионеткой красных.

– Барон, есть великая Россия, красная ли, белая ли. Вы, барон, не первый. В интересах великой России перешли к нам, красным, доктор Чичерин, генерал Брусилов, генерал Попеляев и другие.

– Это все генералы без армий, – ответил барон, – а генералы без армий должны стреляться. Если вы действительно намерены оказать мне услугу, то дайте револьвер с одним патроном или яд.

– Хотите ли вы еще что-либо сказать или передать? – спросил Блюхер.

– Передавать мне нечего и некому, – ответил барон. – Георгиевский крест, который всегда был на мне, я изгрыз ночью зубами, чтоб после смерти моей никому не достался. А сказать напоследок кое-что хотелось бы. Если бы не предательство моих офицеров, я ушел бы в Тибет через Гоби. Я долго всерьез обдумывал план похода в Тибет. Южный Китай охвачен краснотой, и единственное место, где красноты нет или она только начинается и поддается лечению, это Тибет. Только там, в святой для меня земле обетованной, колыбели арийской расы, я мог спокойно пережить все, происходящее в России и Китае. У меня не получилось, но считаю неизбежным рано или поздно ваш поход на Северный Китай в союзе с Южным. Теперь мне уже все равно. Дело мое кончено. Но как военный профессионал профессионалу советую идти через Гоби не летом, а зимой при соблюдении следующих условий: лошади должны быть кованы, продвижение должно совершаться мелкими частями с большими дистанциями для того, чтобы лошади могли добывать себе достаточно корма. Корма зимой там имеются, а воду вполне заменяет снег. Летом же Гоби непроходима ввиду полного отсутствия воды.

Кстати, велите принести мне большой сосуд с водой, я испытываю сильную жажду.

– Вас расстреляют сегодня под вечер, – сказал Блюхер.

– Я буддист, – ответил барон, – день смерти для меня счастливый. Конечно, хочется умереть достойно, как офицер и дворянин, не в петле. Колчак угрожал меня повесить.

– Вы будете расстреляны, – сказал Блюхер, – и умрете не от пули в затылок, а по-солдатски перед стрелковым взводом.

– Благодарю вас, – сказал барон, – вы очень любезны.

– Прощайте, – произнес Блюхер, – мне были интересны наше знакомство и беседы.

Блюхер вышел. Вскоре вошел надзиратель и принес большой кувшин воды. Барон жадно начал пить.

137. Сцена

Небольшой грузовик остановился в глухом загородном лесу у поляны. Барону приказали выйти и встать у заранее выкопанной могилы. Выстроился стрелковый взвод. Малиновое, кроваво-багровое опускалось солнце. Было время вечерней молитвы. Барон перекрестился лютеранским крестом и зашептал буддийскую вечернюю молитву. Раздался залп. Барон упал. Он лежал, не шевелясь, но командир взвода, возможно, наслышавшись легенд о том, что пули не берут Унгерна, несколько раз дополнительно выстрелил ему в голову из маузера. Потом с барона стащили сапоги. Место его захоронения тщательно разровняли, чтоб могила осталась неизвестной.

138. Сцена

Уже несколько месяцев мы пробивались к китайской границе. Бои были жестокими, так как обе стороны слишком хорошо знали, что между красными и белыми милосердие невозможно. Было гораздо лучше погибнуть в сражении, чем живым попасть в руки противника. Так как мы потеряли почти половину людей, нам приходилось проявлять необыкновенную осторожность и двигаться по местности зигзагами, то карабкаясь по крутым скалам, то опускаясь в долину. Пока пули щадили меня и Веру, в последнем бою я был лишь слегка ранен в руку. Вера вела мою лошадь на поводу, моя винтовка лежала у нее поперек седла. Мы ехали медленно, поминутно ожидая нового нападения, так как наши патрули доносили, что красные следуют за нами. Несколько раз, будучи в удобной пози-

ции, мы останавливались, скрывались за скалами, кустами и деревьями, подпускали противника на расстояние выстрела, а затем неожиданно открывали стрельбу. Каждый раз красные быстро отступали. Так мы двигались весь день и к вечеру въехали в узкую долину. Вскоре мы приблизились к скальной гряде, пересекавшей ущелье и почти полностью загораживавшей выход из него.

— В этом месте разобьем лагерь на ночь, — сказал, подъехав ко мне, полковник Марков и развернул штабную карту. — Долина тянется еще на четыре мили к северу, затем резко поворачивается к югу, туда, где находится знаменитый монастырь. Оттуда недалеко уж до китайской границы.

Мы разожгли костры и в ожидании ужина наслаждались теплом, ибо дни, особенно ночи, были холодны.

— Ходят слухи, что барон бежал, — сказал один из офицеров, — какие-то беженцы рассказывали, что на станции Маньчжурия видели барона, переодетым в штатское.

— Напротив, — сказал Марков, — я слышал, что барон будто бы перешел на сторону красных.

— Как бы там ни было, — сказал я, — приятно оказаться подальше от барона, так как жизнь в его армии была невыносима.

Подали ужин. Не успели съесть и две-три ложки, как патрульные подняли тревогу. Красные приближались для новой атаки.

— Первой сотне залечь цепью на склоне, — приказал Марков, — второй — занять плацдарм у леса для защиты тыла.

Мы побежали вверх по склону и залегли. Раненный в руку, я приспособился стрелять, прижимая приклад подбородком. Вера была рядом.

— Уйди, ты нужна в лазарете, — шепнул я ей.

— Нет, если тебя убьют, то я тоже застрелюсь.

— Не говори глупости, уходи.

— Нет, без тебя мне жить страшно, — шепотом ответила Вера.

Вдали замелькали силуэты приближающихся всадников. Мы подпустили их поближе и открыли огонь. Несколько упало, остальные повернули коней.

— За Россию, ура! — закричал Марков.

— Ура! — откликнулись казаки. Вскочив на коней, мы поскакали в контратаку, рубя на скаку, пока красные не скрылись в лесу. Трубач созвал нас обратно в долину.

— Наконец, мы получили возможность спокойно съесть свой ужин и немножко поспать, правда, не расставаясь с винтовками, — сказал я.

– Ешьте ужин, есаул, – сказал мне Марков, – поспать вам вряд ли придется. Надо выбраться отсюда, пока Щетинкин не подошел с главными силами. Я назначаю вас командиром ночного дозора. После ужина приходите ко мне.

Вера нагрела котелки с оставшимся ужином на костре.

– Скоро Пасха, – сказал Вера, – однако так холодно.

– Это здесь, в горах, в горных долинах, холод, – ответил я, – внизу, поближе к границе, уже цветет вишня. Такой тут климат.

– В прошлую ночь я ненадолго вздремнула и мне приснилась мама. Мама играла на фортепьяно, а перед ней стояло зеркало, в которое она смотрела. У нас было имение под Москвой, на Пасху мы всегда собирались там. Сестра Тоня приезжала с мужем из Финляндии.

Она заплакала.

– Коля, за что все это? За что эти мучения? Мы грешны, да, мы грешны, но неужели Господь так жесток? Неужели он так беспощаден?

– Если после всех наших грехов Господь все-таки оставил нам путь к спасению, значит он не жесток, а лишь справедлив, – ответил я.

– Каков же этот путь спасения, для всех ли этот путь?

– Да, для всех, – ответил я, – потому что даже в безвыходной ситуации всегда можно умереть. Смерть – последний дар Божий, спасение от мучений. Не спасутся лишь злодеи, ибо они умрут дважды. Вторая смерть – конечное осуждение.

Окончив ужин, я начал собираться. Проверил револьвер, повесил к поясу несколько гранат.

– Ты уходишь? Я с тобой.

– Иди к доктору в госпитальную палатку, там ты нужна.

– Коля, я тебя люблю и ревную.

– Ревнуешь? Милая моя, к кому ж ты меня ревнуешь? Не к смерти ли?

– Может быть, ведь смерть тоже женщина, но я надеюсь отбить тебя у нее.

Мы поцеловались, я пошел к Маркову.

– Есаул, – сказал мне Марков, – вам с пятью казаками надо осмотреть болотистую низину. Иного пути для выхода отсюда у нас нет. Стрелять запрещено. Из оружия вам остаются только ножи. При встрече с неприятелем его следует уничтожать молниеносно и тихо так, чтобы вокруг никто ничего не услышал.

Болотистая вода тускло поблескивала под луной. Мы шли, напугывая бугристую твердь, прижимаясь к шелестящим под ветром кустам. Вдруг послышался шлепающий звук. Я поднял руку. Мы остановились.

– Ложитесь, – прошептал я.

Мы легли на болотистую землю.

– Их двое, – шепнул один из казаков.

Двое красных дозорных беспечно шли по воде. Мы кинулись на них, сбили с ног, засунули их головы под воду и держали так, пока конвульсии не прекратились и они не затихли. Дальше мы двигались вперед на четвереньках.

– Смотрите, камень, – шепнул я, – двигаемся к камню. Там мы сможем немного обсохнуть и отдохнуть.

Когда мы почти достигли цели, камень неожиданно пошел. Это оказался еще один красноармеец, сидевший неподвижно, видно, задремавший. Я всадил ему в спину нож, и прежде, чем он успел закричать, мы навалились на него и засунули под воду. Болото, наконец, кончилось, и мы смогли идти быстрее. Вскоре показались огни.

– Неприятельский лагерь, – шепнул один из казаков. Ползком мы двинулись в его направлении, ожидая окрика часовых, но все было тихо.

– Похоже, лагерь пуст, – сказал я, – огни костров оставлены для обмана. Хорунжий, проверьте.

Хорунжий пополз в направлении лагеря. Мы затихли. Вскоре хорунжий вернулся.

– Лагерь пуст, ваше благородие, вот – нашел, – и протянул бутылку “Смирновской”. – Видно, и большевики любят побаловаться. Все-таки русские люди.

Он откупорил бутылку, и не успел я слова сказать, как уже глотнул из горла.

– Что вы делаете, хорунжий, – сказал я, – водка может быть отравлена.

– Нет, ничего, – сказал хорунжий, – хороша, ваше благородие.

И снова глотнул. Продрогшие от болотистой воды, мы выпили из горла, передавая бутылку друг другу. Теплота разлилась по жилам, взбодрила нас.

– Надо немедленно повернуть назад и обо всем доложить, – сказал я.

140. Сцена

Выслушав мой доклад, полковник Марков приказал:

– Людей разбудить, лошадей седлать, бесшумно оставить лагерь, двигаясь на юг. Начинается великая игра в прятки, кто кого перехитрит: мы Щетинкина или Щетинкин нас.

Миновав болотистую низину и пустой лагерь противника, где догорали костры, мы к утру вошли в довольно широкую, но окруженную со всех сторон скалами долину.

– Отсюда до монастыря мили две, – сказал полковник Марков. – Надо быстрее преодолеть это пространство. Сменить рысь на галоп! – скомандовал он.

Мы помчались вперед, но в этот момент со всех сторон с окружающих долину гор раздались выстрелы. Послышались пулеметные очереди, начали падать люди.

– Враг перехитрил нас, мы в западне! – закричал полковник Марков. – Спешиться и залечь!

141. Сцена

Враг превосходил нас численно. С этого момента жизнь наша превратилась в бесконечный кошмар. Бойцы из отряда Щетинкина расстреливали нас из-за скал, так что в долине мы постоянно находились в полной их власти. Наше число стремительно сокращалось.

– Есаул, – сказал мне полковник Марков, лежа за обломком камня с полевым биноклем, – у нас единственная возможность прорваться среди скал и скрыться в этом направлении.

Он приподнялся, указывая направление, и в этот момент пуля попала ему в грудь.

– Доктора, – закричал я.

Доктор Клингенберг и Вера не успевали перевязывать раненых, бинтов не хватало, использовали тряпки, разорванные на куски рубахи. Когда они подоспели, Марков уже хрипел.

– Есаул, – с трудом сквозь хрип едва произнес он, – принимай команду.

Потом, помолчав, добавил:

– Видишь, какая у нас война?

Тело его вытянулось.

– Он мертв, – сказал доктор и закрыл полковнику глаза.

К вечеру обстрел несколько стих. Горы затянуло туманом, подул влажный ветер. Приближалась гроза. Всюду лежали трупы, стонали раненые. Пригнувшись, я с доктором и Верой обходил наши позиции, оказывая раненым посильную помощь. Молодой хорунжий, с которым я ходил в дозор, лежал ничком. Я перевернул его лицом кверху.

– Убит выстрелом в лоб, – сказал доктор.

На губах его застыла счастливая улыбка, словно он попал туда, куда всегда мечтал попасть. Мы услышали чей-то стон и голос. Кто-то монотонно повторял одно слово:

– Темнота. Темнота.

Это был Гушин. Он сидел на земле, прижимая руки к лицу, и кровь струилась у него меж пальцев.

– Темнота, темнота, – повторял он.

– У него агония, – сказал доктор.

Но, услышав наши шаги, Гушин с невероятным трудом поднялся на ноги и резко сказал:

– Вернуться в строй, кто бы вы ни были!

– Володя, это я, Коля Миронов.

– Коля. Вот и кончилась наша дуэль, прощай.

– Володя, здесь Вера.

– Вера, подойди, Вера.

Сдерживая рыдания, Вера подошла. Гушин протянул вперед окровавленную руку и начал ощупывать лицо Веры, пачкая ее щеки, губы и лоб кровью.

– У него череп прострелен, – шепотом сказал доктор, – так что повреждены оба зрительных нерва, и он потерял зрение.

– Вера, прости меня, если можешь, – наконец произнес Гушин.

– Ты прости меня, Володя, – сказала Вера и поцеловала Гушина.

– Коля, Вера, – произнес Гушин, – поживите вместо меня, порадайтесь жизни.

Вдруг совсем близко раздалась пулеметная очередь. Пули зашелкали о камни. Мы упали, прижимаясь к земле.

– У них внизу, под скалой, пулемет, – произнес Гушин, – метров сто, не больше. С гор они стрелять не могут – туман. Если пулемет уничтожить, можно прорваться. Дай мне ручную гранату.

Я дал ему гранату. Он пополз в сторону, откуда слышались пулеметные очереди. Раздался взрыв, пулемет замолк. И тот час

же, словно вторя взрыву, прозвучал сильный удар грома. Ливень, будто во время всемирного потопа, обрушился с неба.

– Будем прорываться, – сказал я. – Это наш последний шанс. Отомстим за погибших товарищей.

Под сильным проливным дождем, сопровождаемым блеском молнии и громом, казаки вскочили на коней. Невыразимая ненависть ослепила всех, и без приказа казаки выхватили шашки из ножен.

– Вперед, в атаку! – крикнул я.

Громовое “ура!” слилось с очередным ударом грома. Небо кричало вместе с нами. Мы вихрем понеслись вниз по склону в направлении красных. Началась рукопашная. Но красные были слишком потрясены тем, что верная победа так неожиданно вырвана у них из рук, и не оказали нам достойного сопротивления. Стрелковая цепь, преграждавшая нам выход из долины, была смята. Под прикрытием темноты и грозы мы вырвались на простор.

142. Сцена

Семь дней и семь ночей красные вели по нам прицельный огонь с гор. Под конец мы дошли до такого жалкого состояния, что люди и лошади спали на ходу. Поэтому, достигнув монастыря, я приказал разбить лагерь. Вскоре дежурный офицер доложил мне:

– Ваше благородие, настоятель монастыря посетил наш лагерь и хочет говорить с вами.

В палатку вошел настоятель, старый монгол, и с ним еще несколько монахов. Настоятель поклонился мне и по здешнему монастырскому обычаю, подойдя, приложил ухо к моему сердцу. Стояв так в почтении, он, наконец, сказал:

– Господин старший, прошу вас покинуть это место, дабы древние храмы не пострадали от возможного обстрела. В свою очередь мы обещаем всю ночь творить мистические обряды с целью помочь вам разгромить врагов в другой битве в ближайшем будущем.

Я ответил:

– Ваше высокопреосвященство, слово “амогола”, что по-русски значит “мир”, для нас очень дорого. Но поскольку мы рассчитывали использовать высокие стены монастыря как укрытие, за которым могли бы по крайней мере поесть и передохнуть, то сейчас разочарованы. Однако время для ссор неподходящее. Что вы можете нам предложить?

Настоятель пошептался с монахами и сказал:

– Господин старший, наши монахи хорошие проводники. Вы оставите монастырь, но наши монахи в эту же ночь проведут вас тайными тропами в холмы позади вражеского отряда.

– Соглашение достигнуто, – сказал я и поклонился настоятелю.

Уходя, настоятель опять вежливо приложился ухом к моему сердцу.

143. Сцена

Мы оставили палатки в долине и немедленно отправились вслед за нашими проводниками. К рассвету мы занимали замечательные позиции в тылу у большевиков. Теперь мы видели, как они едут по горам, и вплотную следовали за ними. Как только они заметили наш лагерь в долине, то сразу кинулись в атаку.

– Они ожидают захватить нас врасплох, – сказал я, – не стрелять, дождаться, пока последний человек не спустится в долину.

Дождавшись, мы внезапно открыли огонь. Теперь они были беззащитны. Мы просто прицельно расстреливали их. Лишь немногим из них удалось в панике бежать.

– Кончено, – сказал я. – Прекратить стрельбу. Наконец, можно поесть и поспать.

Мы разбили лагерь на самом гребне гор. На возвышении были расставлены часовые. Остальные же наслаждались обильной трапезой, после которой последовал многочасовой сон. Утром мне доложили:

– Ваше благородие, пришли монголы и хотят с вами говорить.

Ко мне вошла депутация из нескольких монахов. Поклонившись, старший монах сказал:

– Мы принесли подарки от настоятеля нашего монастыря и благословение нашего настоятеля, который просил передать, что с настоящего момента вы находитесь под защитой могущественных духов здешних гор и долин, и вам нет больше нужды бояться ваших врагов. Вы можете смело спуститься с опасных высот и спокойно путешествовать низом, окрестности свободны.

– Сердечно благодарю настоятеля, – ответил я, – мы тоже пошлем ему подарки.

Когда монголы ушли, Вера сказала:

– У меня осталось немного драгоценностей. Может, послать настоятелю перстень с бриллиантом?

– Не стоит, Вера Аркадьевна, – усмехнулся доктор, – перстенек пригодится вам в эмиграции. А действительно надо послать хорошую русскую трубку, кожаный бумажник, дешевые часы и некоторые другие пустячки, которые точно должны порадовать сердце монгола.

144. Сцена

Собрав наше поредевшее войско, я обратился к нему с короткой речью.

– Господа, – сказал я, – хватит крови, мы устали от крови. Хочется верить, что это последнее сражение между красными и белыми. Это конец белого движения в Монголии. Оно поставило точку в гражданской войне, как для нас, так и для русской революции. В сложившихся обстоятельствах вам не остается ничего другого, как спасать свои жизни.

Мы двинулись вниз и вскоре оказались в долине. Всюду лежали трупы красноармейцев. Несколько еще стонало, и казаки с руганью добили их пашками. Я хотел возразить, но доктор остановил меня.

– Все равно они умерли бы от потери крови. Брать их нам некуда и перевязывать нечем, наши госпитальные подводы и без того переполнены.

Помолчав, он добавил, точно оправдываясь:

– Бог нам всем судья, хоть я и атеист.

Было холодно, по-прежнему дул с гор влажный ветер.

– Какая холодная пасхальная погода, – сказала Вера, – совсем, как во французской поговорке: “Новый год – на балконе, Пасха – перед камином”.

– Когда минем скалу и выйдем к озеру Долон-Нор, потеплеет, – сказал я и развернул штабную карту, доставшуюся в наследство от полковника Маркова. – До озера Долон-Нор мили три-четыре. Это уже китайская граница.

145. Сцена

Действительно, через час с небольшим пути впереди заблестела освещенная ярким солнцем озерная гладь. Потеплело настолько, что пришлось снять верхнее платье, оставшись в одних гимнастерках.

– Наконец, по-пасхальному весной запахло, – сказал Вера, глубоко вдыхая, – какое благоухание!

– Это цветет дикая вишня, – сказал я. – Долина наполнена благоуханием цветущей вишни.

– Благодатные места, – сказал один из казаков, глядя по сторонам.

– Верно, места такие, что и умирать не надо, – отозвался другой, – тут и хлебный урожай – не пожалуешься и пчелка медку да принесет.

– Вдоль озера по обе стороны границы есть хутора и поселения русских колонистов, – сказал я. – Пойти бы и нам с тобой, Вера, в пахари, как народники-интеллигенты в крестьяне шли, и как Лев Николаевич Толстой пахал.

– Нет уж, не хочу, – сказала Вера, – Лев Николаевич пахал не ради хлеба насущного, а из идейного желания опроститься. А у меня совсем другие идеи.

– Какие же?

– Надеть шелковые чулки и пойти к “Максиму”, видишь, какая я осталась куртизанка.

– Бедная, – сказал я и поцеловал ее.

– О другом, Коля, мы уже и мечтать не можем. Сидеть в собственном имении на балконе, заросшем жасмином, пить чай с маминым вишневым вареньем и читать Толстого. Это несбыточные мечты. Мама умерла, имение разграблено и сожжено милыми нашими крестьянами, в которых Толстой учил нас видеть основу природного и божеского.

– Зачем же упрекать крестьян в нарушении заповедей, если мы все их нарушали. Когда-то на меня, молодого студента, произвела очень сильное впечатление статья Толстого “Не убий никого!”, – сказал я. – Это правильная мысль в подтверждение древнего закона не содержит в себе, однако, объяснений, где лежит препятствие, мешающее ее осуществить – вне нас или внутри нас? Вот в чем вопрос, как сказано в “Гамлете”. Не есть ли желание убивать тем эгоистическим животным побуждением, на котором держатся все политические преступления и доктрины? Древний инстинкт, которому так тяжело противопоставить даже самые разумные нравственные идеи.

– Что же делать?

– Что делать? Не знаю. Жить и не бояться смерти. Мне кажется, ужас перед смертью делает человека убийцей. Иногда самоубийцей, но чаще всего убийцей других. Впрочем, это называется также инстинктом самосохранения, или в нашем военном деле

солдатской доблестью и храбростью. Как часто бывает в философии, круг замкнулся вопросом о квадратуре круга. Слова становятся бессильны, остается только безмолвная вера и безмолвная красота природы, этой земли, лугов, сочных листьев, травы, голубизны бескрайнего неба, пения птиц.

Меж тем казаки, ехавшие следом, тоже любясь красотой окрестной природы, вели меж собой нехитрые свои разговоры.

– После красной мобилизации вернулись мы к осени, – говорил один, – да сено докашивали еще в октябре.

– А Унгерн пришел – и вовсе разорение, – сказал другой.

– У нас в Забайкалье паров запаста не успели, сеять придется по старым жнивьям. Ежели лето засушливое – все сгорит. Урожай выдет сам-два, а местами не взять даже и затраченных семян.

Он вздохнул и вдруг, встряхнув чубатой головой, весело запел:

– Скакал казак через долину, через маньчжурские края.

Казаки хором подхватили:

– Скакал казак через долину, через маньчжурские края.

– Кисет казачка подарила, когда казак пошел в поход, – пел казак.

– Она дарила-говорила, что через год будет твоя, – подхватили казаки.

146. Сцена

Когда подъехали ближе к озеру, среди веселых весенних запахов вдруг повеяло вонью.

– Это, ваше благородие, с китайских огородов говно воняет, – простодушно объяснил один из казаков. – Вон, глядите, китайские огороды.

Неподалеку от озера стояла большая китайская фанза, а возле нее столб с доской. “Таможня” было написано на четырех языках: монгольском, китайском, русском и английском. Вокруг фанзы простирались огороды, с которых и пахло не слишком приятно. Навстречу нам торопливо вышел худой, очень загорелый китаец.

– Я начальник таможни Ца Ши, – сказал китаец, склонившись в вежливом поклоне.

Следом за ним вышло четверо мрачных парней, тоже поклонившихся нам по-китайски.

– Это мои служащие и сыновья, – улыбаясь, сказал китаец. – Куда вы следуете, уважаемые гости?

– Мы следуем в Маньчжурию, – ответил я, – но хотим прийти туда мирно. Мы белые, уходим от преследования большевиков.

– Белые, красные, – закудахтал по-куриному китаец, – всюду война. Раньше я получал жалованье из Урги. Но теперь, когда в Урге правит великий вождь монгольского народа Сухэ-батор, я не получаю жалованье, живу с огорода. Мы с моими служащими работаем с рассвета до ночи на огороде.

Я слез с коня и приказал казакам спешиться.

– Пока будут вестись переговоры с китайскими властями, мы разобьем здесь лагерь, – сказал я, – дашь нам овощей и других продуктов, мы заплатим.

– Я бедный человек, – закудахтал китаец, – я живу с огорода. Ежедневно я собираю в русских хуторах помет животных, золу, обрезки овощей и бросаю их на грядки.

– Ты хочешь аванс? Доктор, выдайте ему аванс.

Доктор, который одновременно исполнял обязанности казначея, отсчитал деньги, достав их из кожаного мешка. Китаец пересчитал ассигнации и заодно сгреб серебряные монеты.

– Очень хорошо, – сказал он, – я бедный человек, я собираю также листья, корни, падаль, гнилую рыбу, кости, остатки волос от бритья – все-все, что у вас останется, дорогие гости, отдавайте мне.

Он что-то сказал одному из своих сыновей.

– У него нехорошие глаза, – шепнул мне доктор, – надо быть с ним осторожным. Он, безусловно, связан с китайцами на той стороне и может привести сюда китайских солдат.

– Возможно, – ответил я, – надо выставить караул. Я слышал, что одиноких беглецов или мелкие группы белых офицеров и солдат китайцы старательно вылавливали, чаще убивали на месте, иногда бросали в тюрьму. Но мы все еще представляем собой грозную силу в несколько сот хорошо вооруженных всадников с пулеметами. К тому же теперь Монголию заняли красные и Чжан Цолин должен видеть в нас своих прямых союзников.

Опять появился улыбающийся китаец.

– Дорогой главный гость, – сказал он мне, – я хочу вам кое-что показать. Сюда, сюда, дорогой главный гость, – улыбаясь, он повел меня за фанзу и указал на большую отхожую будку. На ней большими красными буквами было по-монгольски, по-китайски, по-английски и по-русски написано: “Счастье тому, кто вошел”. – Когда вам и другим дорогим гостям потребуется, приходите сюда посидеть.

Как раз во время нашего разговора двое сыновей китайца черпалом таскали из отхожей будки содержимое ведрами.

– Ца Ши, вы великий огородник, – сказал я и поспешил уйти.

147. Сцена

Второй наш мирный день был очень солнечным и теплым. Мы разбили лагерь на берегу маленькой горной речушки, впадавшей в озеро. Солдаты отправились купаться, стирать белье и одежду. Слышался их смех и веселые голоса. Вскоре земля вокруг была усеяна яркими желтыми, красными, синими и зелеными пятнами простиранного белья, расположенного на траве для просушки. Повсюду нависли горы седел и амуниций. Ряды винтовок в безупречном порядке составлены в пирамиды по пять штук. Над двумя полевыми кухнями, захваченными нами у красных, в небо поднимался голубой дымок. Весеннее солнце мягким покрывалом окутывало все вокруг. В целом картина производила впечатление полного мира и покоя. За долгие месяцы я не брал в руки никакой книги и теперь решил воспользоваться передышкой и почитать. Но едва я раскрыл лермонтовский томик, как вошел дежурный и доложил:

– Ваше благородие, в кустах найдены два скелета в форме русских кавалерийских офицеров.

Отложив книгу, я вышел и пошел к кустарнику.

– Гляжу, блестит что-то, – говорил казак, по всей видимости нашедший мертвецов, – думал золото, а это золотой погон.

Во внутреннем кармане истлевшего мундира одного из мертвецов оказался старый бумажник, содержащий портрет красивой женщины и письмо, сплошь размытое. Сохранилось лишь несколько слов. “Живы, слава Богу”, – прочел я с трудом. И в другом месте: “волнуемый воспоминаниями”.

– Думаю, китаец убил, – сказал один из казаков, – убил и ограбил.

– Привести сюда китайца, – приказал я.

Привели китайца.

– Кто это? – спросил я его.

– Не знаю, главный дорогой гость, – испуганно кланялся китаец.

– Ты убил?

– Не я, дорогой главный гость. Китайские солдаты убили. Они злы на русских из-за белого генерала.

– Какого генерала?

– Один русский генерал, его имя Унгерн, бежал со своей родины и объявил Китаю войну. Он установил власть Богдо Гэгена

и перебил столько китайцев, сколько встречал на своем пути. А теперь этот белый генерал тоже умер и показал закон непостоянства.

– Откуда ты знаешь, что он умер?

– Газеты читал, дорогой главный гость, у меня в таможене много газет. Русские газеты, немецкие газеты, английские газеты, японские газеты. Раньше газеты везли из Харбина в Ургу и из Урги в Харбин. Русские фирмы, японские фирмы, немецкие фирмы, английские фирмы брали у меня газеты. Теперь при новой власти газеты лежат, никто их не берет. Жалованья нет, живу огородам.

– Где газеты?

– Пойдемте, пойдемте, дорогой главный гость, – обрадованно говорил китаец, оправившись от испуга. – Я покажу.

– Что ж, ваше благородие, китайца живым оставлять? – спросил один из казаков. – Ведь он убийца.

– Сейчас не время ссориться с китайцами, – ответил я. – Хватит нам лить крови. Если китаец виноват, то Бог его покарает.

– Пойдемте, пойдемте, дорогой главный гость, – суетился китаец, – убил не я, убили китайские солдаты. Страх, как много перебил русский генерал китайских солдат. Они валялись тут на солнце, и птицы слетались к ним со всего мира. Бедные, глупые люди эти китайские солдаты. Дорогой главный гость, из хорошего железа гвозди не делают, делают из худого. Доброго человека в солдаты не берут, берут худого.

Говоря без умолку, китаец привел меня в маленькую каморку, сплошь заваленную пачками старых газет. Тут были харбинские эмигрантские, советские, немецкие, китайские, японские. Я выбрал несколько газет, где говорилось о суде и казни барона. Газета “Красная Сибирь” писала: “Железная метла пролетарской революции поймала в свои твердые зубья одного из злейших врагов советской власти”. Белоземлигрантская харбинская газета “Новости жизни” писала: “Тысячелетняя кровь барона имела для его палачей особый букет, как старое вино”. Статья в немецкой газете “Берлинер Тагеблатт” называлась “Как погиб барон Унгерн фон Штернберг” с подзаголовком “со слов очевидца”. В другой немецкой газете, в небольшом листке “Мюнхенер Беобахтер”, который, судя по почтовому штемпелю, выписывался информационным отделом японского национального клуба в Урге, была заметка, подписанная “Альфред Розенберг”, очевидно тот самый друг детства барона. Заметка называлась “Барон Унгерн Штернберг, борец с еврейским интернационалом”. Она начиналась так: “Он был национал-социалистом еще до национал-социализма”. “Вряд ли барон согласился бы с этим опре-

делением, – подумал я, – всякий социализм он ненавидел всей душой потомственного аристократа. Скорей всего, расизм барона был все-таки аристократическим.” Но далее шли слова, которыми барон, пожалуй, остался бы доволен: “Ариец, который с мечом в руке вернулся на свою священную прародину, ведомый тайными силами и мистическим голосом крови. Здесь, в гобийской Туле, три тысячи лет назад впервые был начертан знак свастики, символ идеального миропорядка, чье скорое возрождение предвещал барон Унгерн, этот германец в монгольском халате”.

– Неужели садист и изувер действительно умер, – сказала Вера, – просто не верится.

– Он хотел покорить пол-мира, как Чингиз-Хан, а теперь лежит в могильной глине где-то под Новониколаевском, – сказал я.

– Мне кажется, он будет вставать из могилы и сосать кровь, как Дракула. Он снится мне иногда со своими светлыми волосами, маленькой головой – кошмарные сны.

– Да, барон принадлежит к породе воскресающих мертвецов, – сказал я, – такие злодеи и в могиле не знают покоя. Возможно, он станет персонажем легенд и прочих всевозможных сочинений. Но мы, белые, должны радоваться его смерти. Служить ему было кошмаром, преступлением против совести, несчастьем для всякого приличного человека. За ним могли идти с радостью только уголовные преступники, такие, как Бурдуковский и Сипайлов.

– Ах, не к ночи упомянуто, – сказала Вера и перекрестилась. – давай лучше думать о пасхальной Всенощной и пасхальном ужине. С той стороны уже доносится звон колоколов. Очевидно, там, в русском поселке, есть православная церковь. Хорошо бы успеть туда ко Всенощной.

Вера задула свечу, и мы легли, обнявшись. Только теперь, после долгих месяцев похода и боев, начинался наш медовый месяц.

148. Сцена

Но поспать спокойно в эту ночь нам так и не довелось. Где-то в третьем часу ночи казаки разбудили меня.

– Ваше благородие, в подвале у китайца кто-то стонет.

- Кто стонет? - переспросил я спросонья.

- Не знаем, ваше благородие, мы, ваше благородие, в подвал полезли, слышали, китаец там рисовый самогон хранит, полезли, а в подвале кто-то стонет.

Я наскоро оделся и пошел вслед за казаками. По шаткой грязной лестнице спустились в темный подвал, освещенный лишь фонарем, который держал один из казаков, и остановились перед маленькой железной, ржавой дверью, откуда, действительно, доносились стоны.

- Где китаец?

Приволокли полуодетого китайца.

- Кто здесь?

- Дорогой главный гость, - испуганно кудачтал китаец, - здесь вор. Я таможенник, мне велено хватать воров, которые хотят перейти границу.

- Открой!

Дрожащими руками китаец сунул ключ в замочную скважину, связка ключей висела у него на шее, даже когда он спал. Между тем, услышав голоса, кто-то изнутри слабым голосом, прерываемым плачем, закричал по-русски:

- Спасите!

- Здесь русский?

- Да, русский вор.

Луч фонаря упал внутрь каморки, откуда пахло зловонием, и тотчас хвостатые тени бросились с писком.

- Крысы, - сказал подошедший доктор. - Это китайская попытка крысами.

Действительно, лицо, руки и обнаженные ступни лежавшего связанного человека были покрыты сыпью кровавых укусов.

- Кто вы? - спросил я.

- Есаул, - ответил с плачем жалобный голос, - я полковник Сипайлов.

Я пригляделся.

- Вот и не доверяй после этого суевериям, - сказал я, - говорят же, не поминай черта к ночи.

- Ужасное зрелище - измученный, страдающий черт, - сказал доктор.

- Китайцы, вообще, лучшие палачи. Таковыми они считаются и в белой контрразведке, и в ЧК.

- Господин Миронов, спасите меня, - плакал Сипайлов, - китаец держит меня уже много дней, не знаю сколько. Я все потерял, все забыл. Спасите меня, господин Миронов.

Повернувшись по-змеиному на бок, он ткнулся искусанным красным лицом в мои сапоги и начал их целовать. Я брезгливо оттолкнул его ногой.

- Господин Миронов, - сказал мне китаец, впервые назвав меня так официально, а не как прежде "Дорогой главный гость", - я получил приказ от губернатора китайской провинции Хай-Лар арестовать этого господина. Это комендант Урги, который убил много китайцев.

- Почему вы держите его здесь? - спросил я.

- Скоро за ним должна приехать стража, - ответил китаец.

- Он требует, чтобы я сказал ему, где спрятано золото барона, - извиваясь, плакал Сипайлов, - спасите меня! Пусть китаец выйдет, и я скажу, где спрятано золото.

- Выйди, - сказал я китайцу.

- Я знаю, где спрятано золото барона, знаю место под Ургой, где барон зарыл четыре ящика.

- Даже если это правда, все равно нам до этого места не добраться, - сказал я. - Ты, Сипайлов, заслужил свою участь. Извиваясь в муках и впадая в бред, вспоминай тех, кого ты сам замучил.

Появилась встревоженная Вера:

-Что здесь происходит?

-Уйди, это зрелище не для тебя. Здесь Сипайлов.

Она глянула.

- Боже, какой ужас! - и быстро отвернулась.

- Милая барышня, попросите, чтоб меня взяли отсюда. Пусть меня убьют. Не рубят шашками, а застрелят.

- Возьмем его, а потом отдадим китайскому губернатору, - сказал я. - Китайская каторга хуже смерти.

- Сообщите обо мне японскому атташе Судзуки, - сказал Сипайлов, когда казаки выводили его из каморки.

149. Сцена

Утром дежурный сообщил мне:

- Ваше благородие, представитель китайского губернатора ждет вас в таможне для переговоров.

Представитель губернатора был китаец в европейском костюме и золоченых очках. Вежливо улыбаясь, он сказал:

- Господин офицер, я послан к вам китайским губернатором Хай-Лара, владельческим господином Фэй-Цзы, для переговоров о разоружении перед вступлением в Хай-Лар. Губернатор Хай-Лара, владельческий господин Фэй-Цзы, дает письменную гарантию безопасности.

Сказав это, он взял у услужливо стоящего за спиной таможенника маленькую чашечку чая, выпил ее маленькими глотками и произнес:

- Нашим гарантиям можно верить, ибо Китай цивилизованная древняя страна. Старинный Китай достиг всего, что теперь с таким трудом начинает открывать мудрость Запада. Например, закон Конфуция или положительное и отрицательное электричество, о котором давно говорилось в книге Ли-Цзина, а закон Эйнштейна давно предвосхищен одним единственным китайским иероглифом у древнего ученого Мо.

Китаец вновь улыбнулся и, взяв у таможенника влажное полотенце, вытер руки. Окончив говорить, представитель губернатора встал и раскланялся, таможенник торопливо засеменил перед ним, раскрыв дверь.

- Ты хорошо служишь, - сказал ему представитель губернатора.

- Шаги служащего должны быть вчетверо шире шагов хозяина, - подобострастно улыбаясь, ответил таможенник.

150. Сцена

Наше конное войско, обойдя озеро Долон-Нор, пересекло китайскую границу. Китайские солдаты стояли в полном вооружении по обеим сторонам, но к нам не приближались. Мы слезли с коней, сложили оружие и далее двинулись пешей колонной. Я взял большой деревянный могильный крест с подводы и пошел впереди. Этот мой жест пасхального смирения произвел впечатление на казаков. Многие глаза увлажнились, потекли слезы. Все вокруг было, как пасхальные яйца, окрашено в пасхальные праздничные тона. Синее небо, солнечный край которого был апельсинно-багровым, зеленая трава и деревья, серебристая гладь озерной воды. Из расположенного неподалеку поселка русских колонистов доносился торжественный звон пасхальных колоколов. Жалостный, надрывный плач чаек, носящихся над озером, дополнял небесное торжество земной скорбью по тем, оставшимся позади, которым в день своего Святого Воскресенья Спаситель обещал посмертный справедливый суд.

- Христос воскрес, Вера! - сказал я, глядя на ее лицо со скорбными обостренными чертами.

- Воистину воскрес! - ответила она, подняв голову.

Томительно-призывно, по-бетховенски звучали колокола.

* * *

В пятидесятые годы правительство ФРГ хотело назначить одного из представителей рода Унгерн-Штернбергов послом в Москве, но Хрущев сказал: “ Нет. Был у нас один Унгерн и хватит.”

Фридрих Горенштейн-родился в 1932 г. в Киеве. Окончил сценарные курсы. В 1962 г. опубликовал в журнале "Юность" рассказ "Дом с башней". В 1972 г. по сценарию Горенштейна Андрей Тарковский снял фильм "Солярис". По сценариям Горенштейна поставлено восемь фильмов, в том числе три телевизионных. Однако ни одного прозаического произведения после 1962 г. в России опубликовано не было.

С 70-х годов произведения Горенштейна начинают систематически публиковаться на Западе в журналах: "22" (Израиль), "Время и мы" (Нью Йорк), "Континент" (Париж), "Слово" (Нью Йорк). Они переведены на английский, французский и ряд других языков. Наиболее крупные книги, издаваемые за рубежом: "Псалом" и "Искушение".